ISSN 2687-072X **16+**

№ 4 (25), 2023
Научный журнал
Основан в июне 2014 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (25), 2023
Scientific journal
Published since June 2014
Issued 4 times a year

БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК ТАМБОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

THEOLOGICAL COLLECTION OF TAMBOV THEOLOGICAL SEMINARY

Учредитель, издатель СМИ:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской Православной Церкви»

Адрес издателя:
392000, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. М. Горького, д. 3

The establisher, The publisher:
Religious organization – theological educational organization of higher education "Tambov Theological Seminary of the Tambov Diocese of the Russian Orthodox Church"

The address of the publisher:
3 M. Gorky Street, Tambov,
392000, Tambov region

© Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской Православной Церкви», 2023. Все права защищены. При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна. Ответственность за публикацию материалов несёт автор.

© Religious organization – theological educational organization of higher education "Tambov Theological Seminary of the Tambov Diocese of the Russian Orthodox Church", 2023. All rights reserved. The reference is obligatory while reprinting and citing the materials.
The responsibility for the content rests upon the author.

Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 4 (25). – 244 с. – ISSN 2687-072X. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_244. EDN: EIWGDZ.

https://elibrary.ru/eiwgdz

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровый номер средства массовой информации:
ПИ № ФС77-79585 от 13 ноября 2020 г.
Журнал включен:

– в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 21.02.2023) по специальностям: 5.11.1 Теоретическая теология, 5.11.2 Историческая теология, 5.6.1 Отечественная история, 5.11.3 Практическая теология, 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации;
– в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории, доктора церковного права, доктора церковного искусства и кандидата богословия (в редакции от 28 апреля 2023 г.).

Рекомендован к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС Р24-322-0526

Главный редактор, научный редактор: митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (С. И. Васнев).
Заместитель главного редактора: Е. В. Грудинина.
Секретарь журнала: священник Николай Николаевич Киреев.
Выпускающий редактор, корректор: Е. С. Забавникова.
Редактор текстов на английском языке: Ю. А. Зусман.
Администратор сайта: Е. М. Сергеева.
Компьютерное макетирование: Е. В. Ермохина.

Территория распространения: Российская Федерация.
Подписной индекс ВН018555 в электронном каталоге ГК «Урал-Пресс», расположенном на сайте www.ural-press.ru.

Адрес редакции: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. М. Горького, д. 3.
Тел.: 8 (4752) 55-92-72; e-mail: tdsnauka@yandex.ru;
веб-сайт: http://tamds.ru/nauchnyj-zhurnal-bogoslovskij-sbornik-tambovskojduhovnoj-seminarii/

Подписано в печать 27.11.2023. Дата выхода в свет 28.12.2023. Формат 70x100 (1/16)
Гарнитура «School Book AC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,48. Тираж 500 экз. Заказ № 1277. Цена свободная.
Оригинал-макет подготовлен в Обществе с ограниченной ответственностью «Тамбовский полиграфический союз». Отпечатано в ООО «ТПС». Юридический адрес типографии: 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Пензенская, д. 5–1.
Тел. +7 900-499-48-88. E-mail: info@tps68.ru; http://www.tps68.ru
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Theological Collection of Tambov Theological Seminary. – 2023. – No. 4 (25). – 244 p. – ISSN 2687-072X. – DOI: 10.51216 / 2687-072X_2023_4_244. EDN: EIWGDZ.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
The mass media registration number:
PI No. FS77-79585 dated November 13, 2020.

The journal is included:
– in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications in which the main scientific results of dissertations are to be published for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences (as of February 21, 2023) by the following specialties:
5.11.1 Theoretical Theology, 5.11.2 Historical Theology,
5.6.1 Domestic History, 5.11.3 Practical Theology,
5.9.1 Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation;
– the All-Church List of Peer-Reviewed Publications, in which research results of applicants for ecclesiastical scholastic degrees of Doctor of Theology, Doctor of Church History, Doctor of Church Law, Doctor of Church Art and Candidate of Theology are to be published (updated April 28, 2023).

Recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church ИС Р24-322-0526

Editor-in-Chief, Scientific Editor: Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Feodosy (S. I. Vasnev).
Deputy Editor-in-Chief: E. V. Grudinina.
Secretary: Nikolay N. Kireev, Priest.
Copy Editor: E. S. Zabavnikova.
Editor of English Texts: Yu. A. Zusman.
Site Administrator: E. M. Sergeeva.
Computer page planning: E. V. Ermokhina.

Distribution territory: Russian Federation.
Subscription index BH018555 in the electronic catalog of the Ural-Press Group of Companies located on the website www.ural-press.ru.

Editorial office address: 392000, Tambov region, Tambov, M. Gorky St., 3.
Tel. +7 (4752) 55-92-72; e-mail: tdsnauka@yandex.ru;
website: http: //tamds.ru/nauchnyj-zhurnal-bogoslovskij-sbornik-tambovskojduhovnoj-seminarii/

Signed to print on 27.11.2023. Published on 28.12.2023. Format 70x100 (1/16)
Font "SchoolBookAC". Offset printing. Offset paper.
Conventional printed sheets 20,48. Circulation 500 copies. Order no. 1277. The price is free.
The original layout was prepared by the Limited Liability Company "Tambov Polygraphic Union". Printed at TPS LLC. The address of the printing house: 5, Penzenskaya st., Tambov, 392008, Tambov Region. Tel. +7 900-499-48-88. E-mail: info@tps68.ru; http://www.tps68.ru
The opinion of the editors may not coincide with the opinion of the authors.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович), доктор теологии, кандидат богословия. Тамбовская духовная семинария, ректор (г. Тамбов, РФ).

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия. Издательский совет Русской Православной Церкви, Председатель (Москва, РФ); Калужская духовная семинария, ректор (г. Калуга, РФ).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член бюро Научного совета РАН по природному и культурному наследию, член Совета по науке Министерства культуры РФ. ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», проректор по научной деятельности, заведующий кафедрой литературы и лингвистики (Москва, РФ).

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ по истории. Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, заместитель директора (г. Орел, РФ).

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ по теологии. ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор кафедры истории России (Москва, РФ).

Протоиерей Дмитрий Юрьевич Лескин, доктор философских наук, кандидат богословия, доцент, почетный работник общего образования РФ, заслуженный работник образования Самарской области. АНО ВО «Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского», ректор (г. Самара, РФ).

Архимандрит Сергий (Акимов Виталий Викторович), доктор богословия, профессор, член Синодальной библейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви (г. Мерано, Италия).

Игумен Серапион (Митько Август Евгеньевич), доктор теологии, кандидат философских наук. Синодальный миссионерский отдел Русской Православной Церкви, заместитель председателя (г. Москва, РФ).

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», заведующий кафедрой философии и методологии науки Факультета истории, мировой политики и социологии (г. Тамбов, РФ).

Ильин Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор. Тамбовский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», директор (г. Тамбов, РФ).

Налетова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», первый проректор (г. Тамбов, РФ).

Безукладова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», директор Департамента международных связей (г. Тамбов, РФ).

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», профессор кафедры русского языка Факультета филологии и журналистики (г. Тамбов, РФ).

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Факультета филологии и журналистики (г. Тамбов, РФ).

Протоиерей Виктор Федорович Лисюнин, кандидат богословия, кандидат исторических наук. Тамбовская духовная семинария, заместитель заведующего кафедрой библеистики, богословия и церковной истории (г. Тамбов, РФ).

Диакон Антоний Артурович Дик, кандидат исторических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет

им. Г.Р. Державина», заведующий кафедрой теологии; Тамбовская духовная семинария, старший преподаватель кафедры библеистики, богословия и церковной истории (г. Тамбов, РФ).

Алленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент. Тамбовская духовная семинария, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой библеистики, богословия и церковной истории (г. Тамбов, РФ).

Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук. Тамбовская духовная семинария, проректор по научной работе (г. Тамбов, РФ).

Евтихиев Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент. Тамбовская духовная семинария, заведующий кафедрой филологических и церковно-практических дисциплин (г. Тамбов, РФ).

Ряховская Татьяна Викторовна, кандидат философских наук. Тамбовская духовная семинария, заместитель заведующего кафедрой библеистики, богословия и церковной истории (г. Тамбов, РФ).

Орлова Вера Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент. Тамбовская духовная семинария, внештатный консультант (г. Тамбов, РФ).

EDITORIAL COUNCIL

Feodosy (Sergey I. Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, PhD in Theology. Tambov Theological Seminary, Rector (Tambov, RF).

Kliment (German M. Kapalin), Metropolitan of Kaluga and Borovsk, Doctor of History, PhD in Theology. Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Chairman (Moscow, RF); Kaluga Theological Seminary, Rector (Kaluga, RF).

Alexander N. Uzhankov, Doctor of Philology, PhD in Cultural Studies, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the Bureau of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences for Natural and Cultural Heritage, Member of the Science Council of the Ministry of Culture of the Russian Federation. Moscow State Institute of Culture, Vice-Rector for Research, Head of the Department of Literature and Linguistics (Moscow, RF).

Viktor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission for History under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Central Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director (Orel, RF).

Sergey I. Resnyansky, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the Expert Council for Theology of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia", Professor of the Department of Russian History (Moscow, RF).

Dmitry Yu. Leskin Archpriest, Doctor of Philosophy, PhD in Theology, Associate Professor, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of the Samara Region. Volga Academy of Education and Arts named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow, Rector (Samara, RF).

Sergiy (Vitaly V. Akimov), Archimandrite, Doctor of Theology, Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Serapion (August E. Mitko), Hegumen, Doctor of Theology, PhD in Philosophy. Synodal Missionary Department of the Russian Orthodox Church, Deputy Chairman (Moscow, RF).

Nikolai V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor. Derzhavin Tambov State University, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, World Politics and Sociology (Tambov, RF).

Aleksei Yu. Ilin, Doctor of History, Professor. Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director (Tambov, RF).

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor. Derzhavin Tambov State University, First Vice-Rector (Tambov, RF).

Irina Yu. Bezukladova, Doctor of Philology, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University, DIrector of the International Relations Department (Tambov, RF).

Lyudmila Ye. Khvorova, Doctor of Philology, Professor. Derzhavin Tambov State University, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Journalism (Tambov, RF).

Natalia V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor. Derzhavin Tambov State University, Department of Russian and World Literature, Journalism, Faculty of Philology and Journalism (Tambov, RF).

Viktor Lisyunin, Archpriest, PhD in Theology, PhD in History. Tambov Theological Seminary, Deputy Head of the Biblical Studies, Theology and Church History Department (Tambov, RF).

Antony Dik, Deacon, PhD in History, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University, Head of the Theological Department; Tambov Theological Seminary, Senior Lecturer of the Biblical Studies, Theology and Church History Department (Tambov, RF).

Inna V. Allenova, PhD in History, Associate Professor. Tambov Theological Seminary, Vice-Rector for Academic Affairs, Head of the Biblical Studies, Theology and Church History Department (Tambov, RF).

Elena V. Grudinina, PhD in Philology. Tambov Theological Seminary, Vice-Rector for Research (Tambov, RF).

Petr N. Evtikhiev, PhD in Pedagogy, Associate Professor. Tambov Theological Seminary, Head of the Philological and Church Practical Disciplines Department (Tambov, RF).

Tatiana V. Ryakhovskaya, PhD in Philosophy. Tambov Theological Seminary, Deputy Head of the Biblical Studies, Theology and Church History Department (Tambov, RF).

Vera D. Orlova, PhD in History, Associate Professor. Tambov Theological Seminary, Freelance Consultant (Tambov, RF).

СОДЕРЖАНИЕ

Теология и религиозная философия

Гузенина Светлана Валерьевна, Анисина Елена Алексеевна
Духовная безопасность российского студенчества: итоги социологических опросов в Тамбове и Рязани 14

Косиченко Анатолий Григорьевич
Грех и избавление от него в Православии: антропологические аспекты 31

Историческая теология и отечественная история

Ильин Алексей Юрьевич, Плужников Александр Николаевич
К вопросу о создании единого реестра храмов в рамках работы над «Энциклопедией Тамбовской митрополии» 51

Священник Владислав Владимирович Баган
Канонические труды протоиерея Михаила Горчакова: характеристика и их роль в канонистике Синодального периода..... 63

Священник Константин Алексеевич Рева
Издательская деятельность Московской Патриархии в 1971–1990 годы как форма регламентации богослужебной практики 80

Священник Александр Сергеевич Митянин
Деятельность епархиальных съездов православного духовенства в 1909–1918 годах (по материалам Тамбовской епархии) 95

Церковно-практические науки

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович)
Антисектантская деятельность священномученика Кирилла (Смирнова) в Тамбовской епархии (на материале проповедей 1910–1915 гг.) 112

Гусакова Виктория Олеговна
О современном восприятии церковного искусства: сакральное и художественное (на примере иконы «Троица» преподобного Андрея Рублева) 129

Суслова Раиса Анваровна
Миниатюры Мариинского Евангелия в контексте византийской книжной традиции 148

Священник Даниил Валентинович Яковов
Вклад игумена Иринарха (Шемановского) в развитие Обдорской миссии как ориентир для выработки стратегии миссионерского служения на современном этапе 171

Духовная словесность

Хворова Людмила Евгеньевна, Грудинина Елена Валерьевна
Слово о русском языке. К вопросу о формировании отечественной духовно-культурной традиции. Посвящается Году русского языка и памяти профессора В. К. Журавлева (1922–2010) 187

Петров Николай Игоревич
«Се, Жених грядет в полунощи...» (О репрезентациях сакральных текстов в синодальной России) 209

Священник Евгений Михайлович Дынич
Художественное изображение революции в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов: духовная проблематика и христианские мотивы (на примере романа «Белая гвардия») 225

CONTENTS

Theology and Religious Philosophy

Svetlana Guzenina, Elena Anisina
Spiritual security of Russian students: results of sociological surveys in Tambov and Ryazan 14

Anatoly Kosichenko
Sin and deliverance from it in Orthodoxy: anthropological aspects..... 31

Historical Theology and National History

Aleksey Ilyin, Aleksandr Pluzhnikov
On creation of a unified register of temples as part of work on the "Encyclopedia of Tambov Metropolitan See" 51

Vladislav Bagan, Priest
Canonical works of Archpriest Mikhail Gorchakov: characteristics and their role in canonistics of the Synodical period 63

Konstantin Reva, Priest
Publishing activity of the Moscow Patriarchy in 1971–1990 as a form of regulation of liturgical practice..... 80

Alexander Mityanin, Priest
Activities of diocesan congresses of the Orthodox clergy in 1909–1918 (based on materials of Tambov Diocese) 95

Church-Practical Sciences

Feodosy (Sergey Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo
Anti-sectarian activities of Holy Martyr Kirill (Smirnov) in Tambov diocese (based on sermons of 1910-1915).....112

Victoria Gusakova
On the modern perception of Church art: sacred and artistic (based on the example of the "Trinity" icon by Reverend Andrei Rublev) 129

Raisa Suslova
Miniatures of the Mariinsky Gospel (Codex Marianus) in the context of the Byzantaine book tradition 148

Daniil Iakovov, Priest
The contribution of Hegumen Irinarkh (Shemanovsky) to the development of the Obdorskaya Mission as a guideline for developing a strategy for a modern mission 171

Spiritual Literature

Lyudmila Khvorova, Elena Grudinina
Speaking about the Russian language. On the formation of the national spiritual and cultural tradition. Dedicated to the Year of the Russian language and the memory of Professor V. K. Zhuravlev (1922–2010) 187

Nikolai Petrov
"Behold, the bridegroom comes at midnight..." (on representations of the sacral texts in Synodal Russia) 209

Evgeny Dynich, Priest
Artistic depiction of the revolution in M. A. Bulgakov's prose of the 1920s: spiritual issues and Christian motifs (based on the novel "The White Guard") 225

ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.736

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ТАМБОВЕ И РЯЗАНИ

https://elibrary.ru/ektrtq

Гузенина Светлана Валерьевна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры политологии,
социологии и международных процессов
факультета истории, мировой политики и
социологии Тамбовского государственного
университета имени Г. Р. Державина
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
E-mail: dialog-lana@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2909-9513

Анисина Елена Алексеевна
кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой социологии
Рязанского государственного университета
имени С. А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46
E-mail: elenaanisina78@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3816-8995

Для цитирования: Гузенина С. В., Анисина Е. А. Духовная безопасность российского студенчества: итоги социологических опросов в Тамбове и Рязани. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_14. EDN: EKTRTQ // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 14–30.

Аннотация

В статье представлено осмысление проблемы духовной безопасности российской молодёжи в контексте изучения ценностных ориентаций студенческой молодёжи двух российских регионов.

На основании социологических замеров, проведённых в Рязани и Тамбове (осень 2022 г.), авторы делают вывод о том, что в коллективном сознании российских студентов, живущих в провинциальных российских городах, преобладает осторожное отношение к ценностям иных культур. Это обусловлено наличием, во-первых, устойчивой этнокультурной традиции; во-вторых, российской городской культурной традиции и, в-третьих, укоренившихся ценностей Православия, осуществляющих борьбу «старого с новым» и, таким образом, сохраняющих вечные, вневременные духовные ценности российской культуры.

Результаты авторских эмпирических исследований показали, что образ Родины, духовный образ родного края выступают значимыми ценностными ориентирами для молодёжи российской провинции, при этом такие образы реалистичны и регионально «окрашены», то есть соответствуют исторической, социальной или культурной памяти конкретного российского региона.

Ключевые слова: образ Родины; духовные ценности российской молодёжи; духовная безопасность молодёжи.

Введение

В последние годы в России проблематика духовной безопасности становится всё более значимой, что отражается на росте количества научных публикаций по данной теме. Отметим, что очевидными векторами таких исследований становятся традиции духовной безопасности в культуре славянских государств, восточной культуре, Православии и исламе [1]; основания национальной духовной безопасности; специфика формирования и компоненты культуры духовной безопасности человека и общества [2]; актуальные акценты современной духовной безопасности (в кино, музыке, литературе, СМИ); духовная безопасность современной молодёжи и подростков [3]; духовная безопасность в интернет-пространстве (девиации в Сети, плюсы и минусы цифровизации и т.д.) [4].

Безусловно, осмысление духовной безопасности молодёжи и подростков представляется наиболее приоритетным направлением, поскольку с молодым поколением любое государство связывает будущее страны. Ценностные ориентиры грядущих поколений определяют: как граждане страны будут относиться к Родине и друг к другу, во что они будут верить; к каким целям будет двигаться развитие экономики, образования, науки; какое духовное пространство будет формировать и определять мировоззрение целой нации.

Общеизвестно, что молодые люди и подростки стремятся быть признанными в среде сверстников, часто ищут компании других подростков, которые могли бы их оценить. Задиристость и агрессивность, делинкветное поведение (delinquency – правонарушение, провинность) могут отталкивать от них большинство сверстников, однако они часто находят друзей среди себе подобных. Стремление подростков к объединению, совершению различных действий экстремистского характера в составе группы – одна из главных причин развития экстремизма не только в нашей стране, но и во всём мире [5].

Необходимо заметить, что во времена возникновения молодёжных организаций экстремистской направленности (начало 90-х гг. XX века) делами таковых групп никто не занимался и преступления на расовой, национальной и религиозной почве квалифицировались как хулиганство, то есть такая квалификация преступного деяния занижала степень ответственности и общественную опасность. Безнаказанность, отсутствие правовых норм и соответствующих санкций со стороны государства способствовали развитию молодёжного экстремизма, уверовавшего в допустимость своих поступков, слабость и ничтожность законов, вызвав тем самым в молодёжной среде аномию, безнормативность, отказ верить в способность правоохранительной системы и закона защитить или справедливо покарать. В этом контексте важно отметить серьёзную отрицательную роль средств массовой информации в формировании негативных тенденций. В общероссийских печатных изданиях ещё недавно можно было встретить заметки, статьи и целые развороты, посвящённые деятельности нелегальных экстремистских организаций, встречалось детальное описание их акций и программ; издавались книги на русском языке, запрещённые во всём мире по причине пропаганды расизма, праворадикального национализма, призывов к насилию. В сети Интернет можно было найти видеоматериалы хулиганских потасовок, избиения иностранцев или мигрантов. Специалистами отмечается, что свою негативную роль в России сыграла и романтизация образа криминальной субкультуры, а основные угрозы духовной безопасности молодёжи несут девальвация роли семьи и брака, размывание базовых культурных и духовно-нравственных ценностей под воздействием масскультуры [6].

Основная часть

Дефицит патриотических чувств, до недавнего времени отмечавшийся у населения, привёл к тому, что у значительной части молодого поколения оказались несформированными такие традиционные нравственно-психологические черты российского менталитета, как романтизм, самоотверженность и любовь к Отечеству, готовность к подвигу, честность, добросовестность, вера в добро и справедливость, стремление к правде и поиску идеалов, позитивной реализации не только личных, но и социально значимых интересов. Однако исторический вызов ставит перед системой среднего и высшего образования социокультурные, нравственные, духовные, содержательные и организационные задачи. Важно, чтобы молодые люди усвоили, что их личное, семейное благополучие, достижение жизненных ожиданий в различных сферах деятельности и социальный статус взаимосвязаны с готовностью к служению своему Отечеству – тому коллективу, городу и государству, в котором они живут.

В новых исторических условиях происходит становление нового Отечества, в этой связи определяется и новое культурное явление – рост патриотизма российского общества. Его рождение представляет собой, с одной стороны, новый социокультурный феномен, с другой – сложный и противоречивый процесс. Особое место в мировоззрении каждого человека занимает его отношение к Родине. Именно поэтому эффективные механизмы патриотического воспитания в процессе социализации молодого поколения РФ требовали своей разработки.

В настоящее время в России отчётливо наблюдается активизация духовно-нравственного воспитания и патриотической работы с молодёжью, что связано с большим вниманием федеральных и муниципальных властей к этому вопросу. Однако в связи с низким уровнем профессионализма специалистов уровень эффективности таких мер недостаточен.

Результаты авторского эмпирического исследования *«Патриотическое воспитание как фактор социализации студенческой молодёжи в современной России»,* проведённого в г. Тамбове в 2019 г. (N=238), указывают на низкий уровень патриотического самосознания студенческой молодёжи, которое необходимо фор-

мировать. Результаты опроса студенческой молодёжи в г. Тамбове показали, что основная проблема посещения патриотических мероприятий молодёжью – их плохая организация, да и в целом основной вывод исследования следующий: патриотическое воспитание молодёжи – это не разовые мероприятия, а многоплановая, систематическая, целенаправленная и скоординированная деятельность, которой необходимо заниматься профессионально, с учётом современного уровня информационной грамотности, духовных запросов, возможностей и интересов российского студенчества [7].

Силами социологов двух российских областных центров (Рязань, Тамбов) осенью 2022 года стартовал анкетный опрос «Образ Родины глазами российских студентов». Выборка квотная, методологическим ограничением выступали пол, возраст, место проживания и занятость респондентов (в опросе приняли участие только студенты Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина и Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина).

Учитывая особенности учебного процесса и другие сложности организационного характера, в качестве метода сбора первичной социальной информации использовался онлайн-опрос. Общая выборочная совокупность составила 588 респондентов, в равном количестве опрошенных от каждого областного вуза.

Анализ полученных данных показал следующий социологический портрет респондента: значительное большинство студентов (89%) считают себя русскими. По гендерному признаку есть незначительные различия (см. Таблицу 1), что объясняется гуманитарно-педагогической направленностью рязанского вуза, который исторически всегда считался женским учебным заведением, однако в целом гендерное распределение двух регионов соответствует общероссийскому.

Таблица 1.

Распределение по гендерному признаку

Пол	Вуз	
	РГУ имени С. А. Есенина	ТГУ имени Г. Р. Державина
Мужской	21%	34%
Женский	79%	66%

Как в Рязани, так и в Тамбове большая часть студентов идентифицирует себя как «верующие» (60% и 52%), каждый седьмой считает себя атеистом. Важно отметить, что около четверти студентов, принимавших участие в опросе, пока не определились в своём отношении к религии (см. Рис. 1), что вполне понятно, поскольку в силу возрастных особенностей у студенческой молодёжи ещё нет чётких, стабильных жизненных ориентиров, ясной картины мира, и их мировоззрение находится в стадии формирования.

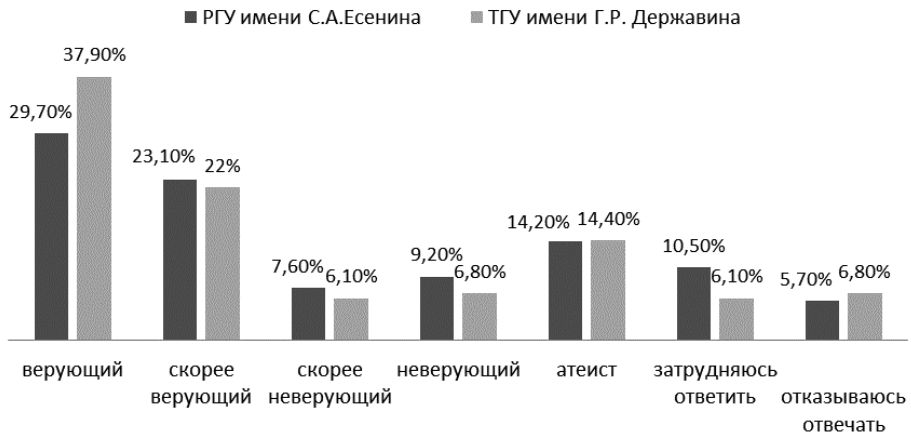

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов по вопросу «Ваше отношение к религии?»

При анализе данных установлена общая тенденция при определении типичных целей современной молодёжи. Лидирующая пятерка приоритетных целей информантов двух областных центров выглядит так:

1. Карьера.
2. Материальное благополучие.
3. Здоровье – своё и близких.
4. Любовь.
5. Богатство и престиж.

«Семейные ценности», «дружба», «духовное развитие» не были выделены в качестве приоритетных, а такие цели, как «служение Родине», «политическая власть», «власть над другими людьми», «секс», «возможность полноценного отдыха» и даже «слава и из-

вестность» набрали в рейтинге целей студенческой молодёжи двух городов всего от 0,9% до 4%.

Подчеркнём, что такое распределение базовых духовных ценностей в молодёжной среде ЦФО держится довольно долгое время, о чём свидетельствуют как результаты аналогичных авторских региональных исследований прошлых лет, так и данные социологов из соседних российских областей [8]. Примечательно, что при ответе на вопрос исследования «Совместимы ли, по Вашему мнению, базовые ценности нашего общества с нравственностью?» больше половины студентов Тамбова (61,4%) дали положительный ответ, в Рязани – соответственно (67%).

Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем бинарный культурный тип мировоззрения молодёжи российской провинции – западно-российский. В контексте такого мировидения студенческая молодёжь не считает безнравственным стремление к материальному благополучию, успеху и престижной работе, в то же время приоритетными ценностями жизненного мира молодых людей по-прежнему традиционно выступают «здоровье близких и собственное», а также «любовь».

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ясно обозначил нравственные доминанты, которые соответствуют культурному пространству нашей страны и на которые стоит ориентироваться в работе с молодёжью. В государственном документе постулируется, что «к традиционным российским ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным...»[1]

Одной из важнейших традиционных ценностей в настоящем контексте является формирование положительного образа Родины у российской молодёжи. В нашем опросе мы попытались выявить его общие черты у студентов государственных университетов Ря-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 08.12.2022).

зани и Тамбова. Экспериментально полученные данные показали, что ведущими чертами образа Родины для студентов РГУ имени С. А. Есенина выступают: «детские воспоминания» (13%), «образ чего-то, чем нужно гордиться» (9%), «образы национальных героев» (8%). Для студентов ТГУ имени Г. Р. Державина образ Родины – это «детские воспоминания» (14,1%), «образы национальных героев» (9,5%), «образ чего-то, чем нужно гордиться» (9,1%), «образы и картинки в книгах по истории» (8%), «образ матери» (7,8%).

Очевидно, что образ Родины у молодёжи эмоционально окрашен, ведь воспоминания о детстве всегда навевают тёплые чувства: дом, семья, дружба, любовь родителей и близких. Знаменательные события в стране, результаты труда соотечественников, предков или современников вызывают гордость и радость, а потому среди ответов о составляющих образа Родины – «первый полёт в космос», «вакцина от ковида», архитектурные памятники и сооружения, произведения искусства русских мастеров. Образы защитников Отечества, выдающиеся учёные и художники, исторические личности – это тоже Родина. Результаты опроса демонстрируют значимость факторов героики, исторической памяти в структуре образа Родины студентов, что указывает на системную работу в этом направлении государства, педагогического сообщества, молодёжных организаций, СМИ и кинопроката за последние несколько лет, поскольку авторские данные, полученные в 2013, 2015 и 2018 годах [7; 9], свидетельствуют о том, что в течение нескольких лет составляющие, связанные с героизмом и историей, отсутствовали в структуре образа Родины студенческой молодёжи в провинции.

В современных сложных условиях, безусловно, происходит переосмысление представлений об образе Родины, поэтому важным представлялось задать молодым респондентам вопрос: «Насколько значим для Вас образ Родины?» Данные исследования не могут не радовать социологов: для большинства студенческой молодёжи Рязани и Тамбова образ Родины очень важен (Рис. 2). Безусловно, такое положение дел связано с консолидацией российского общества, ростом патриотических настроений, утверждением российской самоидентичности молодых респондентов.

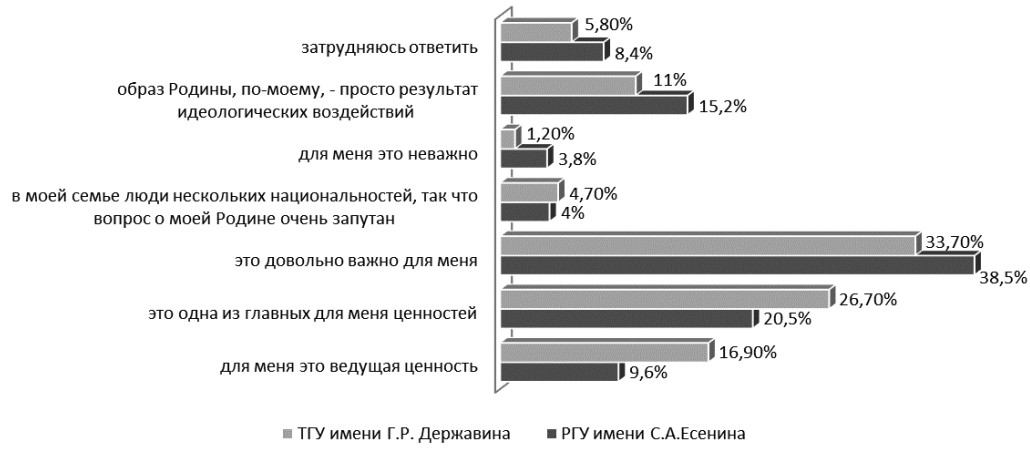

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов по вопросу «Насколько значим для Вас образ Родины?»

О сложности, противоречивости коллективного молодёжного сознания свидетельствуют следующие результаты опроса молодых респондентов об образе Родины:

– почти половина опрошенных студентов двух городов полагает, что любовь к Родине заключается в социальном поведении, то есть соблюдении законов и общепринятых норм. Действительно, законопослушание – непременная составляющая «любви к Родине», но, разумеется, не определяющая, поскольку законы и общественные нормы выступают лишь инструментами социальной стабильности;

– при ответе на уточняющий вопрос о том, как расценивают респонденты утверждение «В обычной жизни житейские ценности важнее, чем любой образ Родины», около 50% информантов двух городов высказали согласие относительно этого утверждения, 15% затруднились ответить. Вопрос являлся достаточно провокационным, потому что проблема выбора всегда даётся сложно, особенно у молодёжи, которая не имеет ещё чёткой гражданской позиции;

– больше половины респондентов Рязани (56%) и почти половина респондентов Тамбова (45%) дали положительный ответ на фразу «Где хорошо, там и Родина». Очевидно, что для студенческой молодёжи Родина – это понятие не только географическое, но пре-

жде всего место, где молодой человек востребован, нужен, любим. Разумеется, такая позиция тревожна, поскольку соответствует рациональному (западному) типу мировоззрения;

– в коллективном сознании российских студентов, живущих в провинциальных российских городах, преобладает, тем не менее, осторожное отношение к ценностям иных культур благодаря, во-первых, наличию устойчивой этнокультурной традиции во-вторых, российской городской культурной традиции и, наконец, в-третьих, укоренившимся ценностям Православия, которые синергийно [1] осуществляют борьбу «старого с новым», таким образом сохраняя вечные, вневременные духовные ценности российской культуры.

Подтверждают последний тезис результаты ассоциативного опроса в рамках нашего исследования. Ответы респондентов на вопрос «С каким литературным героем или киногероем ассоциируется у Вас образ Родины?» показательны: среди наиболее популярных – былинные богатыри (82%), Андрей Болконский (37%), Василий Тёркин (25%), Андрей Соколов (24%). Можно предположить, что выбор на таких героев пал не случайно. Все они, так или иначе, – защитники Отечества в разные исторические периоды. А сегодня тема борьбы со злом, фашизмом не может оставить молодёжь равнодушной.

Вполне ожидаемыми стали ответы студентов на вопрос «С каким животным ассоциируется у Вас образ Родины?» Образ Родины однозначно ассоциируется у респондентов с медведем. Медведь исторически утвердился в сознании русского человека как символ России, он отражает национальный характер, русский менталитет: на вид неповоротливый и простоватый, он в случае опасности проявляет недюжинную силу, ловкость и способность одолеть любого противника. Тамбовчане отмечают и другие ассоциативные образы России – конь и заяц. Очевидно, здесь мы видим отголоски символа России как гоголевской тройки, а также мотивы русских народных сказок.

Социологические данные, полученные учеными Рязани и Тамбова, позволяют сделать выводы о том, что образ Родины, духовный образ родного края выступают значимыми ценностными ориентирами для молодёжи российской провинции, при этом такие образы реалистичны и регионально «окрашены», то есть соответствуют

исторической, социальной или культурной памяти конкретного российского региона. Образ Родины прямо ассоциируется с героическими событиями прошлых лет, историей страны и семьи, выдающимися соотечественниками.

Религиозность выступает одной из базовых категорий в социологических исследованиях духовной жизни студенчества, при этом выделяют несколько типов религиозности в зависимости от теоретической позиции социолога. Мы встречаем понятия социальной и духовной религиозности у Г. Ленски, внутреннюю и внешнюю религиозность у Г. Оллпорта, каноническую и обыденную религиозность в исследованиях О. Лобазовой. Наиболее обоснованным перечисленным авторам представляется её определение как социального качества индивида или демографической группы, выражающегося в совокупности религиозных свойств сознания, поведения и отношений.

Принимая данное определение, в 2020 году силами рабочей группы социологов ТГУ имени Г. Р. Державина (рук. – д.с.н., проф. Гузенина С. В., исп. – студ. Солдовская В. И.) проведено авторское эмпирическое социологическое исследование с целью выявления качественных особенностей религиозности тамбовской молодёжи, опрос проведён методом онлайн-анкетирования, выборка квотная, респондентами стала молодёжь Тамбовской области в возрасте от 18 до 35 лет, N=209. В опросе приняли участие 85,4% женщин и 14,6% мужчин, ответы респондентов были сегментированы по трём смысловым блокам, объединившим религиозные ценности, религиозные практики и мировоззренческие установки молодых тамбовчан.

Интересно, что по результатам опроса большинство молодых респондентов Тамбовщины не задумывается о природе религии и её роли в жизни российского общества, но, несмотря на транслируемое равнодушие к вопросам религии, 86,6% молодых респондентов положительно относятся к крещению детей, крещены сами и высказывают готовность крестить своих будущих детей. Такое единодушие, очевидно, связано не столько с религиозностью и верой, сколько с национальной культурной традицией и самоидентификацией респондентов, отождествляющих крещение с причастностью к христианской/православной культуре, славянскому/русскому миру вообще (см. Рис. 3).

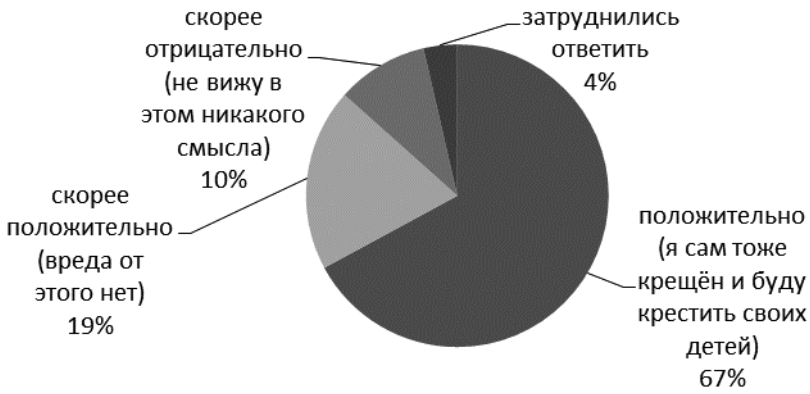

Рисунок 3. Распределение мнений респондентов по вопросу «Как Вы относитесь к крещению детей?»

В рамках настоящего опроса респондентам-тамбовчанам было предоставлено несколько проверочных суждений, связанных с верой в любые мистические события, суеверия, оккультизм, знахарство, астрологию и гадалок, карму, приметы и вещие сны. Примечательно, что такие суждения показали бинарность, «расколотость» коллективного сознания тамбовской молодёжи:

– 41% участников опроса верит в «закон бумеранга», а 39% – не верит;

– 36% молодых респондентов не верит в то, что «если вернулся – день будет неудачным», а также и в то, что «если приснится мясо, то заболеешь» (38%);

– большинство (51%) согласились с тем, что «православные ценности позволяют человеку сформировать крепкую семью и прожить достойную жизнь», однако 29% с этим не согласны;

– 54% участников опроса ответили утвердительно относительно тезиса «Я хочу, чтобы мои дети были знакомы с основами Православия»;

– 59% согласны с утверждением «Вера даёт утешение и надежду», но 20% уверены в том, что они атеисты («Я не верю в Бога»);

– при этом 77% молодых тамбовчан проявили единодушие, согласившись с тем, что «Главное не то, во что человек верит, а то, как он поступает».

Распределение мнений молодых респондентов по вопросу «Вы читали когда-нибудь религиозную литературу?» вновь показывает бинарность, «разорванность», сегментированность коллективно-

го сознания молодёжи Тамбова: 31,7% опрошенных читали книги и журналы с религиозной тематикой, 17,1% ответили, что подобного рода книги попадались случайно и интереса не вызвали; 27,4% признаются, что не приходилось читать религиозную литературу, поскольку эта тема им не интересна. Не читали и не собираются читать 13,4% опрошенных; 9,5% – затруднились ответить.

Особенно ярко обозначенная выше сегментация проявилась при ответе молодёжи Тамбова на вопрос об их отношении к введению уроков православной культуры в школе. На Рисунке 4 ясно обозначены 5 секторов, что показывает отсутствие коллективных представлений, или, говоря социологически, единого коллективного (группового) сознания.

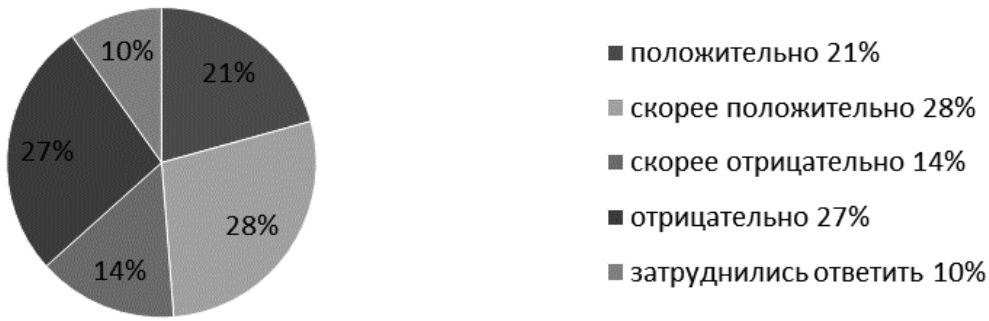

Рисунок 4. Распределение мнений респондентов по вопросу «Как Вы относитесь к введению уроков православной культуры в школе?»

Наконец, один из важных вопросов анкеты был посвящён духовному образу Тамбовской земли. Сергею Васильевичу Рахманинову свой голос отдали 12,8% опрошенных, образы архиепископа Луки и Святителя Питирима, епископа Тамбовского, выбрали по 19,2% опрошенных, что подчеркивает силу православных духовных традиций на Тамбовской земле. Большая часть респондентов выбрали в качестве духовного образа Тамбовщины героиню Великой Отечественной войны, уроженку Тамбовской области Зою Анатольевну Космодемьянскую – 39,7%, что свидетельствует о духовной связи молодёжи Тамбова с историческими событиями прошлого своей страны, родного края, городской культурой и историей основания города Тамбова как военной крепости.

Заключение

Проведённые опросы в Тамбове и Рязани показывают, что мировоззрение молодёжи находится в стадии становления, оно формируется в процессе обучения, воспитания и социализации, в подготовке к созидательному труду, служению своей Родине. Духовная безопасность молодёжи, таким образом, обеспечивается педагогическим трудом, опытом воспитательной работы, личным терпением и душевной отзывчивостью наставников. Значимыми здесь выступают и факторы информационной гигиены, и актуальные механизмы передачи студенческой молодёжи важных традиционных этнокультурных ценностей, духовных ценностей православной культуры, включая святость образа Родины, что и является надёжным гарантом духовной безопасности российской молодёжи в будущем.

Список литературы

1. *Черничкин, Д. А.* Сохранение конфессиональной безопасности в условиях развития религиозных онлайн-образований / Д. А. Черничкин, В. С. Дрягалов. – DOI: 10.21672/1818-510X-2020-62-1-141-147 // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 141–147.

2. *Соколова, А. А.* Дегуманизация современного общества и духовная безопасность / А. А. Соколова, А. Г. Дык, Т. В. Каленчук // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2019. – № 1. – С. 48–53.

3. *Соколовская, И. Э.* Информационно-психологическая безопасность личности как психотехнология защиты от манипуляции сознанием молодёжи / И. Э. Соколовская, О. И. Щербакова, Б. С. Вассякин. – DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-154-164 // Коммуникология. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 154–164.

4. *Романова, А. П.* Проблемы виртуальной религиозной идентичности / Романова А. П., Черничкин Д. А. – DOI: 10.31249/poln/2020.04.03 // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 59–73.

5. *Мамедов, В. А.* О молодёжном экстремизме / В. А. Мамедов // Региональная социальная политика – основа повышения качества жизни населения : материалы Первого Южно-Уральского социального форума. – Челябинск, 16–17 ноября 2006 г. : в 2 ч. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2007. – Ч. 2. – С. 26–29.

6. *Душина, Т.* Актуализация безопасности духовной культуры российского общества / Т. Душина, И. Бокачев // Власть. – 2011. – № 1. – С. 93–96.

7. Патриотическое воспитание как фактор социализации студенческой молодёжи : монография / С. В. Гузенина, В. Ф. Томилин, В. В. Черемисин, А. И. Фёдоров ; науч. ред. В. М. Тютюнник. – Тамбов : МИНЦ «Нобелистика». – 138 с.

8. Легко ли быть молодым: к вопросу о значимых факторах молодёжного сознания / С. В. Гузенина, И. А. Слетков, А. А. Иванишин, С. Ю. Ежов // В мире научных открытий. – 2015. – № 7/9 (67). – С. 3400–3409.

9. *Бабинцев, В. П.* Динамика ценностей и жизненных целей российской молодёжи / В. П. Бабинцев, Г. Ф. Ушамирская, А. Э. Ушамирский // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14 (211). – С. 34–40.

10. *Иванов, Д. А.* Понятие «синергия» и «синергический эффект»: семантический и эволюционный аспекты / Иванов Д. А. – DOI: 10.18334/гр.17.20.36917 // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 20. – С. 2583–2594.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 17.09.2023.
Статья принята к публикации 20.10.2023.

UDC 316.736

SPIRITUAL SECURITY OF RUSSIAN STUDENTS: RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS IN TAMBOV AND RYAZAN

Svetlana Guzenina
Doctor of Social Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Political Science, Sociology and International Processes
Faculty of History, World Politics and Sociology Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: dialog-lana@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2909-9513

Elena Anisina
PhD in Cultural Studies, Associate Professor

Head of the Department of Sociology
S. A. Yesenin Ryazan State University
46 Svobody Street, Ryazan, 390000, Russia
E-mail: elenaanisina78@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3816-8995

For citation: Guzenina S. V., Anisina E. A. Spiritual security of Russian students: results of sociological surveys in Tambov and Ryazan DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_14. EDN: EKTRTQ // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 14–30 pp. (in Russian)

Abstract: The article presents an understanding of the problem of spiritual security of Russian youth in the context of studying the value orientations of students in two Russian regions.

Based on sociological measurements conducted in Ryazan and Tambov (autumn 2022), the authors conclude that in the collective consciousness of Russian students living in provincial Russian cities, a cautious attitude to the values of other cultures prevails due, firstly, to the presence of a stable ethnocultural tradition, and secondly, to the Russian urban cultural traditions and, finally, the entrenched values of Orthodoxy, which carry out the struggle of the "old with the new", thus preserving the eternal, timeless spiritual values of Russian culture.

The results of the authors' empirical research have shown that the image of the Motherland, the spiritual image of the native land act as significant value orientations for the youth of the Russian province, while such images are realistic and regionally "colored", that is, correspond to the historical, social or cultural memory of a particular Russian region.

Keywords: image of the Motherland; spiritual values of Russian youth; spiritual security of youth.

References

1. Chernichkin D. A. Sokhranenie konfessional'noi bezopasnosti v usloviyakh razvitiya religioznykh onlain-obrazovanii [Preservation of confessional security in the context of the development of online religious education]. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-62-1-141-147 *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2020, no. 1 (62), pp. 141–147. (In Russian).

2. Sokolova A. A. Degumanizatsiya sovremennogo obschestva i dukhovnaya bezopasnost' [Dehumanization of modern society and spiritual se-

curity]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Polesie State University. Social Sciences and Humanities Series]. 2019, no. 1, pp. 48–53. (In Russian).

3. Sokolovskaya I. E. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichosti kak psikhotekhnologiya zashchity ot manipulyatsii soznaniem molodezhi [Information and psychological security of the individual as a psychotechnology of protection against manipulation of the consciousness of youth]. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-154-164 *Kommunikologiya* [Communicology]. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 154–164. (In Russian).

4. Romanova A. P. Problemy virtual'noi religioznoi identichnosti [Problems of virtual religious identity]. DOI: 10.31249/poln/2020.04.03 *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2020, no. 4, pp. 59–73. (In Russian).

5. Mamedov V. A. O molodezhnom ekstremizme [On youth extremism]. *Materialy Pervogo Yuzhno-Ural'skogo sotcial'nogo foruma "Regional'naya sotsial'naya politika – osnova povysheniya kachestva zhizni naseleniya"* [Proceedings of the First South Ural Social Forum "Regional Social Policy is the Basis for Improving the Quality of Life of the Population"]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2007, part 2, pp. 26–29. (In Russian).

6. Dushina T. Aktualizatsiya bezopasnosti dukhovnoi kul'tury rossiiskogo obshchestva [Updating the security of the spiritual culture of Russian society]. *Vlast'* [Power]. 2011, no. 1, pp. 93–96. (In Russian).

7. *Patrioticheskoe vospitanie kak faktor sotsializatsii studencheskoi molodezhi* [Patriotic education as a factor in the socialization of student youth]. Tambov, MINTS "Nobelistics" Publ., 138 p. (In Russian).

8. Guzenina S. V., Sletkov I. A., Ivanishin A. A., Ezhov S. Yu. Legko li byt' molodym: k voprosy o znachimykh faktorakh molodezhnogo soznaniya [Is it easy to be young: on the question of significant factors of youth consciousness]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the World of Scientific Discoveries]. 2015, no. 7/9 (67), pp. 3400–3409. (In Russian).

9. Babintsev V. P. Dinamika tsennostei i zhiznennykh tselei rossiiskoi molodezhi [Dynamics of values and life goals of Russian youth]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sitsiologiya. Pravo.* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2015, no. 14 (211), pp. 34–40. (In Russian).

10. Ivanov D. A. Ponyatie "sinergiya" i "sinergicheskii effect: semanticheskii i evolutsionnyi aspekty [The concept of "synergy" and "synergistic effect": semantic and evolutionary aspects]. DOI: 10.18334/gr.17.20.36917 *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. 2016, vol. 17, no. 20, pp. 2583–2594. (In Russian).

Received 14 June 2023.
Reviewed 17 September 2023.
Accepted for press 20 October 2023.

УДК 248.13

https://elibrary.ru/hbcvhr

ГРЕХ И ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НЕГО В ПРАВОСЛАВИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[1]

Косиченко Анатолий Григорьевич
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
050004, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Желтоксан, д. 78/86, кв. 22
E-mail: anatkosichenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9112-8426

Для цитирования: Косиченко А. Г. Грех и избавление от него в Православии: антропологические аспекты. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_31. EDN: HBCVHR // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 31–50.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению антропологических аспектов греховности человека и путей избавления от греха, а также посильного одухотворения мира, «совокупно с человеком, стенающего и мучающегося». Бог создал человека по Своему образу и подобию, однако образ Божий в человеке искажен грехом, а возможность богоподобия сужается. Исказив образ и почти утратив возможность уподобления Богу, человек стал осознавать себя единственным творцом реальности, в том числе и своей жизни, «обрел» то, чего давно добивался – еще с эпохи Возрождения. Грех превратился в основную причину антропологической трансформации человека от образа Божия к теряющему остатки духовности и нравственности, отчаявшемуся в бессмысленности своей жизни и пребывающему в трагической разорванности своего бытия человеку.

[1] Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (Грант № AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

Созданный греховным человеком греховный мир принимается нашими современниками за единственно возможный, за бесспорную реальность; греховный человек в чуждом мире – вот жизнь современного человека. Способны ли мы изменить что-либо в доминирующей атмосфере всеобщей греховности современного мира как на личном, так и на общественном уровне? Бог не ставит человека перед неразрешимыми проблемами, Бог дает ему и силу, и способы решения их, но и человеку надо проявить усилие. Участие в таинствах; молитва к Господу, Богородице, святым; исполнение заповедей; пребывание в страхе Божием; покаяние; любовь к ближнему; взращивание глубокой веры – прямые пути к Богу, ими спасается человек и уповает на обретение Царства Небесного.

Ключевые слова: Бог; человек; вера; грех; покаяние; современный мир.

Введение

Предметом и основным содержанием антропологии является человек: его сущность и смысл его бытия. Среди «мирских» наук к пониманию православной антропологии ближе всего философская антропология. Но ближе по постановкам вопросов, а не по способам их решения и содержанию ответов. Философия так же, как и богословие, заостряет внимание на сущности человека; на целях и способах его развития; на соотношении практических форм жизнедеятельности человека и духовных измерений его жизни. Появление этих проблем в философии не случайно, она тоже пытается дать ответы на «конечные» вопросы.

Вселенские учителя Церкви – святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст – прекрасно знали античную философию и пользовались ею в своих богословских трудах. Но пользовались в качестве средства и способа логического изложения истин христианства, прибегали к достижениям античной логики. Глубокая философия в некотором отношении приближается к религиозной постановке проблем бытия, что показывает известную их близость в познавательной сфере. Но вот что уже в XX веке сказал Н. Бердяев: «Религия может обойтись без философии, источники ее абсолютны и самодовлеющи, но философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды. Религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [1, с. 35].

Философия, не только античная, но и современная, исходит из естественного, природного генезиса человека, а религия исходит из творения человека Богом. Творение человека Богом, как кажется философской антропологии, не позволяет человеку развиваться. Во всяком случае, творение человека предполагает предзаданную его сущность. А с этим философская антропология, полагающая в свое основание непрерывное саморазвитие человека в качестве его сущности, согласиться не может. Это несовместимые концепции сущности человека. И философия, даже привлекающая религию как «источник живой воды», принципиально не может стать на религиозную точку зрения.

В Православии сущность человека задана: Бог создал человека по Своему образу и подобию. Однако образ Божий в человеке сильно искажен грехом, и хотя не утрачен вовсе, но деформирован значительно. Крестная смерть Иисуса Христа дала возможность восстановить этот образ. Бог по-прежнему не подавляет свободу человека, и как Он не пресек падение в раю, так и сейчас не восстанавливает единства с Собой помимо желания человека. Человек должен реально проявить свое стремление к восстановлению Образа и стремиться к Богоподобию, но благодатные дары – в воле Бога. В этом проявляется сущность свободы: человек свободно идет на зов Бога, а Бог, по милости Своей, принимает это движение и одаривает человека благодатью. Человек посредством обожения имеет возможность восстановить утраченное единство с Богом. Этим он, бесспорно, освящает весь мир, все мироздание, павшее вместе с грехопадением человека. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8, 19–23).

Только творящий волю Бога человек осуществляет свою сущность. Сущность человека имеет исток в замысле Бога о человеке. Каким создал его Бог, таков он и должен быть – то есть представлять собой образ и подобие Божие. Вместе – это и есть вершина возможностей человека. Но таков ли он сегодня? Нет, он далеко не таков. Апостол Павел писал о нас сегодняшних: «Знай же, что

в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2 Тим. 3, 1–5). То есть, согласно апостолу Павлу, греховность человека исторически возрастет, что мы и наблюдаем сегодня. Грех стал конституирующим антропологическим основанием современности.

Греховность человека как доминанта построения им современного мира

Проблема несоответствия верующих христиан требованиям веры существует с первых веков христианства: послания апостолов свидетельствуют об этом. О недостаточности веры в Бога, а то и об ее отсутствии писал еще Давид-псалмопевец: «Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного» (Пс. 13, 2–3). Слабость веры и греховность человека существовали всегда. Но сегодня эти факторы возросли. Грех усилился в современном мире, а чем больше греховного в мире, тем больше затуманено сознание и видение людей, тем дальше отходит человек от своей предзаложенной Богом, сущности: «А что грех производит в самом человеке? – Он извращает его и, как бы в какую тьму ввергая в мечты фантазии, суету желаний и беспорядочность сердечных волнений, кружит его всю жизнь, не давая опомниться. Между тем мучительство страстей съедает и душу, и тело. Грешник есть существо тлеющее» [2, с. 246–247].

Греховный человек строит поврежденный грехом мир. При этом осознание греховности своих дел человек, как правило, утрачивает; он не признает само понятие греха. Какой грех, когда это – обыденная жизнь, человек живет, как позволяют обстоятельства, в предлагаемых формах. Но Иисус Христос сказал: «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем» (Ин. 15, 22). То есть игнорировать грех не получится. Это очевидная истина для православного христианина. Но, зная

эту истину, мы не продумываем ее следствий и проявлений, не прослеживаем ее результатов. А результаты, в частности, таковы: современный человек готов принять как данность самостоятельное существование мира без Бога; правомерность изучения этого мира науками, базирующимися на аксиомах; человечество считается с вроде бы нейтральными и даже, на первый взгляд, объективными знаниями, поступающими к нам и от естествознания, и от наук об обществе. Казалось бы, и что в этом плохого? Ведь разум, которым мы познаем естественнонаучные законы и законы обществознания, дан нам Богом и потому освящен; следовательно, и знания, полученные разумом, вписываются в Божью правду. Кроме того, принимая эти знания, мы же не абсолютизируем их; наряду с ними, у нас есть и Священное Писание, и Предание. Мы не можем подменить последние наукой, однако подменяем. Да, Бог наделил человека разумом, и человек может и в чем-то даже обязан исследовать разумом окружающий его мир. Проблема в том, что грех помутнил разум человека. «Люди становятся похожими на роботов. Теряют способность к суждению. Через несколько лет рассуждать смогут только те, чья профессия связана с исследованием. Остальные станут как машины»[2].

В целом разум не есть нечто противоположное вере; как показали многие богословы[3]; просвещенный верой разум познает мир согласно и науке, и вере. Почему для православных богословов были не интересны и не актуальны вопросы соотношения веры и разума? Потому что душа, сердце и разум для них в каком-то отношении были синонимами, одно было настолько тесно связано с другим, настолько проникало друг в друга, что являлось единой реальностью. И пока вера действенна и реальна, пока она является естественной для человека, пока она консолидирует все силы человека, единство этих трех определенностей самоочевидно для одухотворенного человека.

В том-то и проблема, что человек уже давно не таков. Человек греховен, и его сегодняшней сущностью стала не органическая общность души, ума и сердца, а греховность во всех его действи-

[2] Афонские старцы о спасении и современном мире. Москва : Святая Гора, 2016. С. 32.

[3] Соотношение разума и веры интересовали в основном не православных богословов: это соотношение исследовал еще Фома Аквинский, в наше время – папа Римский Иоанн Павел II, а из протестантов – Ричард Нибур и Пауль Тиллих.

ях. Греховный же человек не может удержать в единстве эти Божественные дары; они обособляются, отходят друг от друга, различия в них нарастают, вплоть до противоречий. Именно поэтому мы можем превозносить научные знания и не верить в Бога; можем признавать существование души, но не связывать ее с Богом; мы можем противопоставлять разум вере и т.д., и т.д. – что и доминирует в современном мире.

Но даже не это самое опасное. Опасность заключается в том, что созданный греховным человеком греховный мир принимается нашими современниками за единственно возможный, за безальтернативный, за объективно данный, за бесспорную реальность. Как результат: мы живем в этом греховном мире, считаемся с его законами, его правилами, его мировоззренческими доминантами, с его требованиями. Практически невозможно доказать современному человеку, что есть иная онтология мира, связанная с Божественным происхождением мира, с наличием духовных законов, с истинной свободой, с долгом человека соответствовать Божественному Промыслу о нем, с возможностью обретения Царства Небесного. Втиснуть в заскорузлое сознание современного человека понятие об истинной сущности человека, о вере, добродетели, духовности, религиозных ценностях невозможно – сизифов труд. Более ста лет назад Н. Бердяев заметил: «В безбожной цивилизации будет погибать образ человека и свобода духа, будет иссякать творчество, начинается уже варваризация» [3, с. 653].

Очень сильно изменилась за последние десятилетия вся реальность человека и общества, в том числе социальная реальность. Нормой становится такое поведение, которое еще совсем недавно было предосудительным. Если нет Богом созданной сущности человека, нет идеала, к которому следует стремиться, нет греха, нет ничего запрещенного, кроме пресловутого демократического правила «свобода человека кончается там, где начинается свобода другого человека» – а именно так формулируются принципы жизни в современном мире, то что же мы хотим: вот она, новая реальность, и вот он, новый человек.

Может ли человек изменить себя до такой степени, что превратится в нечто новое в сравнении с созданным Богом? Бог создал человека по Своему образу и подобию, и эти понятия очень важны для православного понимания сущности человека. «Есть ли различие

между образом и подобием Божиим в человеке, или нет? Наибольшая часть Отцев и учителей Церкви отвечали, что есть, и говорили, что образ Божий находится в самой природе нашей души, в ее разуме, в ее свободе, а подобие – в надлежащем развитии и усовершенствовании этих сил человеком, частнее (так в цитируемом источнике. – *А. К.*) – в совершенстве его разума и свободной воли, или того и другого вместе, в добродетели и святости, в стяжании даров Святого Духа. Следовательно, образ Божий получаем мы от Бога вместе с бытием, а подобие должны приобретать сами, получивши к тому от Бога только возможность» [4, с. 456–457]. Созвучно с этим пишет и преподобный Иоанн Дамаскин: «Ибо выражение *по образу* обозначает разумное и одаренное свободною волею; выражение же *по подобию* обозначает подобие через добродетель, насколько это возможно [для человека]» [5, с. 175–176].

Исказив образ и утратив возможность уподобления Богу, человек остался наедине с собой, стал единственным творцом своей жизни, «обрел» то, чего давно добивался – еще с эпохи Возрождения. Хотя, если говорить строго, то человек никогда не сможет абсолютно оторваться от Бога; человек все равно остается в мире, созданном Богом; другое дело, что он сам ставит себя вне Бога, отказывается от Него, и в этом смысле он покидает Бога – не Бог его покидает, этого никогда не происходит, – но человек делается богооставленным ввиду собственных усилий. При этом искажается духовность человека, его представления об идеале и должном. Когда человеку говорят о том, что он должен духовно возрастать, он начинает бунтовать против этого долга.

Это состояние человека и человечества, хотя и простирается к нам издревле, привлекло к себе внимание по историческим меркам относительно недавно. До этого считалось, что изменения незначительны, и всегда можно если и не вернуться к прежнему состоянию, при котором вера была более значащим феноменом, то каким-то образом найти себе место в нем. Но сегодня стало очевидно, что формируется новый человек, значительно отличающийся от прежнего. С одной стороны, это тоже человек, а с другой – он настолько нов, что уже несет в себе едва ли не угрозу бывшему прежде. Фантасты писали об угрозе человечеству извне, а опасность возникла внутри нашей цивилизации. «В течение последних десятилетий и даже лет социально-политическая реальность, так же,

как и реальность человека, изменились в чрезвычайно высокой степени. Причем изменения эти носят принципиальный, концептуальный характер и не базируются на предыдущих этапах развития человечества. Создается такое впечатление, что некто могучей рукой взялся за «штурвал» исторического развития и властно изменил ход и направление этого развития. Строится новая реальность; смысл, сущность и содержание этой реальности крайне сомнительны и очевидно антигуманны» [6, с. 4].

Падение уровня религиозности, вытеснение религии из личной и общественной жизни – реалии нашего времени. Современность во множестве порождает вызовы существованию и функционированию религии: ориентация на безудержное материальное потребление; безразличное, переходящее в негативное, отношение к религиозным ценностям; повсеместное нарушение сложившихся религиозных норм; нарушение канонического права; агрессивное давление на общество и религию либеральных ценностей и т.п. Вызовы в отношении религии все нарастают и углубляются. Современный мир как бы изживает религию. Многое, почти все из перечисленного, является следствием не только сознательной политики негативных сил современности, но и результатом нарастания греховности человека и общества. Грех лишил первых людей богообщения, грех отделяет современного человека от Бога, грех стал основной причиной антропологического превращения человека из образа Божия к теряющему остатки духовности и нравственности, отчаявшемуся в бессмысленности своей жизни и пребывающему в трагической разорванности своего бытия человеку.

Православие имеет четкое знание о том, каким должен быть человек. Поэтому для Православия понятие должного, долженствования важно. Что же это понятие означает в отношении богоподобной сущности человека и должного его образа? Здесь мы попадаем в двойственное положение. С одной стороны, Православие призывает к нравственной, духовно высокой жизни, тем самым напоминает человеку о должном. И оно имеет на это право. Для Православия понятие должного, применительно к человеку, означает тот образ, который человек должен реализовать в своем духовном развитии. Это есть образ Бога. И если образ Бога онтологически заложен в человеке и не утрачивается даже при греховной жизни, хотя и затуманивается, и искажается, то богоподобие, как ранее было отмече-

но, дано лишь как возможность, и его надо достигать, воспитывая в себе добродетели. Православие, тем самым, имеет право требовать от верующего человека осуществить это должное: должное при этом оправдано, легитимно, оно выступает как ориентир человеческой жизни. Верующий человек должен развиваться к своей духовной сущности, иначе он не осуществляет цель своей жизни, т.е. проживает жизнь бессмысленно. «Требуя от нас святости, («Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). – *А. К.*) Господь требует от нас только должного, как от тварей, созданных по образу и подобию Божию; ибо душа человеческая одарена величайшими дарами Божиими и способностью ко всякой добродетели, к живой вере, к пламенной и самоотверженной любви, к делам милосердия, к непоколебимому терпению, ради правды и ради любви к Богу и ближнему, к чистоте и святости» [7, с. 164]. Это с одной стороны.

С другой стороны, современный человек, как правило, не принимает и даже отторгает идею должного. «Почему я должен?» – говорит такой человек. В самом деле, почему он «должен»? Человек становится должен, если он разделяет ту систему ценностей, в которой возникает представление о должном как цель для человека. Но сегодня в массе своей даже православные не согласны менять содержание своей личности, приближая его к тому, каким оно должно быть в Православии. Религиозное сознание современного человека деформировано. Жизнь человека, даже верующего, находится сегодня между гордыней и унынием. У человека нет сил жить по-человечески, нет ответственности, нет жертвенности. Жертвенность сегодня воспринимается как некая потеря, как утрата социального статуса, в то время как жертвенность есть путь сострадания, покаяния, обретения утраченного богообщения, но объяснить это современному человеку практически невозможно. Деформированное религиозное сознание разделяет, разводит единство жертвенности и радости веры; жертвенность понимается как страдание, а не как приближение к Богу в радости. Человек не готов жертвовать даже частью привычных условий своего существования. Что уж тут говорить о принципиальных изменениях в способе жизни. Как напомнить вроде бы верующему человеку о том, что он должен «совлечься ветхого человека и стать новым»[4], о том, что он должен перестать

[4] «…отложить… прежнее поведение ветхого человека, разлагающегося в обманчи-

делать свою личность центром мироздания, должен развивать в себе смирение, да и способен ли на все это современный человек?..

Надежда на эту способность сохраняется, и зиждется она на неустранимой духовной сущности человека, на христианской природе души, на сохранении образа Божьего в человеке, на возможности богоподобия, на постоянном уповании на помощь Божию. Как реализовать эту надежду сегодня? Глубокие богословские истины не могут быть массовыми в современном мире. Догматы Православия признаются верующими, но их содержание воспринимается массовым сознанием поверхностно; требование же постигать их верой воспринимается далеко не всеми.

Можно попытаться пробиться к полуверующему сознанию посредством актуализации православных ценностей, в которых совмещается некоторый уровень догматических знаний с жизненной ценностной системой и нормами поведения. Но реализация религиозных ценностей в повседневной жизни требует работы человека над собой. А люди в массе своей, о чем уже упоминалось, не склонны меняться; они, не реализуя Божьего ожидания от них, живут в прострации и бессмысленности. Жизнь не имеет смысла, если человек не реализует Божьего Промысла о нем, не развивается духовно, не выполняет заповедей, не стремится к единению с Богом. Верующим часто не хватает практического воплощения их веры.

В современном мире на религиозные ценности люди в массе своей не ориентируются. Эти ценности считаются устаревшими, не соответствующими реалиям сегодняшнего дня. Современный человек изменил смысл своего бытия до потери всякого смысла его. Он проводит жизнь в навязанных ему условиях и обстоятельствах, в суете. Целостный человек стал редкостью. Приходится признать, что человек изменил своей сущности – быть существом духовным, и потому его попытки заменить или подменить эту свою сущность на все что угодно только изобличают эту подмену. Отказавшись от своей духовной сущности, человек ничем не может компенсировать возникшую духовную пустоту. Да и остается ли он в полном смысле человеком при этом?

вых похотях, и обновиться умом… в Духе, и облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Еф. 4, 22–24).

Очищение от греха на путях соработничества Бога и человека

Способен ли человек изменить что-либо в доминирующей атмосфере всеобщей греховности современного мира? Что для этого необходимо сделать? Для этого надо понимать, чем является религия по существу и в ее отношении к современному миру, и какие возможности преодоления греховности имеются в Православии. «Глубокий смысл религии для человеческого сообщества состоит в том, что всякий истинный прогресс возможен только при целевой установке на нечто более высокое. Только имея в виду что-то идеальное, можно прогрессивно развиваться. Религия, вводя Бога в человеческие отношения, задает более высокую планку этих отношений. Поэтому современный мир просто не имеет иного выхода из почти безвыходной ситуации, в которой он оказался, нежели возвращение к Богу. Человек, этнические сообщества, государства – все они исчерпали свои возможности построения “светлого будущего” на своей естественной, безбожной основе – чему доказательством служит современный глобальный кризис мировых отношений» [8, с. 37]. Но как современному человеку вернуться к Богу? Как совместить жизнь в миру и жизнь по Богу? Современный человек не в силах отказаться от ценностей мирской жизни, но частью своей христианской души он хочет «жить по совести».

Коль так, то надо не быть поглощенным миром. Жить в нем, но не растворяться в его ложных ценностях. Не надо погружаться в ценности мира – они опасны для души человека. Идеология обогащения и безудержного материального потребления, безнравственности и вседозволенности не может входить в мировоззрение православного христианина. «Подлинно, ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым... Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабою, как бремя забот» [9, с. 305].

Надо спасаться и лично, и соборно. Надо в покаянии и смирении просить Бога простить грехи и даровать Царство Небесное: «Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя» (Пс. 24, 18). Собственные усилия человека крайне необходимы. «Учитель покаяния», преподобный Ефрем Сирин, писал: «Приобретем же, возлюбленные, сердечное покаяние, потому что оно может загла-

дить наши вины. Принесем покаяние, грешники, и слезами сотрем рукописание долгов своих» [10, с. 537]. Надо освобождаться от грехов, даже если человек каждый день совершает грехи, будучи подверженным им и будучи слаб духовно. «Кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения» (Пс. 18, 13–14). Грех – свободное волеизъявление человека; под влиянием обстоятельств и при искушении, но свободное. «Бог даровал нашему свободному произволению такую силу, что хотя бы все свойственные человеку чувства, весь мир и все демоны вооружились против него и вступили с ним в схватку, они насиловать его не могут; на его стороне всегда останется свобода возжелать предлагаемого и ими требуемого, если захочет, и не возжелать, если не захочет» [11, с. 83]. Православие предполагает очень глубокий уровень общения людей. Единство верующих в Боге задает пространство этого общения. Апостол Павел так писал об этом единстве: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Общины православных способны к глубочайшему единству, обеспеченному верой. И апостол Петр подчеркивал, что общение верующих есть взаимное служение: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (1 Пет. 4, 10). Такое служение есть следствие соборности в Боге, когда все верующие объединены, подобно тому, как органы человека составляют его организм, все нуждаются друг в друге, все нужны друг другу. Отношения в Боге верующих есть отношения посредством Бога, и это делает данные отношения духовными и возвышающими человека и общину. «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1 Кор. 10, 24). Требование это сложно выполнять нашему современнику. Он как раз, в массе своей, ищет всего именно для себя.

А как превозмочь этот эгоизм, при том что он возведен сегодня в ранг едва ли не доблести? Эгоизм, безверие, жестокость, сведение смысла жизни к примитивным ее формам, построение чуждого человеку мира – вот реалии, в которых существуют сегодня люди. «Человек не успевает реагировать на происходящие изменения вокруг. Все происходит с возрастающей скоростью. Объемы новой реальности быстро растут. Лишь незначительную часть измененной

реальности человек успевает принять, очеловечить, но основную часть обновленной реальности он не очеловечивает. И она остается не "обжитой", а значит – чужой для человека. И такой реальности становится все больше и больше. В итоге человек живет в реальности, к которой он относится как к чуждой ему. Отношение к этой чужой реальности настороженное, но в целом безразличное. Она чужая человеку, он ее не понимает, и живет внешней жизнью, хотя это его, человека, жизнь. Нет ответственности за такую жизнь, нет радости, нет свободного к ней отношения. Эти парадигмы и условия задают измерения и контексты будущности человека» [6, с. 62–63]. Греховный человек в чуждом мире – вот жизнь современного человека. Как из этого состояния прийти к Богу?

Бог не ставит человека перед неразрешимыми проблемами. Бог дает человеку и силу, и способы решения их, но и ему самому надо постараться. Покаяние, участие в таинствах, молитвы к Господу, Богородице, святым, любовь к ближнему – прямые пути к Богу. Но надо помнить, что «нет легких и скорых путей для победы над злом, и в делах покаяния дерзко требовать легкости» [12, с. 313]. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Бог поддерживает человека на пути избавления от греха, но предупреждает: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Более того, Он напоминает человеку, кем тот является по своей сущности: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» (Пс. 81, 6–7). Есть схожее место и в Евангелии от Иоанна (Ин. 10, 34). Это высочайшее именование человека нередко смущает и верующих, и богословов; преподобный Иоанн Дамаскин поясняет это место так, что человек – живое существо, «вследствие своего тяготения к Богу делающееся богом; однако делающееся богом в смысле участия в Божественном свете, а не потому, что оно переходит в Божественную сущность» [5, с. 177]. В другом месте Псалтири читаем: «...о что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями» (Пс. 8, 5–9). Но человек забыл, что он богоподобен, он смирился со своею ничтожною ролью, она его даже удовлетворяет: не надо

делать усилий, не надо духовно расти, не надо соответствовать высочайшему своему предназначению. Но так легко не сбросить человеку с себя долга обретения богоподобия.

Современный человек, как бы далеко не отстоял от своей сущности, в глубине остается человеком, хотя и искалеченным грехом, придет к Духом созданной необходимости любить Бога, любить ближних, творить покаяние. Он этого не хочет и не может, но сегодня стало очевидным почти для всех, что иного пути нет. Любовью сотворен мир, и любовь – основной закон бытия; человеку придется это принять. Да, сегодня иссякла любовь в людях, Иисус Христос предупреждал об этом: «...и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф. 24, 12). Добродетели не могут быть внедрены силою и необходимостью («добродетель не есть что-либо, совершаемое по принуждению» [5, с. 177]), но «Бог, идеже хощет, побеждается естества чин»[5].

Что же нужно сделать человеку для подачи Богом этой милости? «Вот что нужно человеку – бояться Бога, хранить Его заповеди, ибо в этом для человека все – в этом его жизнь, покой, довольство, сила, свет, все благо, все счастье» [7, с. 179]. И еще: «...будь в гармонии, в согласии с вечными, премудрыми и праведными законами всеблагого Творца, предначертанными для тебя прежде твоего сотворения и рода человеческого; будь в гармонии с своею совестью, с людьми – в том, что касается вечных законов Божиих. И ты будешь блажен здесь и в вечности» [7, с. 3–4].

Блажен и здесь, и в вечности – чего еще желать человеку? Но для этого надо, как согласно пишут отцы Церкви, оставить грех, покаянием испросить прощение и воссоздать утраченное единство с Богом. Человека может помиловать только Бог: против Кого человек восстал грехом, Тот и простит человеку грех. Вера, а не закон оправдывает человека: «...закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса» (Гал. 3, 24–26). Сыновство человека Богу благодатно и спасительно в Православии: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал. 4, 7);

[5] В понедельник первой седмицы. Песнь 4. Богородичен // Великий Канон : творение святого преподобного Андрея Критского. Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2002. С. 24.

наследник же пребывает в ожидании обретения наследства: «Скажу прямо: самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним» [11, с. 16].

Заключение

Современный мир в значительной мере греховен. Причем грех, будучи злом, лишающим человека свободы и единства с Богом, настолько проник в содержание и структуру мира, что сегодня считается вполне легальным и не вызывает отторжения и осуждения, разве что в среде истинно верующих людей. «Старцы указывают на те беззакония, которые творятся в мире, говорят о главной войне – войне в наших душах. И победе зла. Победа зла ведет к обесчеловечиванию и круговороту предательств: Бога, Церкви, себя, друг друга, семьи, традиций, духовных и нравственных ценностей. Отворачиваясь от Бога, мы уродуем наши души и души наших детей, перестаем взращивать в себе человеческое, лучшее, прекрасное, идем “легким” путем предательства, обмана, при этом неизбежно скатываемся и мельчаем в духовном и нравственном смысле. Нам все труднее удержаться от греха, и мы по слабости своей узакониваем его, возводим в норму. То, что еще вчера было осуждаемо, сегодня приветствуется и поощряется. Это касается как личных грехов, так и общецерковных» [13].

Человеку не дано знать Промысл Божий, и надо быть осторожными в суждениях. Поэтому, когда мы говорим, что налицо падение веры, что нарастают объемы и глубина секуляризации, что люди, называющие себя верующими христианами, не отвечают христианским требованиям, что возрастает греховность, мы фиксируем очевидную ситуацию, но не проникаем в ее суть. В частности, принято считать, что секуляризация является причиной ослабления веры, в то время как сама секуляризация стала возможной именно вследствие падения веры, и только во вторую очередь следствием политики светских государств. Также есть несоответствие верующих предъявляемым к ним требованиям. История Церкви полна сюжетами, в которых монахи, приставленные к печи, к кухне, к другим, казалось бы, далеким от возможности обрести святость, послушаниям, как раз и обретали ее, служа ближним, как самому

Богу. Так и борьба с грехом и помыслами не может быть регламентирована внешним образом – это вопрос внутреннего делания.

Внешние же условия спасения души человека для вечной жизни вторичны, хотя и их не следует игнорировать. К примеру, очень важна поддержка государством Церкви и ее служения, но вера не может зависеть от этой поддержки. Вера от Бога и для Бога, государство же может поддерживать Церковь, а может и не поддерживать. Да и что такое поддержка государства? В 313 году н.э. Константин издал Миланский эдикт, легализующий христианство, а уже к концу IV века византийская элита, которая приняла веру, чтобы изобразить благонадежность императору, настолько извратила её, что множащиеся в это время монастыри возникали не в последнюю очередь именно из-за нежелания истинно верующих находиться в ложной атмосфере мнимого благочестия.

Избавление человека от греха и посильное уменьшение его в современном мире есть дело спасения каждого человека и приведения мира к Божьему Промыслу о нем. Поэтому и человек, и общество, и государство могут выступать партнерами в этом процессе, надо только найти реальные способы такого сотрудничества.

Список литературы

1. *Бердяев, Н. А.* Философия свободы / Н. А. Бердяев. – Харьков : Фолио ; Москва : АСТ, 2002. – 736 с. – (Вершины человеческой мысли). – ISBN 966-03-0723-3, 5-17-001043-5.

2. *Феофан Затворник Вышенский, свт.* Начертание христианского нравоучения / святитель Феофан Затворник Вышенский – Москва : Лепта-Пресс, 2005. – 752 с. – (Путь святости. Вып. 3) – ISBN 5-98194-054-9.

3. *Бердяев, Н. А.* Смысл творчества : опыт оправдания человека. – Харьков : Фолио ; Москва : АСТ, 2002. – 688 с. – (Вершины человеческой мысли). – ISBN 966-03-0750-0, ISBN 5-17-001045-1.

4. *Макарий, митр. Московский и Коломенский*. Православно-догматическое богословие. В 2 т. Т. 1 / митрополит Московский и Коломенский Макарий. – Репр. изд. – Москва : Сибирская Благозвонница, 2007. – 604 с. – ISBN 978-5-91362-008-8.

5. *Иоанн Дамаскин, преп*. Точное изложение Православной веры / преподобный Иоанн Дамаскин. – 4-е изд. – Москва : Издательство Сретен-

ского монастыря, 2011. – 592 с. – (Духовная сокровищница). – ISBN 978-5-7533-0607-4.

6. *Косиченко, А.Г.* Парадигмы новой реальности: какое будущее ожидает человека и общество / А. Г. Косиченко // Современные вызовы и развитие образования в условиях новой реальности : сборник докладов международного научного конгресса, 8–12 ноября 2021 г. : в 2 ч. – Усть-Каменогорск, 2021. – Ч. 1. – ISBN 978-601-7930-91-2. – С. 4–10.

7. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Христианская философия / святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. – Москва : Издательский отдел Московского Патриархата, 1992. – 212 с.

8. *Косиченко, А.Г.* Глобализация будущего / Косиченко А. Г. – DOI: 10.30884/yglob/2022.03.05 // Век глобализации. – 2022. – №3. – С. 59–71.

9. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на псалмы. Беседа на 109 псалом / святой Иоанн Златоуст // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе : в 12 т. – Почаев : Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. – Т. 5. – С. 288–305.

10. *Ефрем Сирин, прп.* Творения. Покаяние / преподобный Ефрем Сирин. – Москва : Сибирская Благозвонница, 2016. – 797, [3] с. – ISBN 978-5-906853-33-2.

11. *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань / преподобный Никодим Святогорец ; пер. с греч. святителя Феофана Затворника. – Москва : Правило веры, 2002. – 443 с. – ISBN 5-7533-0091-X.

12. *Флоровский, Г.В.* Евразийский соблазн / Г. В. Флоровский // Современные записки. – Париж, 1928. – Кн. 34. – С. 312–346.

13. Антоний (Паканич), *митр.* Что на Афоне говорят о расколах и раскольниках? Чего ждать и кого бояться? / митрополит Борисполь-ский и Броварский Антоний (Паканич) // Русская народная линия : сайт. – URL: http://ruskline.ru/opp/2018/sentyabr/19/chto_na_afone_govoryat_o_raskolah_i_raskolnikah_chego_zhdat_i_kogo_boyatsya (дата обращения: 05.02.2023).

Статья поступила в редакцию 12.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 25.09.2023.
Статья принята к публикации 30.10.2023.

UDC 248.13

SIN AND DELIVERANCE FROM IT IN ORTHODOXY: ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Anatoly Kosichenko
Doctor of Philosophy, Professor
Chief Researcher
Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies
Ministry of Science and Higher Education
Republic of Kazakhstan
App. 22, 78/86 Zheltoksan Street, Almaty, 050004
Republic of Kazakhstan
E-mail: anatkosichenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9112-8426

For citation: Kosichenko A. G. Sin and deliverance from it in Orthodoxy: anthropological aspects DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_31. EDN: HBCVHR // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 31–50 pp. (In Russian)

Abstract

The article is devoted to consideration of anthropological aspects of human sinfulness and ways of sin redemption, as well as the feasible spiritualization of the world, "together with man, groaning and suffering." God created man in His image and likeness, but the image of God in man is distorted by sin, and the possibility of God-likeness is narrowed. Having distorted the image and almost lost the possibility of resembling God, man began to realize that he was the only creator of reality, including his own life, and "gained" what he had long sought - since the Renaissance. Sin has become the main reason for the anthropological transformation of man from the image of God to a man who is losing the remnants of spirituality and morality, despairing of the meaninglessness of his life and remaining in the tragic fragmentation of his existence.

The sinful world created by sinful man is accepted by modern man as the only possible one, as an indisputable reality; a sinful man in an alien world -

this is the life of modern man. Is a person capable of changing anything in the dominant atmosphere of universal sinfulness of the modern world, both on a personal and social level? God does not confront man with insoluble problems; God gives man both strength and ways to solve them, but man also needs to show effort. Participation in the sacraments; prayer to the Lord, Mother of God, saints; fulfillment of the commandments; remaining in the fear of God; repentance; love for neighbor; cultivating deep faith is a direct path to God, through which a person is saved and hopes for the acquisition of the Kingdom of Heaven.

Keywords: God; Human; faith; sin; repentance; modern world.

References

1. Berdyaev N. A. *Filisofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2002, 736 p. (In Russian).

2. St. Theophan the Recluse of Vysha *Nachertaniya khristianskogo nravoucheniya* [Outlines of Christian moral teaching]. Moscow, Lepta-Press Publ., 2005, 752 p. (In Russian).

3. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: the experience of human justification]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2002, 688 p. (In Russian).

4. Macarius, Metropolitan of Moscow and Kolomna *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie* [Orthodox dogmatic theology]. Moscow, Siberian Blagozvonnitsa Publ., 2007, vol. 1, 604 p. (In Russian).

5. St. John of Damascus *Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoi very* [An exact exposition of the Orthodox faith]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2011, 592 p. (In Russian).

6. Kosichenko A. G. Paradigmy novoi real'nosti: kakoe budushchee ozhidaet cheloveka i obshchestvo [Paradigms of the new reality: what future awaits man and society]. *Sbornik dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa "Sovremennye vyzovy i razvitie obrazovaniya v usloviyakh novoi real'nosti"* [Proceedings of the International Scientific Congress "Modern Challenges and Development of Education in the Conditions of the New Reality"]. Ust-Kamenogorsk, 2021, part 1, pp. 4–10. (In Russian).

7. St. John of Kronstadt *Khristianskaya filosofiya* [Christian philosophy]. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1992, 212 p. (In Russian).

8. Kosichenko A. G. Globalizatsiya budushchego [Globalization of the future]. DOI: 10.30884/yglob/2022.03.05 *Vek globalizatsii* [Age of Globalization]. 2022, no. 3, pp. 59–71. (In Russian).

9. John St. Chrysostom Besedy na psalmy. Beseda na 109 psalom [Commentary on the Psalms. Commentary on Psalm 109]. *Tvoreniya svyatogo otstsa nashego Ioanna Zlatoysta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo v russkom perevode* [Works of our holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople in Russian translation]. Pochaev, Holy Dormition Pochaev Lavra Publ., 2005, pp. 288–305. (In Russian).

10. St. Ephraim the Syrian *Tvoreniya. Pokayanie* [Writings. Repentance]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonnetsa Publ., 2016, 797, [3] p. (In Russian).

11. St. Nicodemus of the Holy Mountain *Nevidimaya bran'* [Unseen Warfare]. Moscow, Rule of Faith Publ., 2002, 443 p. (In Russian).

12. Florovsky G. V. Evraziiski soblazn [Eurasian temptation]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes]. Paris, 1928, book 34, pp. 312–346. (In Russian).

13. Anthony (Pakanich) Metropolitan Chto na Afone govoryat o raskolakh i raskol'nikakh? Chego zhdat; i kogo boyat'sya? [What do people on Athos say about schisms and schismatics? What to expect and who to fear?]. *Sait "Russkaya narodnaya liniya"* [Russian People's Line website]. (In Russian). Available at: http://ruskline.ru/opp/2018/sentyabr/19/chto_na_afone_govoryat_o_raskolah_i_raskolnikah_chego_zhdat_i_kogo_boyatsya (accessed: 05.02.2023).

Received 12 June 2023.
Reviewed 25 September 2023.
Accepted for press 30 October 2023.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 27; 908; 930

https://elibrary.ru/dlgtvq

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЕДИНОГО РЕЕСТРА ХРАМОВ В РАМКАХ РАБОТЫ НАД «ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ ТАМБОВСКОЙ МИТРОПОЛИИ»

Ильин Алексей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор Тамбовского филиала
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
392001, Россия, г. Тамбов,
ул. Гастелло, д. 32а
E-mail: auilyin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5076-045X

Плужников Александр Николаевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Тамбовского государственного университета
имени Г. Р. Державина
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
E-mail: budberg77@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4974-0987

Для цитирования: Ильин А. Ю., Плужников А. Н. К вопросу о создании единого реестра храмов в рамках работы над «Энциклопедией Тамбовской митрополии». DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_51. EDN: DLGTVQ // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 51–62.

Аннотация

В статье рассматривается один из этапов работы над энциклопедией Тамбовской митрополии – создание сводного реестра храмов. В процессе работы над материалом энциклопедии редакторам потребовались систематизация и идентификация церковных объектов, связанных с жизнью и служением новомучеников на Тамбовской земле, установление названий церквей и их географического расположения в пределах прежней Тамбовской губернии и в условиях современного административно-территориального деления регионов. Авторы приводят фрагмент сводного реестра храмов в табличной форме, в котором зафиксированы верифицированные данные, а именно официальные и обиходные названия церквей, их местонахождение и современный статус (действующие, недействующие, утраченные, руинированные).

В заключение на основании сводного реестра приведены аналитические сведения о процентном соотношении наиболее распространенных храмов Тамбовской митрополии (каковыми являются Покровские, Михаило-Архангельские, Никольские, Троицкие, Христорождественские, Космодамиановские и посвященные чудотворным иконам Пресвятой Богородицы), а также утраченных, действующих, в том числе открытых вместо утраченных, недействующих и руинированных церквей.

Ключевые слова: Тамбовская митрополия; сводный реестр; церкви; электронная энциклопедия; база данных.

Введение

Кризис коммунистической догматики и отказ от государственной идеологии закономерно повлекли население России к поиску заполнения образовавшегося духовного вакуума. Происходили необратимые перемены в обществе: политика гласности, демократизация, политический плюрализм, свобода вероисповедания, зарождение гражданского общества. Главенствующую роль в процессе духовного поиска играла традиционная русская православная религия.

Возвращение к истокам оказалось достаточно сложным процессом. Многое было утеряно и забыто или носило околоцерковный, обывательский характер. Требовались определенная систематизация и перепроверка знаний.

С 2000 г. реализуется общероссийский проект «Православная энциклопедия», конечным результатом которого должна быть всеобъемлющая информация по двухтысячелетней истории и со-

временному состоянию вселенского Православия, христианским конфессиям, нехристианским религиям и т.д. Значительный региональный сегмент оказался вне поля зрения данного издания. Восполнение исторических лакун побудило тамбовскую научную общественность на создание региональной православной энциклопедии.

С 2021 г. в Тамбове ведется работа по созданию православной энциклопедии Тамбовской митрополии. В редакционный совет под председательством митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия вошли ученые, историки, религиоведы.

Работа над энциклопедией носит весьма трудоемкий характер, что вызвано специфическими требованиями к такого вида изданиям. Проблема верификации агиографических источников остается вполне актуальной. Помимо обобщения информации дореволюционного периода, требует систематизации значительный объем данных советского времени, связанный с темой новомучеников и исповедников, необходимо уточнение сведений по сохранившимся, утраченным и вновь построенным церковным объектам и т.д. Одновременно с подготовкой печатного издания ведется работа над электронной версией энциклопедии. Здесь следует отметить, что Тамбовская митрополия оказалась пионером в создании региональной электронной версии указанного издания.

Основная часть

Одним из этапов работы по составлению энциклопедии является создание сводного реестра церквей Тамбовской митрополии. Необходимо подчеркнуть определенную специфичность этого направления деятельности, связанную с применением ЭВМ и обработкой полученных данных.

Начало применению информационных технологий в исторических исследованиях было положено в 60-е гг. XX в. академиком И. Д. Ковальченко [1; 2]. Историческая школа, заложенная им, продолжила свое совершенствование, а прогресс цифровизации развил и продолжает развивать историческую науку на междисциплинарном уровне [3]. Тамбовские ученые активно применяют цифровые методы в изучении социальной истории, публикуются учебные пособия по применению информационных технологий в исторических исследованиях [4].

Методологическую основу работы над сводным реестром храмов Тамбовской митрополии составили источниковедческий метод и метод контент-анализа. В процессе составления сводного реестра перед редакторами стояло несколько задач, одна из них – создание электронной формы реестра. Для формирования базы данных было принято решение использовать программу Microsoft Excel, в частности возможность работы с электронными таблицами. Методом научно-практического поиска исследователи пришли к итоговому виду реестра – см. Таблицу 1.

Таблица 1. Сводный реестр церквей Тамбовской митрополии

Обиходное наименование	Полное каноническое наименование	Местонахождение	Примечания	Статус
Алексеевская	Во имя святителя Алексия, митрополита Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца	Пичаевский р-н, с. Байловка 2-я	Байловка	Д
Покровская	Во имя Пресвятой Богородицы, в память честного Её Покрова	Сампурский р-н, с. Беляевка	Бахаревка (Осиновка)	Д
Воскресенская	Во имя Господа нашего Иисуса Христа, в память Славного Его Воскресения	Пичаевский р-н, с. Гагарино 1-е	Большое Гагарино	Д
Троицкая	Во имя Святой Живоначальной Троицы	Моршанский р-н, с. Ваново	Вановье	Д
Покровская	Во имя Пресвятой Богородицы, в память честного Её Покрова	Мордовский р-н, с. Мельгуны	сгорела в 1990 г., действующая	Д
Екатерининская	Во имя святой великомученицы Екатерины	г. Рассказово	1892	Д
Богоявленская	Во имя Господа нашего Иисуса Христа, в память чудесного Его Крещения, именуемого Богоявлением	Сампурский р-н, с. Ерофеевка	исчезн. поселен.	У

Спектр реестра довольно-таки широк и включает все храмы, существовавшие в Тамбовской епархии до 1917 г.: сохранившиеся и утраченные в советский период, вновь построенные в новое время.

Основным источником при составлении реестра являлось издание канцелярии Тамбовской духовной консистории «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии» 1911 г. под редакцией секретаря А. Е. Андриевского [5]. Дополнительно использовались данные электронных ресурсов – «Народный каталог православной архитектуры» [6] и электронное периодическое издание «Храмы России» [7].

Несомненно, работа, проделанная А. Е. Андриевским, носит фундаментальный характер в области воссоздания истории церквей Тамбовской митрополии. Однако объекты, построенные в период после 1911 г. и до 1917 г., отражения в справочнике не нашли. По неясным причинам отдельные храмы, возведенные до 1911 г., также не попали в издание канцелярии Тамбовской духовной консистории. Например, Спасская церковь (Во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь иконы Его, именуемой «Нерукотворный Образ») в селе Спасское Староюрьевского района [8, с. 220]. Тем не менее это достаточно известный не только церковный, но и архитектурный памятник эпохи классицизма, включенный в 1979 г. в реестр объектов культурного наследия регионального значения Тамбовской области [9]. Каменная церковь была построена в 1825 г. на средства помещика Лепехина. Имела три престола: главный – Спаса Нерукотворного, придельные – Покрова Божией Матери и святителя Петра Московского. В советский период храм сильно пострадал: были разрушены колокольня и белокаменные портики [7]. В первоначальном виде храм сегодня можно увидеть только на картинах сороковых годов XIX в. художника Г. В. Сороки «Вид на усадьбу Спасское Тамбовской губернии» и «В усадьбе Спасское Тамбовской губернии» [10, с. 786].

Народный интернет-каталог православной архитектуры «Соборы.Ру» был создан в 2002 г. Задачей проекта является сбор наиболее полных исторических описаний, фотолетописи всех православных храмов России и мира [6].

Общероссийский интернет-проект «Храмы России» посвящен православным и старообрядческим храмам, уничтоженным и со-

хранившимся до наших дней, забытым и действующим. Группой энтузиастов собираются и систематизируются документальные сведения о храмах, существовавших на территории нынешней Российской Федерации к 1917 г. и построенных в постсоветское время [7].

При уточнении данных использовались следующие электронные ресурсы: сайт Тамбовской митрополии (раздел «Храмы и монастыри»)[1]; «Карта Менде Тамбовской губернии»[2]; электронная версия Тамбовской энциклопедии [9]; сайт «Исчезнувшие сельские поселения Тамбовской области»[3]; сайт Правительства Тамбовской области (информация, связанная с муниципальными образованиями, поселковыми советами и населенными пунктами)[4]; электронное издание общественно-политической газеты «Тамбовская жизнь» (материалы, посвященные муниципальным районам области, краеведческие публикации и т.д.)[5]. Дополнительными электронными ресурсами, которые носили уточняющий характер при формировании реестра, являлись краеведческие сайты, помогавшие получить дополнительную информацию при локализации населенных пунктов, например, «Центр библиотечного краеведения. Тамбовщина краеведческая»[6], «Краеведческий сайт Алексея Пенягина»[7].

База данных «Сводный реестр церквей Тамбовской митрополии» состоит из пяти столбцов: «Обиходное наименование», «Полное каноническое наименование», «Местонахождение», «Примечания», «Статус» (см. Табл. 1).

[1] Храмы и монастыри Тамбовской епархии // Тамбовская митрополия. Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) : официальный сайт. URL: https://eparhia-tmb.ru/hramy-i-monastyri (дата обращения: 25.07.2023).

[2] Карта Менде Тамбовской губернии // Это место : сайт. URL: http://www.etomesto.ru/map-tambov_mende/ (дата обращения: 25.07.2023).

[3] Исчезнувшие сельские поселения Тамбовской области : сайт. URL: https://tambov.ru.net/village (дата обращения: 25.07.2023).

[4] Правительство Тамбовской области : официальный сайт. URL: https://www.tambov.gov.ru/reg.html (дата обращения: 25.07.2023).

[5] Тамбовская жизнь : электронная версия газеты. URL: https://tamlife.ru/ (дата обращения: 25.07.2023).

[6] Центр библиотечного краеведения. Тамбовщина краеведческая : страница российской социальной сети «Вконтакте». URL: https://vk.com/club210963212 (дата обращения: 25.07.2023).

[7] Краеведческий сайт Алексея Пенягина : материалы по истории Сосновского района. URL: http://penygin.ucoz.net/ (дата обращения: 25.07.2023).

Обиходное наименование – достаточно часто употребляемая народная топонимика церквей и храмов (существует она и в справочнике А. Е. Андриевского); порой она заслоняет настоящее, «юридическое» название. К примеру, Сторожевско-Николаевская церковь г. Мичуринска в обиходе называется Никольской, главный же ее престол освящен в честь Воскресения Христова. Название, связанное со святителем Николаем, архиепископом Мир Ликийских, относится к одному из пяти ее церковных приделов [5, с. 139].

По причине возможного несовпадения обиходного наименования храма с его «юридическим» названием в реестре имеется столбец «Полное каноническое наименование». На первый взгляд, каноническое наименование церкви не должно вызывать трудностей, однако на практике составители сводного реестра столкнулись с рядом возникших сложностей.

В Тамбовской губернии распространенной практикой было строительство церквей в честь Косьмы и Дамиана, давших впоследствии названия целому ряду населенных пунктов – Козьмодемьяновка, Космодемьяновка и т.д. Более подробное погружение в данную тему привело к следующим выводам. Какое же более правильное обиходное название церкви: Козьмодемьянская, Космодемьянская, Космодамианская, Космодамиановская? В результате остановились на каноническом названии – Космодамиановская, которое установилось в официальной топонимике и православном словнике.

Дальнейшее изучение вопроса показало, что существовало два типа Космодамиановских церквей: «Во имя святых мучеников бессребренников Космы и Дамиана Римских» и «Во имя святых мучеников бессребренников Космы и Дамиана Ассийских». В итоге следовало произвести дополнительное уточнение по каноническому наименованию церквей отдельных населенных пунктов.

Следующий этап работы был связан с местонахождением церквей. Создаваемый реестр храмов ограничивается территориально географией современной Тамбовской области, административно совпадающей с Тамбовской митрополией. Поэтому предстояло условно выделить храмы из дореволюционных уездов, входивших в Тамбовскую губернию, и соотнести их с границей нынешней Тамбовской области.

При локализации церковных объектов учитывался их современный административно-территориальный статус. И в этом, казалось бы, несложном процессе возникали значительные затруд-

нения. Так, в справочнике А. Е. Андриевского в Козловском уезде указывалось три населенных пункта с названием Чурюково: Чурюково, Чурюково (Казанская), Чурюково (Заворонежское) [5, с. 225]. На сегодняшний момент ни один из указанных населенных пунктов не носит название Чурюково. Сейчас это территория Староюрьевского района, один из населенных пунктов утерял свое название, влившись в поселковый сельский совет. Два оставшихся населенных пункта носят название Большая Дорога и Заворонежское, причем последний входит в состав Большедороженского сельсовета [9].

Имелись случаи, когда церковь указывалась в населенном пункте, который утерял свое название и именуется сегодня по обиходному дореволюционному наименованию – Тихоновская церковь (Во имя святителя Тихона, епископа Амафунтского) в селе Пичер Рассказовского района [9]. В справочнике А. Е. Андриевского это село упоминается как Первоникольское Тамбовского уезда [5, с. 54].

С приходом советской власти поселение также могло изменить свое название – например, село Красносвободное Тамбовского района ранее называлось Богородицкое, Арапово, Прокуровщина [5, с. 91; 9]; или утратило свой статус – например, Покровские церкви (Во имя Пресвятой Богородицы, в память честного Её Покрова) села Малая Шехмановка (Голицыно) Никифоровского района и село Баку (Грязнуша) в Петровском районе исчезли вместе с населенными пунктами[8].

В примечаниях нами указывались пояснения, связанные с дореволюционным названием поселения, а также сведения, если поселок был исключен из списка населенных пунктов в современное время. Также здесь содержится информация по церквям, когда они были отстроены на месте утраченных, но сохранили свое прежнее наименование.

В графе «Статус» содержатся данные по состоянию церквей на сегодняшний день: действующие, недействующие, руинированные и утраченные.

Заключение

Всего в реестр вошло 776 церковных объектов, мы не претендуем на полную и безапелляционную окончательность списка. Возможно, что он может быть пополнен, но думаем, что дополнения не будут носить существенный характер.

[8] Исчезнувшие сельские поселения Тамбовской области : сайт. Тамбов, 2017. URL: https://tambov.ru.net/village (дата обращения: 25.07.2023).

Таким образом, проведенное исследование показало, что наиболее распространенными церквями Тамбовской митрополии являются Покровские (Во имя Пресвятой Богородицы, в память честного Её Покрова) – 15% от всех церквей митрополии, затем популярны церкви Михаило-Архангельские (Во имя Собора архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных) – 12%, Никольские (Во имя святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца) – 11%, Троицкие (Во имя Святой Живоначальной Троицы) – более 5%, Христорождественские (Во имя Господа нашего Иисуса Христа, в память чудесного Его Рождества) – 4%, Космодамиановские – 3%. Более 10% составляют церкви, посвященные Пресвятой Богородице и ее чудотворным иконам.

Более 66% церквей являются утраченными, 27% – действующие, в том числе открытые вместо утраченных, 4% – недействующие и 3% – руинированные.

Список литературы

1. Количественные методы в исторических исследованиях / Гарскова И. М., Изместьева Т. Ф., Милов Л. В. [и др.] ; под ред. И. Д. Ковальченко. – Москва : Высшая школа, 1984. – 384 с.

2. Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях : сборник научных статей / отв. ред. академик И. Д. Ковальченко). – Москва : Наука, 1989. – 271 с. – ISBN 5-02-009481-1.

3. *Гарскова, И. М.* Историческая информатика : эволюция междисциплинарного направления / И. М. Гарскова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – 497 с. – ISBN 978-5-907030-54-1.

4. *Баранова, Е. В.* Количественные методы в исследованиях по социально-гуманитарным наукам : учебное пособие / Е. В. Баранова, Р. Б. Кончаков. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. – 103 с.

5. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / канцелярия Тамбовской духовной консистории ; под ред. А. Е. Андриевского. – Тамбов : Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – 878, XX с.

6. Народный каталог православной архитектуры : сайт. – 2002. – URL: https://sobory.ru/ (дата обращения: 25.07.2023).

7. Храмы России : электронное периодическое издание : сайт. URL: http://temples.ru/ (дата обращения: 25.07.2023).

8. Храмы Тамбовской епархии : фотоальбом / сост. Чеботарев С. А. ; авт. текста: Левин О. Ю., Чеботарев С. А. – Тамбов : Юлис, 2005. – 260 с.– ISBN 5-98662-001-1.

9. Тамбовская энциклопедия : электронная версия : сайт. – Тамбов, 2017 – . – URL: https://tambweb.ru (дата обращения: 25.07.2023).

10. Русская живопись : энциклопедия. – Москва : АСТ, 2003. – 1007 с.– ISBN 5-17-012553-4.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023
Статья поступила после рецензирования 13.10.2023.
Статья принята к публикации 24.10.2023.

UDC 27; 908; 930

ON CREATION OF A UNIFIED REGISTER OF TEMPLES AS PART OF WORK ON THE "ENCYCLOPEDIA OF TAMBOV METROPOLITAN SEE"

Aleksey Ilyin
Doctor of Historical Sciences, Professor
Tambov Branch
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
32a Gastello Street, Tambov, 392001, Russia
E-mail: auilyin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5076-045X

Aleksandr Pluzhnikov
PhD in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: budberg77@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4974-0987

For citation: Ilyin A. Yu., Pluzhnikov A. N. On creation of a unified register of temples as part of work on the "Encyclopedia of Tambov Metropolitan See" DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_51. EDN: DLGTVQ // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 51–62 pp. (in Russian)

Abstract

The article discusses one of the stages of work on the encyclopedia of Tambov Metropolitan See – the creation of a consolidated register of churches. In the process of working on the encyclopedia material, the editors needed to systematize and identify church objects related to the life and ministry of the new martyrs on Tambov land, establish the names of churches and their geographical location within the former Tambov province and in the conditions of modern administrative-territorial division of regions. The authors provide a fragment of the consolidated register of churches in tabular form, which records verified data, namely the official and everyday names of churches, their location and current status (operating, inactive, lost, ruined).

In conclusion, based on the consolidated register, analytical information is provided on the percentage of the most common churches of Tambov Metropolitan See (which are the Pokrovsky, Michael-Arkhangelsk, Nikolsky, Trinity, Nativity, Kosmodamian and dedicated to the miraculous icons of the Blessed Virgin Mary), as well as lost, active, including opened instead of lost, inactive and ruined churches.

Keywords: Tambov Metropolitan See; consolidated register; churches; electronic encyclopedia; database.

References

1. *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow, Higher School Publ., 1984, 384 p. (In Russian).

2. *Matematicheskie metody i EVM v istoriko-tipologicheskikh issledovaniyakh* [Mathematical methods and computers in historical and typological research]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 271 p. (In Russian).

3. Garskova I. M. *Istoricheskaya informatika: evolyutsiya mezhdistsiplinarnogo napravleniya* [Historical computer science: the evolution of an interdisciplinary direction]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2018, 497 p. (In Russian).

4. Baranova E. V. *Kolichestvennye metody v issledovaniyakh po sotsial'no-gumanitarnym naukam* [Quantitative methods in research in the social

sciences and humanities]. Tambov, Derzhavin Tambov State University, 2013, 103 p. (In Russian).

5. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii* [Historical and statistical description of Tambov diocese]. Tambov, Office of Tambov Theological Consistory Publ., 1911, 878, XX p. (In Russian).

6. *Sait "Narodnyi catalog pravoslavnoi arkhitektury"* [People's Catalog of Orthodox Architecture Website]. 2002. (In Russian). Available at: https://sobory.ru/ (accessed: 25.07.2023).

7. *Elektronnoe periodicheskoe izdanie "Khramy Rossii"* [Electronic Periodical "Temples of Russia"]. (In Russian). Available at: http://temples.ru/ (accessed: 25.07.2023).

8. *Fotoal'bom "Khramy Tambovskoi eparkhii"* [Photo Album "Temples of Tambov Diocese]. Tambov, Yulis Publ., 2005, 260 pp. (In Russian).

9. *Sait "Tambovskaya entsiklopediya"* [Tambov Encyclopedia Website]. Tambov, 2017. (In Russian). Available at: https://tambweb.ru (accessed: 25.07.2023).

10. *Entsiklopediya "Russkaya zhivopis'"* [Russian Painting Encyclopedia]. Moscow, AST Publ., 2003, 1007 pp. (In Russian).

Received 01 August 2023.
Reviewed 13 October 2023.
Accepted for press 24 October 2023.

УДК 348

https://elibrary.ru/drbfof

КАНОНИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПРОТОИЕРЕЯ МИХАИЛА ГОРЧАКОВА: ХАРАКТЕРИСТИКА И ИХ РОЛЬ В КАНОНИСТИКЕ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Священник Владислав Владимирович Баган
кандидат богословия,
кандидат юридических наук, доцент
Смоленская православная духовная семинария
214000, Россия, г. Смоленск,
ул. Тимирязева, д. 5
E-mail: baganvlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8092-9965

Для цитирования: Баган В. В., свящ. Канонические труды протоиерея Михаила Горчакова: характеристика и их роль в канонистике Синодального периода. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_63. EDN: DRBFOF // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 63–79.

Аннотация

В статье представлен анализ церковноправового творчества выдающегося русского правоведа и канониста Синодального периода протоиерея Михаила Горчакова (1838–1910 гг.). Автор раскрывает роль церковноправовых изысканий Горчакова в становлении отечественной канонистики второй половины XIX столетия. В работе прослеживается жизненный путь протоиерея Михаила Горчакова, отмечено его многообразное и плодотворное социальное служение.

Высшие образовательные учреждения Санкт-Петербурга во второй половине XIX века считались центром развития учебной дисциплины «канонического права». Протоиерей Михаил отдал почти пять десятилетий преподаванию в Санкт-Петербургском университете. Он рассматривал каноническое право преимущественно с точки зрения юриспруденции, а не теологии (как это было традиционно принято в духовных школах), являясь ретранслятором юридического направления канонистики.

Работа представляется актуальной, так как в ней проанализирована концепция «канонического права» за авторством авторитетного канониста (протоиерея М. Горчакова), чьи достижения незаслуженно обойдены нынешней историко-правовой наукой. Автор настоящей статьи считает, что через интерпретацию и анализ специфики отдельных систем церковного права можно прийти к общему пониманию онтологии церковного права.

Ключевые слова: протоиерей Михаил Горчаков; Российская империя; церковное право; каноническое право; древнерусское право; курс церковного права.

Введение

В Российской империи изучение канонического права сильно выиграло от Великих реформ 1860-х и 1870-х годов, которые были несколько приостановлены консервативными контрреформами Александра III, но не смогли обратить развитие богословских дисциплин вспять. В Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) появились талантливые канонисты. Большинство из них были выходцами из семей провинциальных священнослужителей и значительную часть своего образования получили в духовных школах. В зрелом возрасте они преподавали не только в духовных академиях, но и в университетах. Одним из плеяды одаренных канонистов был Михаил Иванович Горчаков, посвятивший себя в течение продолжительного периода преподаванию в Петербургском университете.

В статье проанализирован жизненный путь и церковноправовое наследие священнослужителя, историка, правоведа, канониста, общественного деятеля Михаила Ивановича Горчакова (1838–1910). Он был одним из тех отечественных канонистов, кто воспитал множество специалистов в области церковного права. Протоиерей Михаил был подлинным приверженцем и проводником санктпетербургских традиций, так как большая часть его профессиональной карьеры была связана с преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете.

В начале XX столетия в сфере церковного права зафиксирована конфронтация двух идеологических направлений. Представители «консервативного» направления (И. С. Бердников, П. А. Лашкарев, М. Е. Красножен) посвящали свои историко-правовые монографии актуальной проблематике (выбор оптимальной модели церковно-

государственных отношений, традиции и структура церковного прихода, законодательство о свободе совести), однако они отстаивали «традиционалистскую» для церковного права точку зрения о необходимости сохранения основных государственных устоев в области вероисповедной политики и господствующего социально-правового положения в стране Русской Православной Церкви. Новое направление выступало за относительную независимость Церкви от государства посредством институциональной роли Всероссийского Поместного Собора как высшей церковной власти, что неизбежно должно было повлечь серьезные изменения в церковном праве Российской империи. Данное направление основательно изучало государственно-правовой опыт и церковное законодательство зарубежных стран. К последнему направлению можно было отнести ярчайшего канониста рубежа веков, протоиерея Михаила Горчакова.

Персона этого авторитетного правоведа и влиятельного канониста второй половины XIX столетия, к сожалению, мало известна любителям и историкам «церковного права», в отличие от фамилий таких исследователей, как епископ Иоанн (Соколов), И. С. Бердников, Н. С. Суворов, Н. А. Заозерский, А. С. Павлов, В. Н. Бенешевич, М. Е. Красножен. Протоиерей Михаил Горчаков артикулировал собой образ просвещенного пастыря и был выразителем научной духовно-академической традиции РПЦ, стремясь к этическому и правовому универсализму, выстраивая научно-объективную картину христианской веры. Автор настоящей статьи проанализировал самобытную систему «церковного права» времен возвышения этой научной дисциплины, которая соединила в себе элементы теологии и юриспруденции.

Актуальность представленной работы объясняется тем, что нынешняя отечественная церковноправовая наука находится до сих пор в стадии своего формирования. Поэтому обращение к духовно-академическому опыту построения дисциплины церковного права в дореволюционной России является дополнительным фактором, способствующим окончательному становлению современной науки церковного права. Монографий, посвященных изучению жизненного и творческого пути протоиерея Михаила Горчакова, до сих пор не существует. Таким образом, полноценная научная биография этого священника-правоведа является исследовательской перспективой.

Жизненный путь протоиерея Михаила Горчакова

Биографические свидетельства о протоиерее Михаиле Горчакове мы позаимствовали из справочной литературы[1] и некрологов ближайших учеников [1].

Михаил Иванович прошел типичный для того времени путь одаренного провинциального выходца из духовного сословия в столичные преподаватели. Он родился в николаевскую эпоху, 20 мая 1838 г. в селе Палкино Галичского уезда Костромской области в семье диакона Ивана Петровича Горчакова. Традиционно сельские церковнослужители и священнослужители жили довольно скромно, и удел детей духовного сословия был предопределен продолжительным обучением в духовных заведениях. «Жили в бедности, Иван Петрович сам занимался огородом. Михаил с малых лет начал проявлять склонность к священнослужению – облачится в синий портяной плат вместо ризы, возьмет худой бубенец вместо кадила – и отправляет службу по часовнику» [1, с. 201]. Жизненный путь юного Михаила оказался самым что ни на есть стереотипным для того времени: вырваться из провинциальной нищеты духовного сословия возможно было только через успехи в учебе. С 7 до 14 лет он проходил обучение в Галичском духовном училище, которое окончил первым учеником на курсе. Далее последовало обучение в Костромской семинарии, где Михаил продемонстрировал свои лингвистические дарования и за это получил направление в духовную академию. В период с 1857 по 1861 год Горчаков учился в Санкт-Петербургской духовной академии. Михаил Иванович отличался особым талантом в области знания языков. Он окончил высшее духовное учебное заведение со степенью кандидата богословия, которая была ему присвоена за сочинение «Шлейермахер, протестантский реформатор новейшего времени» [1, с. 202].

[1] *Берташ А.* Горчаков // Православная энциклопедия. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. С. 156–158 ; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894 : в 2 т. Санкт-Петербург : Типография и литография Б. М. Вольфа, 1896–1898. Т. 1. С. 204–205 ; Горчаков Михаил Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 т. доп.). Санкт-Петербург : Типо-литография И. А. Ефрона, 1893. Т. 9 (17). С. 345 ; *Марков Н.* Горчаков Михаил Иванович // Православная богословская энциклопедия, или Православный богословский энциклопедический словарь : в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина. Петроград : Товарищество А. Лопухина, 1900–1911. Т. 4. С. 552–560.

По окончании духовной академии Михаил Иванович был назначен преподавателем в родную Костромскую семинарию. Исключительное знание языков стало поводом для отправки его за границу. В 1862 г. над ним была совершена хиротесия во псаломщика, и он был направлен в церковь г. Штутгарта, пробыв там до 1864 г. Зарубежная поездка положительно отразилась на научно-исследовательском уровне Горчакова: в качестве вольного слушателя он посещал лекции в Тюбингенском и Гейдельбергском университетах, таким образом углубляя свои познания в области церковного права и литургики. Михаил Иванович публиковал свои научные статьи в «Вестнике Юго-Западной и Западной России», а также заведовал отделом известий газеты «Голос»[2]. Он, как и иные современные ему отечественные канонисты, был исключительно хорошо осведомлен в философских, богословских и юридических течениях, господствовавших в то время среди европейских коллег. Именно в заграничной поездке Михаил Иванович пришел к заключению о необходимости дальнейшего развития «церковного права». Лекции в немецких авторитетных учебных заведениях решающим образом сказались на его научном облике и методологии. Более того, он почувствовал некую односторонность и партикуляризм духовного образования, поэтому по приезде на Родину в 1865 г. М. И. Горчаков поступил в качестве вольнослушателя на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Обучение в университете предопределило его дальнейшую преподавательскую судьбу. Так, методологический подход М. И. Горчакова находился под влиянием социологии, антропологии, философии и феноменологии религии.

«15 февраля 1865 года назначен законоучителем Мариинского женского института, в церкви при котором 9 мая того же года был посвящён в сан иерея. В конце 1865 года признан заслуживающим степени магистра богословия за обзор раннехристианской церковно-исторической литературы “О церковных историках первых восьми веков христианства”, удостоен серебряной медали за сочинение “О происхождении и системе преторского эдикта”» [1, с. 203].

В 1868 году священник Михаил Горчаков защитил магистерскую диссертацию в области государственного права: «Монастырский приказ (1649–1725 гг.): опыт исторически-юридического ис-

[2] *Берташ А.* Горчаков. С. 156.

следования» [2]. После получения ученой степени он был назначен на должность доцента кафедры церковного законоведения в Санкт-Петербургском университете. Горчаков довольно интенсивно продолжил многосторонние исследования историко-правовых особенностей церковно-государственных отношений. В 1871 г. он защитил докторскую диссертацию в области государственного права на тему «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода: 988–1738 гг.» [3]. Диссертация была отмечена Уваровской премией. В том же году священник Михаил был избран экстраординарным профессором, а буквально через два года стал ординарным профессором. 1870-е гг. считаются самыми плодотворными не только в развитии дисциплины церковного права, но и в карьере молодого профессора. Его исследовательские стремления подкреплялись научными командировками (Карлсбад, Богемия, университеты Германии и Франции).

Огромная задача по адаптации канонического права к современной юриспруденции изначально легла на плечи небольшой, но влиятельной группы академических исследователей-энтузиастов, фактически пионеров отечественной канонистики. Среди них главную роль сыграл священник Михаил Горчаков, чьими стараниями и развивалась кафедра церковного законоведения в Санкт-Петербургском университете. В частности, будучи первым канонистом юридического факультета Петербургского университета, Горчаков за свою продолжительную деятельность обучил около восьми тысяч студентов. С конца 1860-х по 1917 год подавляющее большинство университетских профессоров канонического права были мирянами. И лишь М. И. Горчаков, преподававший в Петербургском университете более сорока лет, был рукоположен в священники прежде, чем получил две докторские степени – юридического факультета Петербургского университета и Петербургской духовной академии.

Небольшая группа университетских специалистов постепенно расширялась, открывались новые университеты и появлялись сопоставимые кафедры в других высших учебных заведениях, таких как престижное Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге и Демидовский юридический лицей в Ярославле. Хотя канонисты университетов и духовных академий работали в разных методологических и дисциплинарных сферах, они регулярно делились опытом и сотрудничали друг с другом. Как утверждал

Горчаков, ради строго академического подхода к своему предмету и для обоснованности своего официального положения на кафедре университетские канонисты должны обладать такими познаниями в богословии, чтобы быть в состоянии объяснить взаимосвязь между правом и верой с теологической точки зрения, найти в этом знании средства для защиты юридических принципов [1, с. 207]. Михаил Иванович олицетворял эти строгие академические принципы, совмещая как познания в теологии, так и в юриспруденции.

«Навсегда подкосила» научно-исследовательскую «энергию Михаила Ивановича» [1, с. 205] трагическая смерть супруги в 1879 г., в результате чего ему пришлось в одиночку воспитывать пятерых детей. Харьковский канонист М. А. Остроумов отмечал следующую особенность наследия Горчакова: «Профессору Петербургского университета протоиерею Горчакову принадлежит множество… ценных историко-канонических монографий, но он до сих пор ничего не обнародовал по системе церковного права» [4, с. 389]. И это действительно было так, ведь даже собственные лекции протоиерей Михаил не пытался публиковать, но делали это его студенты, не всегда совещаясь и ожидая редактирования от профессора [5; 6; 7]. За исключением четырех монографий, основанных на его диссертациях по гражданскому и каноническому праву, в круг публикаций входили статьи, лекции и обзоры докторских диссертаций[3]. Наиболее известными стали следующие работы: «К истории эпитимийных номоканонов (пенитенциалов) Православной Церкви» [8] и «О тайне супружества – происхождение, историко-

[3] *Горчаков М. И.* Греческие номоканоны. Санкт-Петербург, 1879. 15 с. ; *Горчаков М. И.* Научная постановка церковно-судного права // Сборник государственных знаний. Санкт-Петербург, 1875. С. 223–270 ; *Горчаков М. И.* Александр Тимофеевич Никольский (1821–1876), приходской священник Входоиерусалимской (Знаменской) церкви в С.-Петербурге : очерк жизни и деятельности. Санкт-Петербург : Типо-литография Ю. Штейн, 1878. [4], VIII, 390, II с. ; *Горчаков М.* [Обзор книг] // Сборник государственных знаний. Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и К°, 1879. Т. 7. С. 3–18 второй паг. ; *Горчаков М. И.* [Рецензия : оттиск] / М. И. Горчаков // Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1881. 46 с. – Рец. на кн. : Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста : историческое исследование о чине Православия священника Константина Никольского. – Санкт-Петербург, 1879. IV, 314 с. ; *Горчаков М. И.* Особое мнение протоиерея М. И. Горчакова по докладу Особой комиссии Государственного совета относительно проекта Государственной думы об отмене ограничений политических и гражданских, соединенных с лишением или добровольным снятием духовного сана и звания. Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1910. 27 с.

юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей» [9]. Тем не менее большая библиотека, которую он завещал Петербургскому университету, и неполные черновики книжных рукописей свидетельствовали о его академических устремлениях.

Протоиерей Михаил в течение следующих нескольких десятилетий занимался административной и преподавательской деятельностью. С 1867 г. он был членом Высочайше учрежденной комиссии для разработки дел архива Святейшего Синода. Также в разные периоды своего преподавания в Санкт-Петербургском университете он являлся деканом юридического факультета. При этом протоиерей Михаил всегда оставался частью развивающегося академического сообщества в области канонического права, активно помогая коллегам в написании научных исследований; Горчаков отмечал, в частности, что все рецензируемые им церковноправовые работы были удостоены государственных премий[4].

К концу XIX века многие кафедры церковного законоведения замещались учениками Горчакова: «...мало-помалу создалось такое положение дела, что кафедры церковного права во многих университетах были замещены или при прямом содействии его учениками (Н. С. Суворовым в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, а затем в Московском университете, П. П. Соколовым в Киеве), или под его влиянием, т.к. Министерство народного просвещения то присылало ему для отзыва отчеты магистрантов, то запрашивало его о достоинствах кандидатов на кафедру» [1, с. 209]. В конечном итоге академические заслуги протоиерея Михаила были оценены государством, и в 1902 году он был избран в члены-корреспонденты Императорской Академии наук. Преемником протоиерея Михаила Горчакова на кафедре церковного права Санкт-Петербургского университета стал его ученик Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938).

Протоиерей Михаил до конца жизни сохранил свои реформаторские настроения, называя себя «либералом 1860-х годов». В 1871 г. он выступил категорически против епархиального надзора в отношении преподавания церковного законоведения в университетах. А в 1899 г. во время студенческих волнений, которые косвенно были

[4] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета... С. 205.

спровоцированы Министерством народного просвещения, выступил на стороне учащихся. В 1905 году он был в числе группы тридцати двух петербургских священников, подписавших меморандум «О необходимости перемен в русском церковном управлении»[5]. Документ вызвал общественный резонанс и критику со стороны некоторых церковных деятелей. Тем не менее, учитывая статус и эрудицию протоиерея Михаила, в 1905 году Святейший Синод утвердил его назначение в Комиссию для предварительных работ по вопросам, подлежащим рассмотрению в Предсоборном присутствии, а в 1906 г. он стал членом Предсоборного присутствия. Также в 1906 г. после издания нового «Учреждения Государственного Совета», превратившего данный государственный орган из законосовещательного в верхнюю палату российского парламента, Горчаков был избран Святейшим Синодом в члены Государственного Совета от белого духовенства.

Протоиерей Михаил Горчаков скончался от «паралича сердца» в 1910 г. Он «завещал не возлагать на его могилу венков и не говорить речей, передать в библиотеку родного университета издания по юриспруденции, истории, богословию (2448 томов)»[6]. «Отпевание и заупокойную литургию совершал в Петропавловской церкви при Санкт-Петербургском университете епископ Вениамин (Казанский) в присутствии епископа Нарвского Никандра (Феноменова). Похоронен на Волковском правосл[авном] кладбище (могила сохранилась)»[7].

Система церковного права в трактовке протоиерея Михаила Горчакова

Во второй половине XIX столетия дисциплина «церковного права» была молодой наукой и находилась на начальной институциональной стадии. Не было узкоспециализированных монографий и научных статей, опубликованных курсов лекций, конспектов, учебных пособий, поэтому представители духовно-учебной корпорации или профессора кафедр церковного законоведения пытались

[5] О необходимости перемен в русском церковном управлении : мнение граждан столичных священников. Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1905. 8 с.

[6] *Берташ А.* Горчаков. С. 158.

[7] Там же.

концептуализировать свой предмет исследования буквально на пустом месте. Результатом этих научных стараний были многочисленные публикации литографированных студенческих конспектов или учебных пособий за авторством заведующих кафедр церковного законоведения или профессоров духовных академий. Среди ведущих университетских канонистов, чьи записи или пособия были опубликованы, следует выделить И. С. Бердникова, М. И. Горчакова, М. Е. Красножена, М. А. Остроумова, А. С. Павлова, Н. С. Суворова.

В отличие от других авторов учебников, протоиерей Михаил Горчаков связывал свое понимание церковного права как юридической дисциплины с более широким пониманием права и религии. По Горчакову, право есть реляционное начало, включающее в себя универсальные законы, предустановленные Творцом, и законы, созданные человеком, призванные справедливо регулировать общественные отношения. По оценке Горчакова, люди не обладают полным знанием универсальных законов, так называемых законов «абсолютной истины» [7, с. 9–10], но, напротив, находятся в постоянном процессе их понимания и трактовки.

Источниками созданного человеком права Горчаков называл как отдельную личность, так и социум, отдельные сообщества [7, с. 6–8]. Человек является основополагающим источником права. Осознавая, что «обладает потенциалом, способностью и силой» разумно и свободно реализовывать себя, человек стремится развивать свою индивидуальную природу в соответствии со своими качествами. Для достижения своих целей все люди также зависят от других, по этой причине сообщества являются не менее законотворческими, чем отдельные лица. Однако, как только человек становится частью сообщества, свобода саморазвития рискует ограничить свободу других. «Ни один человек, – утверждал Горчаков, – не может претендовать на безусловные права на удовлетворение своих потребностей без каких-либо проверок или вмешательства со стороны других» [7, с. 8]. Каждый член общества стремится защитить свои права на удовлетворение собственных предполагаемых «разумных потребностей» для реализации своего полного человеческого потенциала. Таким образом, Горчаков определял право как «выражение понимания справедливости» в данное время в данном обществе [7 с. 10]. Если бы люди коллективно понимали предопределенные универсальные законы и жили в соответствии с ними, «абсолют-

ная истина» восторжествовала бы. Однако, обладая лишь смутными знаниями об этих универсальных законах, люди сосуществуют со множеством постоянно меняющихся и часто, казалось бы, конкурирующих представлений о справедливости [7, с. 1].

Понимание М. И. Горчаковым церковного права возникло из концептуализации права в более широком смысле. Горчаков утверждал, что вера (или религия) была одной из разумных потребностей, которыми наделены люди изначально, «от природы» [7, с. 1]. Религия Горчаковым рассматривалась как «потребность духовной человеческой природы», как «одна из необходимых деятельных и производительных сил права в обществе и государстве... основа и сила деятельного человека в частной, гражданской, общественной и государственной жизни, приводимой правом в определенный порядок» [10, с. 30]. Вера, как утверждал Горчаков, является одним из самых значительных аспектов человеческой жизни, будь то в личной жизни, в обществе или в государстве: «...религия, как способность, и вера в Бога есть единственный источник и первооснова совершеннейшей нравственности человеческой, частной и общественной... наполняет своим содержанием право» [10, с. 31]

Опираясь на социологию, антропологию, феноменологию, психологию и философию религии, Горчаков определял веру как особую человеческую склонность, затрагивающую «совокупность сил и жизненных возможностей человека» [10, с. 31] и определяющую все социальные отношения. Поскольку люди являются социальными существами, они формируют отношения на основе общих взглядов, основанных на вере. Эти отношения, в свою очередь, объединяются в более крупные ассоциации со своими правилами, формами управления и отношениями с другими религиозными объединениями [7, с. 8–9]. Горчаков утверждал, что присущая религии способность создавать сообщества делает ее значимой для юриспруденции. Образование юриста оставалось бы неполным без знания таких сообществ и их основ.

М. И. Горчаков говорил, что законы, регулирующие эти религиозные объединения, в том числе Православную Церковь, не следует смешивать с другими отраслями права, поскольку их субъектом и объектом является уникальное, своеобразное сообщество, проистекающее из религии (или веры) в широком смысле, а не только из христианства, или Православия в частности. Соответственно,

протоиерей Михаил видел в канонах и постановлениях Православной Церкви своеобразный корпоративный характер: «...каноническим правом следует называть правила, составленные Церковью и утвержденные Соборами» [11, с. 24].

М. И. Горчаков прямо связывал каноны и постановления, регулирующие Православную Церковь, с юридическими дисциплинами, с политическими и общественными науками и косвенно с богословием. Таким образом, задача академического изучения канонического права была двоякой. Во-первых, необходимо было систематизировать во всей совокупности нормы церковной организации, ее внутреннего управления, ее отношения к государству и к другим общественным объединениям. Во-вторых, выяснить, соответствуют ли «внутренние нормы» этого права целям Церкви как сообщества и учреждения, а также общим положениям юриспруденции [7, с. 23].

Горчаков советовал студентам-юристам анализировать религиозные сообщества с точки зрения их собственных положений и установок, а не на основе абстрактных или политически мотивированных философских соображений. Поскольку религиозные общины обычно определяли себя на основе богословских учений, Горчаков утверждал, что эти самоопределения были «данными», с их изучения и должны начинать юристы. Однако юриспруденция включает такие богословские данные лишь постольку, поскольку они не применимы к юридическим вопросам. Конкретное содержание богословских воззрений выходит за пределы компетенции юриста [7, с. 14].

Таким образом, понимание Горчаковым права и его взгляд на религию как на общую черту человеческого существования устранили в его трудах любые склонности к христианской или специфически православной исключительности. Эти убеждения также лежали в основе его интереса к свободе совести и свободе вероисповеданий – темам, которым он уделял значительное внимание в своих работах[8].

[8] Он утверждал, что юридическое определение Православия в России как «правящей» веры было основано на статусе большинства Православия, а не на конфессиональном «превосходстве». После Октябрьского манифеста 1905 г. Горчаков был среди либерального духовенства, выступавшего за отмену в русском праве термина «господствующая» по отношению к Православной Церкви (см.: Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). Москва : Общество любителей церковной истории : Издательство Новоспасского монастыря, 2014. Кн. 57. С. 539–540).

Заключение

Период, охватывающий вторую половину XIX в. и первую четверть XX в., в духовном-академическом сообществе справедливо именуется «золотым веком» православной канонистики. Несмотря на то, что наука церковного права в духовном образовании Российской империи была достаточно молодой учебной дисциплиной, на рубеже XIX–XX вв. отечественная канонистика достигла высокого уровня, соразмерного успехам западноевропейских канонистов. Множество сторонних факторов способствовали процессу развития науки церковного права в отечественном духовном образовании: александровская реформа духовных школ (например, новая редакция Устава духовных академий от 1869 г.), образование кафедр церковного права на юридических факультетах светских университетов, кодификация и систематизация норм церковного и гражданского права и пр.

Русское каноническое правоведение пережило значительный подъем в период после Великих реформ императора Александра II. Вторая половина XIX в. открыла научному миру множество новых авторитетных канонистов: епископа Иоанна (Соколова), И. С. Бердникова, Н. С. Суворова, Н. А. Заозерского, А. С. Павлова, В. Н. Бенешевича, М. Е. Красножена. Плеяда блестящих отечественных специалистов в области церковного права заставила всерьез говорить об отечественной школе церковного права. Среди упомянутых ученых универсализмом познаний, широтой исследовательских интересов, творческой плодовитостью отличался протоиерей Михаил Горчаков.

Представленная статья является данью уважения к заслугам этого великого русского канониста.

Список литературы

1. *Бенешевич, В. Н.* Памяти Горчакова / В. Н. Бенешевич // Труды юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1913. – Т. 5 : 1911 г. – С. 201–217.

2. *Горчаков, М. И.* Монастырский приказ, (1649–1725) : опыт историко-юридического исследования / М. И. Горчаков. – Санкт-Петербург : Типография А. Траншеля, 1868. – [2], 296, 159 с.

3. *Горчаков, М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Священного синода, 988–1738 гг. /

М. И. Горчаков. – Санкт-Петербург : Типография А. Траншеля, 1871. – [4], 558, 252 с.

4. *Остроумов, М.* Очерк православного церковного права. Ч. 1, т. 1. Введение / М. Остроумова, экстра-ординарного профессора Харьковского университета. – Харьков : Типография Губернского правления, 1893. – [4], X, [2], 672, IV с.

5. *Горчаков, М. И.* Каноническое право : лекции / профессора Горчакова. – Санкт-Петербург : б.и., 1869. – 592 с.

6. *Горчаков, М. И.* Лекции по церковному праву проф. Горчакова, чит. в С.-Петербургском университете в 1898/9 ак. г. – Санкт-Петербург : Изд. студ. К-го и Р-ова, 1899. – 472 с.

7. *Горчаков М. И., прот.* Церковное право : краткий курс лекций : необходимое пособие студентам при слушании лекций и для приготовления к экзаменам / протоиерея М. И. Горчакова ; С.-Петербургский университет. – Издание студента Д. Ширяева, исправленное и дополненное под личным руководством профессора. – Санкт-Петербург : Тип. И. Флейтмана, 1909. – [6], 338 с.

8. *Горчаков М., свящ.* К истории эпитимийных номоканонов (пенитенциалов) Православной Церкви / священник М. Горчаков. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1874. – [2], 119 с. – Рец. на кн.: Номоканон при Большом требнике, изданный вместе с греческим подлинником, до сих пор неизвестным, с примечаниями издателя / А. С. Павлов. Одесса : Типография Ульриха и Шульце, 1872. [2], 240 с.

9. *Горчаков М. И., свящ.* О тайне супружества : происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей : исследование по истории русского церковного права / священника М. Горчакова. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1880. – 54 с.

10. *Горчаков М., прот.* Об отношении Церкви к праву и государству : (слово в неделю о расслабленном и в день рождения Императора Александра II, произнесенное в Исаакиевском соборе) / протоиерей Михаил Горчаков // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. – 2000. – № 21/22. – С. 30–35.

11. *Горчаков М. И., прот.* Записки церковного права по лекциям, читанным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета протоиереем М. И. Горчаковым, изданные студентами университета в 1893–1894 гг. – Санкт-Петербург : б.и., 1894. – 359 с.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 05.09.2023.
Статья принята к публикации 25.10.2023.

UDC 348

CANONICAL WORKS OF ARCHPRIEST MIKHAIL GORCHAKOV: CHARACTERISTICS AND THEIR ROLE IN CANONISTICS OF THE SYNODICAL PERIOD

Vladislav Bagan, Priest
PhD in Theology, PhD in Law
Associate Professor
Smolensk Orthodox Theological Seminary
5 Timiryazeva Street, Smolensk, 214000, Russia
E-mail: baganvlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8092-9965

For citation: Bagan V. V., priest Canonical works of Archpriest Mikhail Gorchakov: characteristics and their role in canonistics of the Synodical period DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_63. EDN: DRBFOF // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 63–79 pp. (in Russian)

Abstract

The article presents an analysis of the church legal work of the outstanding Russian jurist and canonist of the Synodical period, Archpriest Mikhail Gorchakov (1838–1910). The author reveals the role of Gorchakov's church legal research in the formation of Russian canonry in the second half of the 19th century. The work traces the life path of Archpriest Mikhail Gorchakov and notes his diverse and fruitful social service.

Higher educational institutions of St. Petersburg in the second half of the 19th century were considered the center of development of the academic discipline Canon Law. Archpriest Mikhail devoted almost five decades to teaching at St. Petersburg University. He considered canon law primarily from the point of view of jurisprudence, and not theology (as was traditionally accepted in theological schools), being a relay of the legal direction of canonism.

The work seems relevant, since it analyzes the concept of "canon law" authored by an authoritative canonist (Archpriest M. Gorchakov), whose

achievements are undeservedly ignored by current historical and legal science. The author of this article believes that through interpretation and analysis of the specifics of individual systems of church law, one can come to a common understanding of the ontology of church law.

Keywords: Archpriest Mikhail Gorchakov; Russian Empire; church law; canon law; Old Russian law; Church law course.

References

1. Beneshevich V. N. Pamyati Gorchakova [In memory of Gorchakov]. *Trudy yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom Universitete* [Proceedings of the Legal Society at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg, "Public Benefit" Partnership Publ., 1913, vol. 5, 1911, pp. 201–217. (In Russian).

2. Gorchakov M. I. *Monastyrskii prikaz, (1649-1725): opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya* [Monastic order, (1649–1725): experience of historical and legal research]. St. Petersburg, A. Tranchel's Printing House Publ., 1868, [2], 296, 159 p. (In Russian).

3. Gorchakov M. I. *O zemel'nykh vladeniyakh vserossiiskikh mitropolitov, patriarkhov i Svyashchennogo sinoda, 988-1738 gg.* [On the land holdings of all-Russian metropolitans, patriarchs and the Holy Synod, 988–1738]. St. Petersburg, A. Tranchel's Printing House Publ., 1871, [4], 558, 252 p. (In Russian).

4. Ostroumov M. *Ocherk pravoslavnogo tserkovnogo prava* [Essay on Orthodox Church Law]. Kharkov, Printing House of the Provincial Government Publ., 1893, part 1, vol. 1, Introduction, [4], X, [2], 672, IV p. (In Russian).

5. Gorchakov M. I. *Kanonicheskoe pravo* [Canon law]. St. Petersburg, 1869, 592 p. (In Russian).

6. Gorchakov M. I. *Lektsii po tserkovnomu pravu prof. Gorchakova, chitaemye v S.-Peterburgskom universitete v 1898/9 akademicheskom godu* [Lectures on church law by Prof. Gorchakov conducted at St. Petersburg University in 1898/9 academic year]. St. Petersburg, Stud. K-go and R-ova Publ., 1899, 472 p. (In Russian).

7. Gorchakov M. I., Archpriest *Tserkovnoe pravo* [Church law]. St. Petersburg, I. Fleitman Publ., 1909, [6], 338 p. (In Russian).

8. Gorchakov M., Priest *K istorii epitimiinykh nomokanonov (penitentsialov) Pravoslavnoi Tserkvi* [On the history of epithymic nomocanons (penitentials) of the Orthodox Church]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1874, [2], 119 p. (In Russian).

9. Gorchakov M. I., Priest *O taine supruzhestva: proiskhozhdenie, istoriko-yuridicheskoe znachenie i kanonicheskoe dostoinstvo 50-oi (po spiskam patriarkhov Iosifa i Nikona 51-i) glavy pechatnoi Kormchei: issledovanie po istorii russkogo tserkovnogo prava* [On the mystery of marriage: origin, historical and legal significance and canonical dignity of the 50th (51st according to the lists of Patriarchs Joseph and Nikon) chapter of the printed Kormcha: a study on the history of Russian church law]. St. Petersburg, V. S. Balashev Publ., 1880, 54 p. (In Rusian).

10. Gorchakov M., Archpriest Ob otnoshenii Tserkvi k pravu i gosudarstvu [On the attitude of the Church to law and the state]. *Sanky-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti* [St. Petersburg Diocesan Gazette]. 2000, no. 21/22, pp. 30–35. (In Russian).

11. Gorchakov M. I., Archpriest *Zapiski tserkovnogo prava po lektsiyam, chitannym professorom Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta protoiereem M. I. Gorchakovym, izdannye studentami universiteta v 189301894 gg.*[Notes of church law on lectures given by the Professor of the Imperial St. Petersburg University, M. I. Gorchakov, published by university students in 1893–1894]. St. Petersburg, 1894, 359 p. (In Russian).

Received 07 June 2023.
Reviewed 05 September 2023.
Accepted for press 25 October 2023.

УДК 264

https://elibrary.ru/csbggt

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ В 1971–1990 ГОДЫ КАК ФОРМА РЕГЛАМЕНТАЦИИ БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Священник Константин Алексеевич Рева
магистр богословия, магистр теологии,
проректор по научной и методической
работе, старший преподаватель кафедры
библейских
и богословских дисциплин
Воронежской духовной семинарии
394033, Россия, г. Воронеж,
Ленинский проспект, д. 91
E-mail: nestr09@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-6548-0113

Для цитирования: Рева К. А., свящ. Издательская деятельность Московской Патриархии в 1971–1990 годы как форма регламентации богослужебной практики. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_80. EDN: CSBGGT // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 80–94.

Аннотация

Предметом исследования является практика регламентации совершения регулярного богослужения на приходах Русской Православной Церкви в годы первосвятительского служения Патриарха Московского и всея Руси Пимена с 1971 по 1990 год. Актуальность темы обусловлена тем, что исследования развития уставного порядка регулярного богослужения в Русской Православной Церкви преимущественно затрагивают досинодальный период церковной истории, в свою очередь, история русского богослужения второй половины XX века остается недостаточно изученной. В данной статье используются методы сопоставления литургических и церковно-правовых источников, а также принцип историзма, с помощью которого показана преемственность подходов к упорядочению богослужения в XX веке.

В исследуемый период особое значение в вопросе регулирования уставного богослужения имела деятельность Издательского отдела Московской Патриархии. Отмечено, что в 1970–1980-е годы данное учреждение выполняло в числе прочих функции Синодальной календарно-богослужебной комиссии, которая ввиду специфики церковно-государственных отношений в советское время не могла открыто осуществлять свою деятельность. Обозначено, что благодаря выпуску «Православного богослужебного сборника» и многотомного издания «Настольная книга священнослужителя» был несколько компенсирован запрет на ежегодную печать «Богослужебных указаний», и приходы были снабжены общими указаниями уставного порядка регулярного богослужения и литургическими текстами в минимальном объеме. Доказано, что последующее издание «Зеленых Миней» и сборника «Чинопоследования праздника Крещение Руси» добавило корпусу богослужебных книг существенный объем гимнографических текстов русским святым. В работе сделан вывод, что регламентация богослужебной практики с 1971 по 1990 год осуществлялась в рамках издания богослужебных, календарно-богослужебных и справочных изданий с ориентацией на литургическое наследие Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов.

Ключевые слова: издание богослужебных книг; богослужебная практика; упорядочение богослужения; Патриарх Пимен; сокращение богослужения; Издательство Московской Патриархии.

Введение

Регламентация практики совершения регулярного богослужения в Русской Православной Церкви во второй половине XX века менее изучена в сравнении с предшествующими историческими периодами русской церковной истории, что обусловливает актуальность данной работы.

Цель исследования заключается в выявлении преемственности подходов к регламентации регулярного богослужения, обсуждаемых на Поместном Соборе 1917–1918 годов, в упорядочении богослужебной практики в период с 1971 по 1990 год.

Новизна исследования обусловлена тем, что подходы священноначалия Русской Православной Церкви к регламентации богослужения выявляются не через анализ церковных нормативно-правовых актов, посвященных данной проблематике, в связи с их фактическим отсутствием, а через изучение официальных богослужебных изданий, имплицитно содержащих данные подходы.

Ведущим методом исследования является принцип историзма, а метод сопоставления использован для сравнительной характеристики литургических и церковноправовых источников. Практическое применение данного исследования возможно в рамках работы по формированию общих подходов к «упорядочению практики совершения приходского богослужения»[1] в рамках деятельности Межсоборного Присутствия.

Основная часть

Регламентация богослужения в Русской Православной Церкви в конце 1960-х и 1970-е годы осуществлялась преимущественно в рамках издательской деятельности Московской Патриархии. 10 февраля 1969 года произошло значимое событие, предшествующее периоду первосвятительского служения Патриарха Московского и всея Руси Пимена, – возобновление после 10-летнего перерыва работы Синодальной календарно-богослужебной комиссии. Первый состав комиссии возглавил святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский. Из прежнего состава в комиссии продолжили работу профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский и профессор Московской духовной академии Д. П. Огицкий [1], которые после вынужденного прекращения регулярных заседаний данного синодального учреждения принимали активное участие в деятельности профильной рабочей группы по разработке проектов Резолютивных документов по Родосскому каталогу тем Всеправославного Предсобора [2]. В свою очередь, в новый состав комиссии вошли игумен Матфей (Мормыль) и А. И. Просвирнин, которые впоследствии были также в составе Богослужебной подкомиссии (группы) Юбилейной комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси и первом составе Синодальной богослужебной комиссии, учрежденной решением Священного Синода от 16 октября 1989 года [3].

Заседания Синодальной календарно-богослужебной комиссии в 1969 году проходили под руководством председателя Издатель-

[1] Темы к рассмотрению комиссиями Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви : список тем утвержден решением Священного Синода от 11 марта 2020 года (журнал № 2) // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/intersobor/temy/ (дата обращения: 05.10.2023).

ского отдела Московской Патриархии епископа Волоколамского Питирима (Нечаева) [4, с. 260]. Отметим, что Преосвященный Питирим возглавил Издательский отдел 14 мая 1963 года [5], сменив на этой должности епископа Никодима (Ротова), которому было поручено возглавить особую Синодальную комиссию по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора [6].

В обновленном составе Синодальная календарно-богослужебная комиссия провела два заседания 10 и 11 февраля 1969 года соответственно[2]. В ходе работы второго состава комиссии, помимо сугубо прикладных издательских вопросов, связанных с подготовкой к выходу различных изданий церковного календаря и отдельных богослужебных книг, было решено акцентировать внимание на уставном богослужении и совершении служб русским святым с большей торжественностью в сравнении с прочими подвижниками. В частности, было рекомендовано в уставных заметках церковного календаря разместить примечание «если имеются два святых – русский и греческий, то службу русскому святому совершать со славословием» [4, с. 361]. Кроме того, было решено подготовить и издать образцы соединения служб русским святым с вселенскими. При этом было указано, что при подготовке к изданию новой редакции Служебных Миней нужно «соединять службы вселенским и русским святым» [4, с. 361].

Хотя информации о последующих заседаниях Синодальной календарно-богослужебной комиссии как отдельного учреждения Московской Патриархии, кроме протоколов заседаний 10 и 11 февраля 1969 года, нет [4, с. 365], все же функции данного учреждения выполнялись непосредственно Издательским отделом Московской Патриархии при реализации им последующих проектов, связанных с богослужебными (богослужебные книги и сборники), календарно-богослужебными (православные церковные календари) и справочными изданиями («Настольная книга священнослужителя»).

Среди богослужебных изданий, выпущенных Издательским отделом Московской Патриархии в 1970-е годы, помимо собственно богослужебных книг, издаваемых преимущественно репринтным способом без существенных исправлений и дополнений, за исклю-

[2] Протокол заседания Богослужебно-календарной комиссии 1–11 февраля 1969 года // История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.) / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. Москва : Языки русской культуры, 2001. С. 358–365.

чением изъятия дореволюционных форм поминовения гражданской власти, особняком стоят «Настольная книга священнослужителя»[3] и «Православный богослужебный сборник»[4].

Фактически исключительное право Издательского отдела Московской Патриархии на печать не только богослужебной, но и в целом православной литературы в Советском Союзе, с учетом жесткого контроля со стороны Совета по делам религий, на наш взгляд, позволяет расценивать любое издание того периода как имеющее непосредственное одобрение священноначалия Русской Православной Церкви. Московской Патриархии приходилось добиваться получения разрешения на издание каждой новой книги, преодолевая административные ограничения, фактически цензуру, а также учитывая финансовые возможности (выделение государством необходимого объема бумаги и типографских мощностей), поэтому неутвержденных священноначалием и тем более случайных церковных изданий в эти годы представить невозможно. Наличие грифа «По благословению Патриарха Московского и всея Руси ПИМЕНА» было не формальным обозначением церковности издания, а определяло в отношении богослужебной литературы утверждение ее содержания. То есть любое вновь выпускаемое богослужебное издание того времени доносило позицию священноначалия о том, что должно быть нормой при совершении приходского богослужения.

Первый и четвертый тома «Настольной книги священнослужителя», изданные 1977 и 1983 годах соответственно, содержат как отдельные богослужебные тексты, напечатанные гражданским шрифтом [4, с. 240], так и описание уставного порядка совершения богослужения. Сколько-нибудь значимых литургических заметок, содержащих отличный от указаний Типикона порядок совершения регулярного богослужения, эти сборники не содержат. Основное внимание в них уделено призыву совершать богослужения согласно уставным нормам.

Особое место среди богослужебных изданий 1970-х годов занимал «Православный богослужебный сборник», впервые изданный в июле 1976 года. Отличительными особенностями издания явля-

[3] Настольная книга священнослужителя. Т. 1. Москва : Издательство Московской Патриархии, 1977. 704 с.

[4] Православный богослужебный сборник. Москва : Издательство Московской Патриархии, 1976. 352 с.

лись, во-первых, то, что оно было выполнено исключительно гражданским шрифтом, во-вторых, в первую часть издания (С. 3–46) было включено полное последование всенощного бдения (великой вечерни и утрени), часов и Божественной литургии, что позволило использовать это издание как дублер Часослова; в-третьих, в книге содержались ноты для четырехголосного хора отдельных песнопений по гласам (воскресных стихир, тропарей, ирмосов и др. (С. 57–154) и дневных прокимнов (С. 346–349)), а также тексты избранных праздничных песнопений служб Миней (С. 156–238), Триоди постной и Триоди цветной (С. 239–323), что позволило «Сборнику» быть, по словам составителей, «подсобной книгой на клиросе в руках певцов» [7, с. 78].

В рецензии на данное издание отмечалось, что данный «Сборник» содержит такое количество изменяемых песнопений, которое, по мнению составителей, «обычно поет хор в приходских храмах» [7, с. 78]. В «Сборнике» для каждого гласа из Октоиха предложено четыре воскресных стихиры на «Господи воззвах…», три стихиры на стиховне с их богородичнами, тропарь воскресный с богородичном, ирмосы и кондаки воскресных канонов, две стихиры на «Хвалите…»; из Минеи – большая часть стихир на «Господи воззвах…», отдельные стихиры на литии, не менее двух стихир на стиховне, тропарь, величание, избранный псалом, стихира по 50-м псалме и ирмосы канона праздника, несколько стихир на «Хвалите…», где положены праздничные антифоны литургии. Таким образом, составители сборника фиксировали реальную практику совершения служб на приходах и давали ориентир начинающим служение в Церкви на рекомендуемое количество изменяемых песнопений, которые должны обязательно исполняться за уставным богослужением.

Можно с уверенностью отметить, что состав изменяемых песнопений в «Сборнике» в целом ориентирован на рекомендации доклада «Об упорядочении богослужения» профильного отдела Поместного Собора 1917–1918 годов, где было предложено: «*Песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. В дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир “на Господи воззвах”, стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины по-*

ложенных как из Октоиха, так и из Минеи»[5]. Единственным значимым отступлением от данных указаний в «Сборнике» является незначительное количество хвалитных стихир, как праздничных, так и воскресных (две для каждого гласа) при полном отсутствии евангельских стихир.

«Православный богослужебный сборник» сочетал в себе лаконичность (однотомное издание менее 400 страниц) с полнотой (большая часть исполняемых праздничных песнопений) содержания и удобством (гражданский шрифт) использования певцами и чтецами разного уровня владения навыком чтения церковнославянских текстов. Данные достоинства в сочетании с официальным статусом богослужебного издания, которое имело благословение Святейшего Патриарха, обеспечили широкую востребованность «Сборника». Десятки переизданий многотысячными тиражами «Православного богослужебного сборника» позволили снабдить приходы Русской Православной Церкви самым необходимым набором песнопений и молитвословий для организации регулярного богослужения особенно в тех местах, где храмы были недостаточно оснащены богослужебной литературой.

«Православный богослужебный сборник» отчасти фиксировал сложившуюся приходскую практику исполнения избранных изменяемых песнопений, как некогда в XIX веке реальная богослужебная практика фиксировалась в нотных сборниках [8], а не в официальных богослужебных книгах. Опора составителей «Сборника» на рекомендации Поместного Собора 1917–1918 гг. в вопросе объема исполняемых песнопений позволила повысить общую литургическую культуру приходского богослужения во второй половине XX века.

Принципиальное решение Синодальной календарно-богослужебной комиссии 10 и 11 февраля 1969 года о необходимости соединять службы русским святым с памятью святых вселенских находится в русле 16 и 19 пунктов доклада «Об упорядочении богослужения» профильного отдела Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов[6]. На них особое внимание об-

[5] Доклад «Об упорядочении богослужения» отдела о богослужении, проповедничестве и храме Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.) / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. Москва : Языки русской культуры, 2001. С. 299–300.

[6] Доклад «Об упорядочении богослужения»… С. 299–300.

ращал святитель Афанасий (Сахаров) при работе над исправлением Миней, которой он занимался вплоть до своей кончины в 1962 году. Подходы к такому соотнесению были системно сформулированы в совместном докладе епископа Афанасия (Сахарова) и иерея Павла Соколовского «О соединении служб русским святым со службами святым вселенским», который был представлен на заседании Синодальной календарно-богослужебной комиссии 2 января 1957 года[7]. Важно отметить, что обращение к этому вопросу обновленным составом Синодальной календарно-богослужебной комиссии в 1969 году обеспечило сохранение преемственности в работе данного синодального учреждения как с наследием первого состава комиссии [9, с. 78], так и в целом с литургическими материалами Поместного Собора 1917–1918 годов.

Последовательное и неуклонное внимание к этому вопросу членов различных синодальных учреждений оказало существенное влияние на подходы к формированию обновленного состава Служебных Миней, которые были изданы в 1978–1989 годах и широко известны как «Зеленые Минеи». Реализовать этот самый крупный издательский проект, который расширил круг богослужебных текстов, включенных в корпус богослужебных книг Русской Православной Церкви, удалось за счет публикации в составе каждого тома «ранее неизвестных в основном кругу служебных Миней и собранных из дореволюционных и послереволюционных печатных и рукописных (машинописных) источников» [10], сохранившихся в различных архивных фондах. При издании «Зеленых Миней» не удалось в полной мере реализовать сформулированные Синодальной календарно-богослужебной комиссией в 1969 году принципы соединения служб русским святым со службами святым вселенским, так как количество богослужебных текстов русским святым значительно увеличилось и в один и тот же день могло приходиться несколько служб русским святым [11, с. 75]. Соединять одну из нескольких служб русским святым со службой святому вселенскому этого же дня было не вполне логично и справедливо. Видимо, этим объясняется подход размещать службы одного дня поочередно, а не в едином последовании.

[7] В Богослужебно-календарной комиссии при Священном Синоде // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 4. С. 13–15.

Еще одним важным эпизодом регламентации богослужения в Русской Православной Церкви в годы первосвятительского служения Патриарха Пимена стал выход в 1988 году подготовленного совместно Богослужебной подкомиссией (группой) Юбилейной комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси и Издательским отделом Московской Патриархии богослужебного сборника «Чинопоследования праздника Крещение Руси»[8]. Сборник включал в себя «Службу Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси»[9], которая была совмещена со службой всем святым, в земле Российской просиявшим. В книге также содержатся последования молебного пения с молебным каноном всем русским святым и панихиды «по предстоятелям и архипастырям Русской Православной Церкви, по подвижникам благочестия Земли Русской и всем благочестивым предкам нашим»[10].

Торжество в честь Крещения Руси в 1988 году и «на последующее время» Святейший Патриарх Пимен благословил совершать по последованию «Службы Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси» [12, с. 270], которая составлена по уставу великого господского праздника с особыми праздничными антифонами на литургии, пением «Елицы во Христа крестистеся…» вместо «Трисвятого», особыми чтениями Апостола и Евангелия и т. д. Практика совершения по этому порядку торжеств в честь Крещения Руси в 1990-е и 2000-е годы не получила широкого распространения.

К вопросу о практике ежегодного литургического празднования событий Крещения Руси священноначалие Русской Православной Церкви вернулось лишь в 2008 году. Архиерейский Собор определил: «В память о величайшем событии нашей общей истории – Крещении Руси – Архиерейский Собор постановил в день святого равноапостольного князя Владимира 15/28 июля совершать богослужение по уставу великого праздника, воздавая должную честь крестителю Руси»[11]. Освященный Собор при этом обратился к пре-

[8] Чинопоследования праздника Крещение Руси. Москва : Издательство Московской Патриархии, 1988. 97 с.

[9] Там же. С. 3–50.

[10] Там же. С. 60–71.

[11] Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24–29 июня 2008 года) «О единстве Церкви» // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html (дата обращения: 13.06.2023).

зидентам России, Беларуси и Украины с предложением включить день памяти крестителя Руси в перечень государственных памятных дат. В ответ на это обращение в 2010 году на законодательном уровне в число памятных дат России было внесено «28 июля – День Крещения Руси»[12]. Таким образом было обозначено особое место Крещения Руси в истории Российского государства. Повышение исключительно праздничного знака службы равноапостольному Владимиру, в которой события Крещения Руси обозначены опосредовано, до уровня великого праздника не дало возможности вернуться к практике регулярного совершения «Службы Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси», которая была установлена по благословению Патриарха Пимена. Лишь в 2013 году в ходе подготовки к празднованию 1025-летия Крещения Руси, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Отделом богослужебных книг Издательства Московской Патриархии при поддержке Синодальной богослужебной комиссии была издана «Служба Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси, и святому равноапостолу, великому князю Владимиру»[13], последование которой предусмотрено с особенностями уставного порядка совершения господских служб по уставу великого праздника.

Заключение

Таким образом, выход из печати богослужебных книг и сборников в условиях существенных ограничений со стороны государства в сфере книгоиздания был на протяжении всего периода служения Святейшего Патриарха Пимена событием для Русской Православной Церкви. С учетом того что издание любой церковной книги, в том числе и богослужебной литературы, требовалось согласовывать с представителями Совета по делам религий при Совете министров СССР, к печати готовились только избранные, хорошо подготовлен-

[12] Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями). Статья 1.1 // Гарант.ру : портал. URL: https://base.garant.ru/1518352/ 61be80f84cf4d95f84aeddb3178a7797/ (дата обращения: 13.06.2023).

[13] Служба Господу Богу нашему, в Троице славимому, в память Крещения Руси, и святому равноапостолу, великому князю Владимиру. Москва : Издательство Московской Патриархии, 2014. 56 с.

ные и формально, и содержательно книги. При этом каждое такое издание получало непосредственное благословение Святейшего Патриарха, что придавало, в частности богослужебным изданиям, фактически статус официальных церковных документов, отражающих подход высшей церковной власти к регламентации богослужения. В результате соотнесения подходов к регламентации богослужебной практики, содержащихся имплицитно в богослужебных изданиях 1970–1980 годов, удалось установить, что они соответствуют подходам к упорядочению богослужения, которые были выработаны профильным отделом Поместного Собора 1917–1918 годов.

Список литературы

1. *Рева К. А., свящ.* Регламентация богослужебной практики в документах священноначалия Русской Православной Церкви 1947–1963 годов / священник Константин Рева. – EDN: BSTQHT // Труды Воронежской духовной семинарии. – 2019. – № 11. – С. 97–107.

2. *Рева К. А., свящ.* Регламентация богослужебной практики в документах священноначалия Русской Православной Церкви в 1963–1968 годах / священник Константин Рева. – EDN: LYZKXP // Труды Воронежской духовной семинарии. – 2020. – № 12. – С. 23–37.

3. *Андроник (Трубачев), игум.* Богослужебная синодальная комиссия / игумен Андроник (Трубачев) // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. – Т. 5. – ISBN 5-89572-010-2. – С. 535–536.

4. *Кравецкий, А. Г.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.) / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева ; Российская Академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 400 с. – ISBN 5-7859-0203-6.

5. *Полищук, Е. С.* Издательский отдел, Издательский совет, Издательство Московского Патриархата / Е. С. Полищук // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 21. – ISBN 5-89572-038-7. – С. 559–562.

6. *Скобей, Г. Н.* Всеправославный Собор / Г. Н. Скобей // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – Т. 9. – ISBN 5-89572-015-3. – С. 683–685.

7. *Карманов, Е. Н.* [Рецензия] / Е. К. // Журнал Московской Патриархии. – 1976. – № 9. – С. 78. – Рец. на кн.: Православный богослужебный сборник. Москва : Издательство Московской Патриархии, 1976. 352 с.

8. *Рева, К. А.* Придворный литургический устав и церковноправовое регулирование богослужебной практики (Синодальный период) / К. А. Рева. – DOI 10.31802/CH.2020.4.2.004. – EDN: JKJRUD // Церковный историк. – 2020. – № 2 (4). – С. 77–89.

9. *Рева, К.А.* Регламентация богослужебной практики в наследии Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) / К. А. Рева // Духовный арсенал. – 2023. – № 1 (9). – С. 72–81.

10. *Кривко, Р. Н.* Минея / Р. Н. Кривко // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. – Т. 45. – ISBN 978-5-89572-052-3. – С. 273–279.

11. *Кравецкий, А. Г.* Богослужебный уклад Русской Церкви и Священное Писание в трудах Поместного Собора 1917–1918 гг. / А. Г. Кравецкий // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. – Москва : Издательство Новоспасского монастыря, 2022. – Т. 15, кн. 1. – ISBN 978-5-87389-092-7. – С. 5–88.

12. *Забелич С. А., прот.* Синодальная Богослужебная комиссия / протоиерей Сергей Забелич. – DOI 10.31802/PRAXIS.2020.4.2.018. – EDN: YSDWII // Праксис. – 2020. – № 2 (4). – С. 269–274.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 05.10.2023.
Статья принята к публикации 25.10.2023.

UDC 264

PUBLISHING ACTIVITY OF THE MOSCOW PATRIARCHY IN 1971–1990 AS A FORM OF REGULATION OF LITURGICAL PRACTICE

Konstantin Reva, Priest
Master of Theology
Vice-Rector for Research and Methodology
Senior Lecturer
Department of Biblical and Theological Disciplines
Voronezh Theological Seminary
91 Leninsky Prospekt, Voronezh, Russia
E-mail: nestr09@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-6548-0113

For citation: Reva K. A., priest Publishing activity of the Moscow Patriarchy in 1971 – 1990 as a form of regulation of liturgical practice DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_80. EDN: CSBGGT // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 80–94 pp. (in Russian)

Abstract

The subject of the study is the practice of regulating the performance of regular divine services in the parishes of the Russian Orthodox Church during the years of the primacy of the Patriarch of Moscow and All Rus' Pimen from 1971 to 1990. The relevance of the topic is due to the fact that studies of the development of the statutory order of regular worship in the Russian Orthodox Church mainly affect the pre-synodal period of church history, while the history of Russian worship in the second half of the twentieth century remains insufficiently studied. This article uses methods of comparison of liturgical and church legal sources, as well as the principle of historicism, with the help of which the continuity of approaches to the organization of worship in the twentieth century is shown.

During the period under study, the activities of the Publishing Department of the Moscow Patriarchate were of particular importance in the issue of regulation of statutory worship. It is noted that in the 1970–1980s, this institution performed, among other functions, the Synodal Calendar and Liturgical Commission, which, due to the specifics of church-state relations in Soviet times, could not openly carry out its activities. It is indicated that thanks to the release of the "Orthodox Liturgical Collection" and the multivolume edition "Handbook of the Clergyman", the ban on the annual printing of "Liturgical Instructions" was somewhat compensated, and parishes were provided with general instructions for the statutory order of regular worship and liturgical texts in a minimal amount. It has been proven that the subsequent publication of the "Green Mena" and the collection "Services of the Feast of the Baptism of Rus'" added a significant volume of hymnographic texts to Russian saints to the corpus of liturgical books. The paper concludes that the regulation of liturgical practice from 1971 to 1990 was carried out within the framework of the publication of liturgical, calendar, liturgical and reference publications with a focus on the liturgical heritage of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918.

Keywords: worship service; publication of liturgical books; liturgical practice; streamlining of worship; Patriarch Pimen; reduction of worship service; Publishing House of the Moscow Patriarchate.

References

1. Reva K. A., Priest Reglamentatsiya bogosluzhebnoi praktiki v dokumentakh svyashchennonachaliya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi 1947–1963 godov [Regulation of liturgical practice in the documents of the hierarchy of the Russian Orthodox Church in 1947–1963]. *Trudy Voronezhskoi dukhovnoi seminarii* [Proceedings of Voronezh Theological Seminary]. 2019, no. 11, pp. 97–107. (In Russian).

2. Reva K. A., Priest Reglamentatsiya bogosluzhebnoi praktiki v dokumentakh svyashchennonachaliya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1963 – 1968 godakh [Regulation of liturgical practice in the documents of the hierarchy of the Russian Orthodox Church in 1963–1968]. *Trudy Voronezhskoi dukhovnoi seminarii* [Proceedings of Voronezh Theological Seminary]. 2020, no. 12, pp. 23–37. (In Russian).

3. Andronik (Trubachev), Abbot Bogosluzhebnaya sinodal'naya komissiya [Liturgical Synodal Commission]. *Pravoslavuaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2002, vol. 5, pp. 535–536. (In Russian).

4. Kravetsky A. G. *Istoriya tserkovno-slavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX–XX v.)* [History of the Church Slavonic language in Russia (late 19th – 20th centuries)]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 2001, 400 p. (In Russian).

5. Polishchuk E. S. Izdatel'skii otdel, Izdatel'skii sovet, Izdatel'stvo Moskovskogo Patriarkhata [Publishing Department, Publishing Council, Publishing House of the Moscow Patriarchate]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2009, vol. 21, pp. 559–562. (In Russian).

6. Skobey G. N. Vsepravoslavnyi Sobor [Pan-Orthodox Council]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2005, vol. 9, pp. 683–685. (In Rusian).

7. Karmanov E. N. [Retsenziya] [[Review]]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. 1976, no. 9, p. 78. Review on the book Orthodox Liturgical Collection. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1976, 352 p. (In Russian).

8. Reva K. A. Pridvornyi liturgichrskii ustav i tserkovnopravovoe regulirovanie bogosluzhebnoi praktiki (Sinodal'nyi period) [Court liturgical charter and church legal regulation of liturgical practice (Synodal period)]. DOI

10.31802/CH.2020.4.2.004. *Tserkovnyi istorik* [Church Historian]. 2020, no. 2 (4), pp. 77–89. (In Russian).

9. Reva K. A. Reglamentatsiya bogosluzhebnoi praktiki v nasledii Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya I (Simanskogo) [Regulation of liturgical practice in the heritage of Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy I (Simansky)]. *Dukhovnyi arsenal* [Spiritual Arsenal]. 2023, no. 1 (9), pp. 72–81. (In Russian).

10. Krivko R. N. Mineya [Mineya]. *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2017, vol. 45, pp. 273–279. (In Russian).

11. Kravetsky A. G. Bogosluzhebnyi uklad Russkoi Tserkvi i Svyashchennoe Pisanie v trudakh Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg. [The liturgical structure of the Russian Church and the Holy Scriptures in the works of the Local Council of 1917–1918]. *Dokumenty Svyashchenogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917-1918 godov* [Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918]. Moscow, Novospassky Monastery Publ., 2022, vol. 15, book 1, pp. 5–88. (In Russian).

12. Zabelich S. A., Archpriest Sinodal'naya Bogosluzhebnaya komissiya [Synodal Liturgical Commission]. DOI 10.31802/PRAXIS.2020.4.2.018. *Praksis* [Praxis]. 2020, no. 2 (4), pp. 269–274. (In Russian).

Received 13 June 2023.
Reviewed 05 October 2023.
Accepted for press 25 October 2023.

УДК 93/94

https://elibrary.ru/jkgfzy

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХИАЛЬНЫХ СЪЕЗДОВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1909–1918 ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

Священник Александр Сергеевич Митянин
старший преподаватель
кафедры библеистики, богословия
и церковной истории
Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E-mail: uter25@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-1191-689X

Для цитирования: Митянин А. С., свящ. Деятельность епархиальных съездов православного духовенства в 1909–1918 годах (по материалам Тамбовской епархии). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_95. EDN: JKGFZY // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 95–111.

Аннотация

В данной статье на основе материалов Тамбовской епархии продемонстрирована работа епархиальных съездов православного духовенства в 1909–1918 гг. Изучив историографию вопроса, автор отмечает необходимость дополнения и обобщения имеющихся региональных и общецерковных сведений о деятельности епархиальных съездов. В связи с этим приобретают актуальность аналогичные материалы Тамбовской епархии. С помощью системно-аналитического подхода и принципа историзма в работе прослежены изменения, произошедшие в формировании состава епархиальных съездов православного духовенства в указанный период. В статье проанализированы журналы и протоколы работы съездов православного духовенства, опубликованные в «Тамбовских епархиальных ведомостях». Несмотря на то что указанные документы находятся в открытом доступе, многие из материалов впервые вводятся в научный оборот. Автор обнаруживает изменения регламента, повестки заседаний и харак-

тера деятельности депутатов съездов. На примере Тамбовской епархии, возглавляемой в обозреваемый период священномучеником Кириллом (Смирновым), рассматривается влияние архиерея и духовной консистории на процесс обсуждений, происходивших во время заседаний.

В заключение сделан вывод, что включение в состав иносословных депутатов, даже при ограниченном преобразовании структуры и формата деятельности съездов, создало предпосылки для более широкой дискуссии на заседаниях и в конечном итоге способствовало решению социальных и хозяйственных проблем епархии.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; съезды православного духовенства; священномученик Кирилл (Смирнов); духовная консистория; церковное управление.

Введение

Епархиальные съезды православного духовенства сравнительно недавно стали предметом научных исследований. Цель данной статьи – на материалах Тамбовской епархии рассмотреть изменения, произошедшие в формировании состава епархиальных съездов православного духовенства в период 1909–1918 гг. Основные задачи данного исследования: 1) проанализировать протоколы и иные документальные материалы епархиальных съездов духовенства, опубликованные в «Тамбовских епархиальных ведомостях», и таким образом 2) показать специфику Тамбовских епархиальных съездов как явления церковной жизни рубежа XIX–XX веков; 3) сопоставить региональные материалы с обзорными научными работами и критически осмыслить полученные результаты.

В рамках исследования затрагивается период, важный для изучения наследия священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского, возглавлявшего Тамбовскую кафедру с 1909 по 1918 год [1]. Для достижения поставленной цели и решения задач используются принцип историзма, системно-аналитический и историко-типологический подходы.

До 1917 года тема епархиальных съездов православного духовенства освещалась слабо, и лишь отдельные упоминания присутствуют в исторических трудах А. П. Доброклонского [2], А. В. Карташева [3], Н. Тальберга [4]. Особенностью данных исследований является то, что авторы, будучи современниками событий, лишены

были возможности объективно дать оценку их работе. Среди дореволюционных исследований особое значение имеет работа священника Василия Богоявленского[1], где автором подробно разбирались история, деятельность и структура епархиальных съездов [5].

Среди современных исследователей работу епархиальных съездов православного духовенства комплексно рассматривала И. Е. Смирнова на примере Тверской епархии с привлечением различных источников из Рязанской, Орловской и Ярославской епархий. Она назвала епархиальные съезды православного духовенства уникальным явлением в церковной жизни, при этом подчеркнув, что потенциал епархиальных съездов не получил дальнейшего развития в рамках решений Поместного собора 1917–1918 гг. [6].

Тема съездов православного духовенства косвенно затрагивалась исследователями при изучении церковного управления на основе документальных источников других епархий Русской Православной Церкви. Например, священник Максим Кокарев изучил работу епархиальных съездов по материалам Самарской епархии. В своем исследовании он показал основные проблемы функционирования системы епархиального управления, работу, проводимую высшей церковной властью для их решения, а также проанализировал взаимодействие различных епархиальных структур между собой [7]. М. В. Каиль в своей работе представил историографию изучения деятельности Смоленского епархиального съезда духовенства и мирян в широком историческом контексте [8]. Священник Петр Резухин на материалах Тульской епархии показал, что «именно с начала XX века съезды стали играть роль важного инструмента церковной жизни, явились наиболее актуальной формой общественно-церковной активности приходского духовенства в предреволюционный период» [9, с. 132].

Священник Александр Быканов рассматривал работу епархиальных съездов духовенства во взаимодействии с духовными учебными заведениями [10]. В статье О. Д. Поповой анализируются материалы Орловской, Тверской, Ярославской, Тобольской и Рязанской епархий, прослеживается динамика развития взглядов духовенства на проблему образования [11]. Примечательна работа М. Н. Никитиной и О. П. Цысь, которые исследовали стенограммы заседаний съездов Тобольской епархии [12].

[1] Будущего священномученика, архиепископа Василия (Богоявленского).

В Тамбовском регионе епархиальные съезды косвенно рассматривались священником Георгием Тарасовым. Предметом его исследования явилась система епархиального управления в Воронежской и Тамбовской епархиях и её развитие [13].

Таким образом, в историографии вопроса отмечена определенная фрагментарность и поэтому существует необходимость дополнить имеющиеся исследования новыми региональными и общецерковными сведениями.

Основная часть

Епархиальные съезды православного духовенства стали носить повсеместный характер в церковной жизни Российской империи со второй половины 60-х годов XIX века. В Тамбовской епархии первый съезд был проведен в 1872 году по санитарно-эпидемиологическим причинам. Получившие начало в эпоху великих реформ съезды изначально носили либерально-демократическую интенцию. По своей сути съезды представляли собой выборный орган церковного и сословного самоуправления, сосредоточенный, прежде всего, на решении хозяйственно-административных вопросов. К компетенции съездов относился широкий спектр вопросов: выбор от духовенства членов семинарского правления, устройство семинарских общежитий, устройство епархиального женского училища, вопросы развития церковной торговли и устройства епархиального свечного завода, коррекция взносов на епархиальные заведения, пенсии и целый ряд ситуативных вопросов [14, с. 172–173].

Съезды начинали свою работу молитвой Святому Духу. После этого проходили выборы председателя и секретаря съезда из числа наиболее уважаемых священнослужителей методом «закрытой баллотировки». Эти должности представлялись депутатам съезда обременительными, что приводило к их отказу от участия в выборах. В исследуемых материалах не встречается фактов спора из-за занятия должностей. Наоборот, избранные секретари и председатели нередко отказывались от предлагаемых постов. Эти факты свидетельствуют о слабой заинтересованности духовенства в работе съездов [14, с. 173–174].

Епархиальные съезды православного духовенства проводились в конце января – в период, когда ситуация на дорогах в Тамбовской гу-

бернии в силу климатических условий была благоприятной и не было праздников. Периодически проводились «дополнительные съезды» в августе-сентябре. По своему статусу и структуре они не отличались от съездов в январе [14, с. 172–177].

Заседания съезда проходили в течение 4–6 дней утром и вечером в семинарском храме. Количество депутатов епархиального съезда на каждом заседании было различно, но оно всегда превышало необходимые по Синодальному регламенту 1867 года две трети от избранных и варьировалось от 80 до 100 депутатов. Обычно на последнем заседании депутатов присутствовало больше. Начиная с первого съезда и до внесения изменений в регламент в 1911 году, депутатами съезда были исключительно священники. В документах упоминается, что «из года в год на епархиальном съезде присутствуют те же самые люди»[2], что оценивалось как позитивное явление, свидетельствующее о стабильном представительстве «наиболее достойных людей»[3].

Для борьбы с опозданием и неявкой депутатов уже на январском съезде 1879 года были введены штрафные сборы в пользу семинарской библиотеки[4]. Начиная с середины 1890-х годов, с целью добиться максимальной явки депутатов, на первом заседании съезда утвердилась практика публикации списков присутствующих священнослужителей.

Документы различных лет свидетельствуют, что правящий архиерей периодически лично присутствовал на съездах, комментировал их работу, выносил рекомендации и предложения. Постановления епархиального съезда всегда закреплялись резолюцией правящего архиерея и им контролировались. Владыка мог отменить хозяйственные решения съезда и направить их на повторное рассмотрение, но чаще ограничивался корректировкой решения или формулировками «смотрено» или «утверждаю»[5].

На заседаниях съездов в 1908 и 1911 годах депутатами поднимался вопрос о централизованной оплате их труда из доходов свечного завода в общем размере 5000 рублей. В процессе обсуждения

[2] Журналы общеепархиального съезда о.о. депутатов Тамбовской епархии с 24 по 29 января 1874 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1874. № 4. С. 79.

[3] Там же.

[4] Журналы Тамбовского епархиального съезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1879. № 6. С. 152.

[5] Протоколы Епархиального Съезда о.о. депутатов духовенства Тамбовской епархии за январскую сессию 1909 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1909. № 9. С. 36.

и голосования система централизованной оплаты была признана несправедливой и обременительной для епархии[6].

Погашая различные потребности материальной сферы духовного сословия доходами свечного завода, депутаты съезда не стремились выплачивать сколько-нибудь ощутимых сумм на миссионерскую деятельность в епархии. Даже утвержденная единовременная материальная помощь миссионерско-псаломщицкой школе в размере 3000 рублей была выплачена лишь на треть, вопреки решениям съездов 1905 и 1906 годов. Нежелание депутатов субсидировать миссионерско-псаломщицкую школу и взять на содержание четырех епархиальных миссионеров для работы в старообрядческих районах епархии вызвали эмоциональную реакцию епископа Иннокентия (Беляева), зафиксированную в резолюции съезда: «Если бы выстроено было в епархии два свечных завода, и тогда духовенство употребляло бы прибыли их только для себя, только для семейства и детей своих, но не на цели и задачи пастырства. Грустно это»[7]. При анализе журналов съезда видна активность депутатов в вопросах хозяйственного обеспечения духовного сословия и пассивность в финансовом решении проблем, связанных с миссионерской и просветительской работой.

В период с 1872 по 1908 год регламент съездов сохранялся. Изменения при формировании состава съездов появились в период управления Тамбовской епархией епископом Кириллом (Смирновым). Именно при нем в 1909 году на съезд стали выбирать депутатов от церковных старост. Первый же совместный съезд депутатов от духовенства и церковных старост Тамбовской епархии прошел 20 января 1911 года при личном участии владыки Кирилла. Он дал общую характеристику рабочей повестке бывших съездов. Согласно классификации архипастыря, вопросы, рассматриваемые съездом, условно разделялись на «чисто принципиального характера»; «административные»; «административно-благотворительные»; «хозяйственные». Они были крайне неоднородны, иные, по определению владыки, требовали лишь принятия их к сведению, а другие – к сведению и исполнению. Примерно месяц занимала у духовной консистории подготовка документов к съезду [15, с. 132–143].

[6] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1911 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 320–323.

[7] Протоколы Епархиального Съезда о.о. депутатов духовенства Тамбовской епархии за январскую сессию 1909 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1909. № 9. С. 47–49.

Появление в составе съезда церковных старост рассматривалось епископом Кириллом как естественное вовлечение в работу съезда людей, исторически «соработующих причту» в деле устройства материально-хозяйственного благополучия Русской Православной Церкви. Владыка с сожалением отмечал, что даже после расширения социального представительства на съезде не оказалось делегируемых участников от монастырей Тамбовской епархии, в то время как многие хозяйственно-финансовые проблемы в епархии решались именно монастырями, нередко выступавшими как чрезвычайный источник финансовой помощи для решения социальных проблем и вопросов обеспечения образовательных проектов. Обращаясь к делегатам съезда, Преосвященный отмечал, что не намерен сверх уже имеющихся сборов облагать монастыри дополнительными налогами, считая их весьма обременительными. А саму практику решения «неудобных вопросов» за счет монастырских денег архипастырь считал безответственной. Тем не менее вопрос о представительстве монастырей на съезде не рассматривался и впоследствии так и не был решен [15, с. 136–137].

Число участников собора с появлением на нем депутатов от церковных старост практически не увеличилось и в начале работы съезда составило 89 человек, что являлось кворумом и позволяло начать работу. Согласно изменению в регламенте, был избран не только председатель съезда, но и товарищ председателя съезда, так как по новому регламенту в обязанности председателя было включено осуществление ежедневного доклада правящему архиерею о решениях съезда и о ходе протекающих дискуссий. В случае продолжительной задержки председателя, по новому регламенту, заседание можно было начинать при товарище председателя. Если в период с 1872 по 1908 год деятельность председателя оставалась неизменной, то увеличение документооборота и многочисленной финансовой отчетности заставило постепенно увеличить количество секретарей съезда с трех в 1872 году до девяти в 1908 году. На январском съезде 1911 года вместо увеличившегося количества секретарей было решено избирать по одному делопроизводителю на каждое отдельное заседание съезда[8].

[8] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1911 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 6. С. 127–132.

Во исполнение решения Святейшего Синода с 1911 года в Тамбовской епархии был создан Ревизионный комитет, заменяющий собой ряд временных ревизионных комиссий. Для содержания Ревизионного комитета предполагалось изыскивать ежегодно 1000 рублей из доходов епархиального свечного завода. Обсуждение данного нововведения не планировалось [15, с. 133].

В своей речи перед делегатами съезда владыка Кирилл также обратил внимание на отсутствие у съезда собственного деятельного механизма контроля исполнения решений. Съезд не мог даже взыскать растущее количество недоимок по взносам в страховые кассы и поэтому обращался за санкциями к правящему архиерею или в духовную консисторию. Кроме того, съезд был ограничен в вопросах получения информации о процессах, происходивших в епархии, и не имел своего механизма расследования. Только через «пастырское увещание» на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» съезд мог ответить тем, кто оспаривал необходимость уплаты взносов на содержание духовных учебных заведений [15, с. 141–143]. К моменту последнего съезда православного духовенства и церковных старост в январе 1917 года целый ряд финансовых вопросов остался нерешенным. За период с 1911 по 1917 год недоимки по целому ряду общецерковных сборов на нужды образования и социальной благотворительности не только не были ликвидированы, но и существенно увеличились, что происходило на фоне резко выросшей инфляции. Новый механизм по контролю исполнения решений съезда не появился[9].

Включение в состав съезда церковных старост нарушило сословное единство депутатов и вынесло в поле публичной дискуссии вопросы, ранее не обсуждавшиеся в данном формате. Явная для духовенства необходимость тратить прибыль от свечного завода на нужды духовного образования и социальную поддержку духовенства не была очевидной для церковных старост. Из стенограммы съезда можно сделать вывод о наличии конфликта между церковными старостами и духовенством по хозяйственным вопросам. Депутаты от духовенства, продолжая линию предыдущих епархиальных съездов, стояли на позициях безвозмездного беспроцентно-

[9] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1917 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 152–153.

го кредитования епархиального свечного завода, искоренения свободной частной торговли восковыми свечами через фактический демпинг свечей в лавках завода, обязательной покупки приходами свечей именно у тамбовского свечного завода и покрытия его прибылью нужд не только образования, но и духовного сословия. Церковные старосты, напротив, выступали за свободную покупку свечей, требовали с завода кредитные проценты, хотели закрыть заводские лавки, а возможно, и сам завод, производящий «весьма дорогие свечи», и предлагали возложить на завод всю полноту ответственности за содержание духовных учебных заведений при освобождении от нее причтов. В ходе аргументированной дискуссии все предложения церковных старост были съездом отвергнуты. Но сам факт возникновения острой хозяйственной полемики свидетельствует об особенностях работы съезда после введения в его состав церковных старост[10].

На январском съезде 1917 года была еще более оживленная дискуссия по вопросу кредитования свечного завода из средств эмеритальной (пенсионной) кассы духовенства. Правление кассы выступило с предложением объединить несколько займов, сделанных свечным заводом у кассы в различные периоды под 5,6 и 8% , в один общий займ под 8% годовых, чтобы «в ближайшие 10 лет не потерять прибыли до 30 тысяч»[11]. Поскольку пенсионная касса своими доходами обеспечивала «пенсионеров и инвалидов»[12], а свечной завод направлял свои доходы на содержание духовной семинарии, то в зависимости от своих личных убеждений депутаты выносили различные суждения, зафиксированные в стенограмме съезда. Примечательно, что в данном вопросе церковные старосты выступали сторонниками льготного кредитования свечного завода. Депутатами также высказывались пожелания видеть свечной завод не в качестве заемщика, а как спонсора эмеритальной кассы. В результате общего голосования предложение правления кассы было принято, но вызвало протест церковных старост, демонстративно

[10] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1911 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 8. С. 176–180.

[11] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1917 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 153–157.

[12] Там же.

отказавшихся вставать и требовавших зафиксировать в протоколе их общее несогласие. Точку в дискуссии поставил правящий архиерей, отменив решение съезда как «несоответствующее духу закона»[13]. Владыка постановил определить итоговый процент объединенного займа с учетом изначально назначенных процентов, что при объединении составило 7,03% годовых[14].

На январском съезде 1912 года в регламент был внесен новый элемент. Избранные председатели стали выступать перед депутатами съездов с увещевательной речью и акцентировать внимание депутатов на вопросах, которые они лично считали наиболее актуальными. Например, священник Николай Багрянский просил депутатов съезда 1912 года обратить особое внимание на дела свечного завода и составление списков беднейших приходов[15]. А на съезде 1913 года священник Василий Разумов «со смущением и удивлением» благодарил «за оказанную честь» и предложил образовать две депутатские комиссии по вопросам разграничения учебных округов[16]. Дискуссия на съездах стала более предметной. Творческие предложения вносились как старостами-депутатами, так и священниками-депутатами. Председатели иногда увлекались процессом и выходили за рамки своих полномочий, избирая сразу депутатов комиссий, а не просто кандидатов в члены комиссии, как полагалось по регламенту, что вынужден был корректировать архиерей[17].

На страницах епархиальных ведомостей появилась рубрика «Особое мнение», что было новым явлением для регламента съезда. В частности, на январском съезде 1913 года священники Андрей Агатов и Сергей Лавров высказали свою позицию по вопросу

[13] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1917 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 153–157.

[14] Там же.

[15] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1912 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 264–267.

[16] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1913 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 11. С. 160–163.

[17] Протоколы Тамбовского Общеепархиального Съезда депутатов от духовенства и церковных старост январской сессии 1913 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 230–235.

принятого накануне решения относительно отдельных границ учебных округов. На это последовала резолюция епископа Кирилла. Владыка предлагал рассмотреть вопрос на благочинническом окружном собрании и передать решение съезду для ознакомления. Столь оживленный диалог можно было наблюдать на волне либеральных реформ 70-х годов, но реакция на предлагаемые «особые мнения» ограничивалась лишь формулировкой «принято к сведению» и общим пересказом предложенных поправок[18]. Изредка «особое мнение» по вопросу свечной торговли могло быть представлено в формате статьи в «Тамбовских епархиальных ведомостях», но за рамками работы съездов.

Заключение

Таким образом, в структуре и деятельности епархиальных съездов православного духовенства в 1909–1918 годы отмечаются значимые положительные преобразования.

1. Епархиальные съезды обрели многосословный характер через включение в число депутатов церковных старост. Если ранее съезды православного духовенства отражали в основном интересы, нужды и стремления духовенства, то включение в состав съездов иносословных депутатов позволило расширить круг обсуждавшихся вопросов.

2. Показательно, что предметная дискуссия не ограничивалась только заседаниями съезда, а находила свое продолжение на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей».

3. Организационная структура епархиальных съездов, сформированная в предыдущий период, усовершенствовалась: расширилась роль председателя съезда; были введены должности товарища председателя съезда и отдельного для каждого заседания делопроизводителя; заметно повысилось качество протокольных актов съездов.

Проводимые при активном участии епископа Кирилла (Смирнова) съезды в расширенном сословном составе обсуждали возрастающие социальные и хозяйственные проблемы, вели полемику и поиск способов решения епархиальных задач. Тамбовские епархиальные

[18] Журнал съезда о.о. депутатов Тамбовской епархии в 1873 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1873. № 6. С. 154–157.

съезды представляли собой пример плодотворного сотрудничества с правящим архиереем и духовной консисторией, имеющей богатый потенциал для постепенного преобразования и развития.

Список литературы

1. *Феодосий (Васнев С. И.), митр.* Проблемно-тематический обзор гомилетических трудов священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского, тамбовского периода (1909–1918). DOI: 10/51216/2687–072X_2022_4_107 / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 4 (21). – С. 107–122.

2. *Доброклонский, А. П.* Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – Москва : Крутицкое Патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. – X, 935, [1] с. – (Материалы по истории церкви ; кн. 25). – ISBN 5-7873-0004-3.

3. *Карташев, А. В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви А. В. Карташев. – Петроград : Корабль, 1916. – 65 с.

4. Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии / редкол.: протоиерей В. Чаплин [и др.] ; предисл. И. Соловьева. – Москва : Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 318 с. – (Материалы по истории Церкви ; кн. 5).

5. *Богоявленский В., свящ.* Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение / священник Василий Богоявленский. – Омск, 1902. – [2], IV, 158 с. – Бесплатное приложение к «Омским епархиальным ведомостям».

6. *Смирнова, И. Е.* Епархиальные съезды как институт демократизации церковной жизни на рубеже XIX–XX веков / И. Е. Смирнова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2012. – № 1. – С. 111–119.

7. *Кокарев, М. С.* Система епархиального управления Русской Церкви конца XIX – начала XX вв. : на материалах Самарской епархии : специальность 26.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата теологии / Кокарев Максим Сергеевич. – Москва, 2021. – 40 с. – Место защиты: РО-ДОО ВО РПЦ «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия».

8. *Каиль, М. В.* Церковная революция 1917 года в эволюции российского Православия: история и историография / М. В. Каиль // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2019. – № 4. – С. 138–150.

9. *Резухин П. С., свящ.* Епархиальные съезды в начале XX века как форма церковно-общественной активности приходского духовенства Тульской епархии / священник П. С. Резухин. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_132 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 2 (23). – С. 132–152.

10. *Быканов А. С., свящ.* Основные направления разработки программы по Священной истории Ветхого Завета в рамках предмета «Закон Божий» : (по материалам Всероссийского съезда законоучителей средне-учебных заведений в Санкт-Петербурге в 1909 году) / священник А. С. Быканов. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_145 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 145–163.

11. *Попова, О. Д.* Журналы епархиальных съездов духовенства как источник по истории духовно-учебных заведений / О. Д. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2012. – № 1. – С. 44–54.

12. *Никитина, М. Н.* Роль Тобольских епархиальных съездов в решении вопросов содержания и функционирования Тобольской духовной семинарии в конце XIX – начале XX в. / М. Н. Никитина, О. П. Цысь // Ломоносов 2018 : Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «История Церкви» : сайт. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/13312/75904_uid250276_report.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

13. *Тарасов Ю. С., свящ.* Система епархиального управления Воронежской и Тамбовской епархий в 1917–1937 гг. / священник Ю. С. Тарасов // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 4. – С. 207–229.

14. *Митянин А. С., диак.* Актуальные задачи исследования деятельности епархиальных съездов православного духовенства Тамбовской епархии в 1860–1910-е года / диакон А. С. Митянин // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : материалы VII Всероссийской научной конференции. – Тамбов : ООО «ТПС», 2017. – С. 172–178.

15. *Кирилл (Смирнов), еп.* Речь, сказанная 20 января 1911 года депутатам от духовенства и церковных, при открытии Епархиального съезда / епископ Кирилл (Смирнов) // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1911. – № 4. – С. 131–143.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.
Статья поступила после рецензирования 01.09.2023.
Статья принята к публикации 25.09.2023.

UDC 93/94

ACTIVITIES OF DIOCESAN CONGRESSES OF THE ORTHODOX CLERGY IN 1909–1918 (BASED ON MATERIALS OF TAMBOV DIOCESE)

Alexander Mityanin, Priest
Senior Lecturer
Department of Biblical Studies, Theology and Church History
Tambov Theological Seminary
3, M. Gorky Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: uter25@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-1191-689X

For citation: Mityanin A. S., priest Activities of diocesan congresses of the Orthodox clergy in 1909–1918 (based on materials of Tambov Diocese) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_95. EDN: JKGFZY // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 95–111 pp. (In Russian)

Abstract

This article, based on materials of Tambov diocese, demonstrates the work of diocesan congresses of the Orthodox clergy in 1909–1918. Having studied the historiography of the issue, the author notes the need to supplement and generalize the existing regional and church-wide information about the activities of diocesan congresses. In this regard, similar materials from Tambov diocese become relevant. Using a systematic analytical approach and the principle of historicism, the work traces the changes that occurred in the formation of the composition of diocesan congresses of the Orthodox clergy during this period. The article analyzes the journals and minutes of the work of congresses of the Orthodox clergy, published in the Tambov Diocesan Gazette. Despite the fact that these documents are in the public domain, many of the materials are being introduced into scientific circulation for the first time. The author discovers changes in the regulations, agenda of meetings and the nature of the activities of congress deputies. Using the example of the Tambov diocese, headed during the period under review by

Hieromartyr Kirill (Smirnov), the influence of the bishop and the spiritual consistory on the process of discussions that took place during the meetings is examined.

The author comes to the conclusion that the inclusion of heterodox deputies, even with a limited transformation of the structure and format of the congresses, created the preconditions for a broader discussion at the meetings and ultimately contributed to the solution of social and economic problems of the diocese.

Keywords: Tambov diocese; congresses of the Orthodox clergy; Hieromartyr Kirill (Smirnov); spiritual consistory; church administration.

References

1. Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan Problemno-tematicheskii obzor gomileticheskikh trudov svyashchennomuchenika Kirilla (Smirnova), mitropolita Kazanskogo, tambovskogo perioda (1908 – 1918) [A problematic and thematic review of the homiletical works of Hieromartyr Kirill (Smirnov), Metropolitan of Kazan, Tambov period (1909–1918)]. DOI: 10/51216/2687–072X_2022_4_107 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 4 (21), pp. 107–122. (In Russian).

2. Dobroklonsky A. P. *Rukovodstvo po istorii Russkoi Tserkvi* [Guide to the history of the Russian Church]. Moscow, Krutitsky Patriarchal Metochion, Society of Church History Lovers Publ., 1999, X, 935, [1] p. (In Russian).

3. Kartashev A. V. *Reforma, reformatsiya i ispolnenie Tserkvi* [Reform, reformation and fulfillment of the Church]. Petrograd, Ship Publ., 1916, 65 p. (In Russian).

4. *Iz istirii khristianskoi tserkvi na rodine i za rubezhom v XX stoletii* [From the history of the Christian Church in Russia and abroad in the 20th century]. Moscow, Krutitsky Patriarchal Metochion Publ., 1995, 318 p. (In Russian).

5. Bogoyavlensky V., Priest *Eparkhial'nye s''ezdy dukhovenstva, ikh deyatel'nost' i znachenie* [Diocesan congresses of the clergy, their activities and significance]. Omsk, 1902, [2], IV, 158 p. Free supplement to the Omsk Diocesan Gazette. (In Russian).

6. Smirnova I. E. Eparkhial'nye s''ezdy kak institut demokratizatsii tserkovnoi zhizni na rubezhe XIX-XX vekov [Diocesan congresses as an institution for the democratization of church life at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2012, no. 1, pp. 111–119. (In Russian).

7. Kokarev M. S. *Sistema eparkhial'nogo upravleniya Russkoi Tserkvi kontsa XIX – nachala XX vv.: na materialakh Samarskoi eparkhii. Avtoref. dis. kand. teol. nauk* [The system of diocesan administration of the Russian Church at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: on materials of the Samara diocese. Cand. theol. sci. abstr. dis.]. Moscow, 2021, 40 p. (In Russian).

8. Kail M. V. Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda v evolyutsii Rossiiskogo Pravoslaviya: istoriya i istoriografiya [The Church Revolution of 1917 in the evolution of Russian Orthodoxy: history and historiography]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2019, no. 4, pp. 138–150. (In Russian).

9. Rezukhin P. S., Priest Eparkhial'nye s''ezdy v nachale XX veka kak forma tserkovno-obshchestvennoi aktivnosti prikhodskogo dukhovenstva Tul'skoi eparkhii [Diocesan congresses at the beginning of the 20th century as a form of church and social activity of the parish clergy of Tula diocese]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_132 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 132–152. (In Russian).

10. Bykanov A. S., Priest Osnovnye napravleniya razrabotki programmy po Svyashchennoi istorii Vetkhogo Zaveta v ramkakh predmeta "Zakon Bozhii" (po materialam Vserossiiskogo s''ezda zakonouchitelei sredne-uchebnykh zavedenii v Sankt-Peterburge v 1909 godu) [The main directions of developing a program on the Sacred History of the Old Testament within the subject "The Law of God" (based on the materials of the All-Russian Congress of Law Teachers of Secondary Educational Institutions in St. Petersburg in 1909)]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_145 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 145–163. (In Russian).

11. Popova O. D. Zhurnaly eparkhial'nykh s''ezdov dukhovenstva kak istochnik po istorii dukhovno-uchebnykh zavedenii [Journals of diocesan congresses of the clergy as a source on history of religious educational institutions]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2012, no. 1, pp. 44–54. (In Russian).

12. Nikitina M. N. Rol' Tobol'skikh eparkhial'nykh s''ezdov v reshenii voprosov soderzhaniya i funktsionirovaniya Tobol'skoi dukhovnoi seminarii v kontse XIX – nachale XX v. [The role of Tobolsk diocesan congresses in resolving issues of the maintenance and functioning of Tobolsk Theological Seminary at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov 2018". Sektsiya "Istorya Tserkvi"* [International Scientific Conference of Undergraduate and Graduate Students and Young

Scientists “Lomonosov 2018”. Section “Church History”]. (In Russian). Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/13312/75904_uid250276_report.pdf (accessed: 18.01.2023).

13. Tarasov Yu.S., Priest Sistema eparkhial’nogo upravleniya Voronezhskoi i Tambovskoi eparkhii v 1917-1937 gg. [The system of diocesan administration of Voronezh and Tambov dioceses in 1917–1937]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Studies]. 2017, no. 4, pp. 207–229. (In Russian).

14. Mityanin A. S., Deacon Aktual’nye zadachi issledovaniya deyatel’nosti eparkhial’nykh s’’ezdov pravoslavnogo dukhovenstva Tambovskoi eparkhii v 1860-1910-e goda [Current tasks of studying the activities of diocesan congresses of the Orthodox clergy of Tambov diocese in the 1860–1910s]. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem”* [Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference “Tambov in the Past, Present and Future”]. Tambov, OOO TPS Publ., 2017, pp. 172–178. (In Russian).

15. Kirill (Smirnov), Bishop Rech’, skazannaya 20 yanvarya 1911 goda deputatam ot dukhovenstva i tserkovnykh, pri otkrytii Eparkhial’nogo s’’ezda [Speech given on January 20, 1911 to deputies from the clergy and church, at the opening of the Diocesan Congress]. *Tambovskie eparkhial’nye vedomosti* [Tambov Diocesan Gazette]. 1911, no. 4, pp. 131–143. (In Russian).

Received 03 April 2023.
Reviewed 01 September 2023.
Accepted for press 25 September 2023.

ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 253

https://elibrary.ru/jqkrbe

АНТИСЕКТАНТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА (СМИРНОВА) В ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ 1910–1915 ГГ.)

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович)
доктор теологии, кандидат богословия,
ректор Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru
ORCID: 0000-0002-8850-0418

Для цитирования: Феодосий (Васнев С. И.), митр. Тамбовский и Рассказовский. Антисектантская деятельность священномученика Кирилла (Смирнова) в Тамбовской епархии (на материале проповедей 1910–1915 гг.). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_112. EDN: JQKRBE // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 112–128.

Аннотация

Статья посвящена актуальной теме антисектантской деятельности в Тамбовской епархии начала XX столетия, которая позволяет провести проекцию на современное состояние православной среды, находящейся под натиском различных сект и лжеучений.

Автор выявляет и описывает несколько характерных для Тамбовской губернии сектантских сообществ, среди которых наибольшим влиянием пользовались баптисты, молокане и хлысты. Посредством проблемно-тематического анализа проповедей священномученика Кирилла (Смирнова) периода его архипастырского служения на Тамбовской кафедре выявляются главные приемы раскрытия духовной опасности распространяемых сектами учений, их ложных оснований, а также показано мастерство святителя в обосновании истинности Православной веры, незыблемости ее догматов, сформулированных Вселенскими Соборами.

Миссионерско-просветительская, апологетическая и противосектантская деятельность священномученика Кирилла, как показывает его гомилетическое наследие, были тесно сопряжены, поскольку главной целью его проповедей являлось спасение человеческих душ и направление заблудших на истинный путь. Твердость в исповедании Православия и непримиримость с разного рода искажениями сочетались в архипастыре с милосердным отношением к заблудшим душам, благодаря чему он снискал заслуженное уважение не только в православной среде, но и у некоторых представителей различных сект.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; священномученик Кирилл (Смирнов); антисектантская деятельность; православное вероучение.

Введение

В начале XX века в Тамбовской губернии действовало несколько сектантских течений, которые с 1905 года, в связи с введенной в Российской империи свободой вероисповедания, значительно активизировали свою работу [1, с. 20]. В основном их адепты проживали в сельской местности. Благоприятной почвой для распространения сект в народе служили, прежде всего, безграмотность и невежество местных крестьян, которые нередко попадали под влияние тех, кто по своему произволению, без опоры на традицию толковал Священное Писание, догматические и духовно-нравственные истины христианства. Исследователь сектантства в Тамбовском губернии, выпускник Тамбовской духовной семинарии, известный краевед И. И. Дубасов в своих очерках по истории края, в частности, писал, что «широкое развитие сектантства в Тамбовской епархии свидетельствует о том, что тамбовское народонаселение всегда отличалось чуткостью к религиозным вопросам, хотя понимало их весьма узко и наивно» [2, с. 153]. До 1917 года понятие «секта» у православных, как правило, ассоциировалось с понятием «ересь». Так с древности называли все лжеучения, искажавшие святоотеческое учение и постановления Соборов о вере и нравственности. «Ереси, или секты, как их именовали в богословской литературе в XIX веке, возникшие в древности, не все исчезли и ушли в небытие. Многие из них продолжали существовать и еще долго оказывали влияние на формирование специфической религиозной среды» [3, с. 20].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения исторического опыта деятельности различных епархий в области противодействия сектам и лжеучениям в православной среде. Особый интерес представляет материал о социально-политической и религиозной ситуации в России, относящийся к периоду начала прошлого столетия.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей противосектантской деятельности в Тамбовской епархии в период управления епископа Кирилла (Смирнова), а также выявление основных апологетических идей проповедей святителя 1910–1915 годов, направленных на опровержение еретических учений.

Основными методами настоящего исследования являются дескриптивный и проблемно-тематический анализ.

Основная часть

Ко времени назначения священномученика Кирилла на Тамбовскую кафедру в губернии насчитывалось до 15 000 сектантов [4, с. 14–15]. Миссионерскую деятельность в епархии организовывало Тамбовское Серафимовское миссионерско-просветительское братство. Оно было основано епископом Палладием (Раевым) в 1875 году и к 1910 году имело тринадцать отделений и двух епархиальных миссионеров, которые на постоянной основе проводили просветительские мероприятия. Благодаря деятельности братства в Тамбовской епархии «в среднем ежегодно к Православию присоединялось 50–60 сектантов и раскольников» [5, с. 374].

Вполне вероятно, в миссионерской работе с сектантами епископу Кириллу помогал опыт служения в Урмийской миссии (Персия), которую он, будучи архимандритом, возглавлял с 1902 по 1904 год [6, с. 194], где занимался присоединением к Православной Церкви несториан-ассирийцев.

Посещая храмы в тех селах, в которых находились сектантские общины, епископ Кирилл обращался к прихожанам с проповедями, где касался различных аспектов еретических учений и указывал на их пагубность и нелепость. Обличая заблудших, архипастырь, прежде всего, обращал внимание на принципиальные различия сектантских учений и православной христианской веры. Он говорил, что русские люди не могут разделять чуждые взгляды

сектантов, поскольку они не только побуждают православных отступить от веры отцов и дедов, но и настраивают на измену своей Родине. Это должно настораживать верующих и побуждать их критически относиться к пропаганде адептов лжеучений. Святитель разъяснял народу, что приверженцы сект являются людьми, предавшими Православие. По мысли владыки, если человек является русским по происхождению, то обязан быть носителем православной религии. Когда русский человек изменяет Православию, говорил архипастырь, «он перестает быть и русским. По виду у сектантов все русское, одежда и наружность русских, но дух не русский... Берегитесь их заблуждений, иначе перестанете быть русскими»[1]. Агрессивная миссия как зарубежных протестантских проповедников, так и местных отступников от Православия приносила свои горькие плоды, и некоторые вчерашние последователи традиционной веры переходили в секты. Отвергнув Православие, обуреваемые бесовской гордыней, они заменили «истину собственными толкованиями и многое признают ненужным. Они начинают отрицать обряды, священство и самую Церковь»[2]. Характеризуя всевозможных еретиков XX века, святитель Кирилл уподоблял их надменным и лицемерным книжникам и фарисеям – современникам Христа. Новые фарисеи, как и их библейские предшественники, толкуя Священное Писание по-своему, думали, что «поняли писание настолько правильно, что другого понимания и быть не может»[3]. Оберегая православную паству от сектантских заблуждений, владыка вместе с тем призывал верующих относиться «к раскольникам с любовью»[4] и примером своей благочестивой жизни содействовать их возвращению в лоно Церкви.

Тамбовский архипастырь был убежден, что православный христианин обязан не только на словах исповедовать непреложные ос-

[1] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1910 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 13/14. С. 125.

[2] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 21. С. 662.

[3] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 10. С. 279.

[4] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1910 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 13/14. С. 125.

новы своей веры и быть готовым дать вопрошающим ответ о своем уповании (ср. 1 Пет. 3, 15), но призван делами засвидетельствовать истинность своих религиозных убеждений. Если же необходимых церковно-исторических и богословских знаний недостает и понять определенные тексты Священного Писания и некоторые догматы Православия весьма трудно, то необходимо воспользоваться соборным разумом Церкви, бесценным наследием древних святых отцов, а также духовным опытом более поздних подвижников, пастырей и богословов. В любом случае не следует верить тем, кто искажает нормы Православной веры своим лукавым мудрованием, кто рядится в невинных овец, а на самом деле является хищным волком, соблазняющим и расхищающим словесных овец стада Христова – чад Православной Церкви. Святитель говорил, что диавол всегда воюет против спасения человека и направляет «для борьбы против Истины своих слуг, которые обязаны будут стараться подменить истину апостольского учения ложью. Они не остановятся перед дерзостью выдавать себя за посланников Божиих, будут говорить о Христе и о Царстве Божием. Но не о том Христе, Который приходил для спасения нашего, а о своем выдуманном»[5].

Среди всех сектантов, действовавших на Тамбовской земле, к наиболее многочисленным группам относились баптисты, молокане и хлысты. Довольно большой (до 1700 человек) была также секта жидовствующих, или субботников, основывавшая свое учение на Ветхом Завете. Кроме того, в губернии имелось и незначительное число скопцов и толстовцев. Молокане и хлысты существовали в епархии с XVIII века, а баптисты появилась в 80-х годах XIX столетия и действовали весьма активно. Проживали баптисты в 30 населенных пунктах губернии. Общее число их в начале века достигало 1800 человек [7, с. 12]. Наиболее напористо они вели себя в Борисоглебском уезде. М. Третьяков, служивший при святителе Кирилле епархиальным миссионером, в своей брошюре «Сектантство Тамбовской губернии» писал, что баптисты верят в достижение спасения человека исключительно через личную веру во Христа и Его страдания. Крещение и вечеря Господня, по их представлению, являются не таинствами, а простыми обрядами, причем принимать крещение,

[5] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 10. С. 293–294.

согласно их учению, должно быть позволено только взрослым людям. У баптистов «есть свое богослужение, соединенное со свободным вдохновением и импровизированными молитвами» [7, с. 13].

Проповедуя на приходе, где имелась община баптистов, епископ Кирилл обратил внимание прихожан на утверждение сектантов о том, что для достижения святости и спасения якобы достаточно только уверовать во Христа. Зная, что баптисты ведут работу среди жителей села, владыка учил: «Вам... сектанты говорят: “Мы уверовали и уже святы”. Сравните эти слова со словами Христа... Христос зовет к самопожертвованию, они – к легкой жизни. Христос... говорил: “Многие придут под именем Моим и будут говорить: “я Христос”, и многих прельстят... Кто скажет вам: “вот здесь Христос”, или “там”, – не верьте” (Мф. 24, 5–23). И мы, посланники Божии, говорим вам, не верьте... самозваным учителям»[6].

Владыка призывал верующих не поддаваться пропаганде еретиков, а следовать православным христианским традициям, заложенным на Руси равноапостольным князем Владимиром. Святитель говорил, что при этом мудром крестителе и просветителе своего народа русские христиане молились, постились и почитали пастырей точно так, как делают это и в настоящее время. Преосвященный Кирилл объяснял, что каноны и традиции, соблюдаемые православным народом, появились еще во времена святых апостолов и святых отцов первых веков христианства и не могут быть подвергнуты никакой ревизии. «Кто поднимает руку на уклад Церкви, – предостерегал владыка, – те в мудрости своей объюродеша и нам за ними идти нельзя... нам нужно бегать разных нашептывателей»[7]. На критику сектантов относительно содержания православного духовенства на пожертвования прихожан архипастырь отвечал: «Неужели те, кто проповедует баптизм, питаются только воздухом? Нет, и они хлеб едят, и покупают его на деньги, получаемые из источника вне нашей Родины. Оттуда идут большие средства, – при помощи коих стремятся развратить русский народ... Скажите им, на лукавые их речи: если Господь судил служителям

[6] Обозрение Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1912 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 12/13. С. 130–131.

[7] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1910 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 13/14. С. 81.

алтаря от алтаря и питаться, то это значит, что верующие ценят свою веру. Это апостольский способ питания пастырей»[8] Церкви.

Наиболее нетерпимо баптисты относились к православной традиции почитания икон, которая была утверждена VII Вселенским Собором. В корне противореча Священному Писанию и полностью отвергая решения этого Собора, они обвиняли православных в идолопоклонстве и даже в язычестве. Изобличая сектантов, владыка говорил, что если бы они усвоили урок, «данный Иисусом Христом книжникам и фарисеям, то нашли бы в Библии, что тот же Моисей, получивший от Господа Бога 2-ю заповедь, запрещающую творить идолов, в то же самое время и от Того же Господа Бога получил повеление построить скинию, а в ней на крыше ковчега завета поставить литые изображения херувимов, и, найдя это, поняли бы, что есть громадная разница между идолом – изображением бездушной твари, и иконами... Иконы для нас, те же книги, тот же глагол Божий и наставление, только написанные не буквами и словами, а целыми событиями и лицами»[9]. Доводы святителя в защиту икон были общеизвестны, но он сознательно повторял их в храме, допуская, что его проповедь мог тайно слушать кто-то из членов секты. В этой связи можно отметить, что епископ Кирилл считал православные храмы важнейшими местами для миссионерской проповеди. Он говорил, что где нет православного храма, там открывается простор для беспрепятственной пропаганды сектантов.

Еще одной сектой, которая активно действовала и получила наибольшее распространение в Тамбовском, Моршанском и Борисоглебском уездах Тамбовской губернии, являлись молокане. Ее основателем в XVIII веке стал некто Семен Уклеин. Приверженцы секты называли себя молоканами, так как постом употребляли молоко. Они считали, что их учение якобы является «словесным молоком». По мнению миссионера М. Третьякова, эта секта в епархии насчитывала «до 9000 человек обоего пола. Всех пунктов молоканских до 120» [7, с. 1]. Молокане учили, что Иисус Христос не равен, но подчинен Богу Отцу, Его воплощение призрачно. Многие члены секты не верили в бессмертие души, а Второе пришествие Христово, суд и кончину века понимали духовно. Богу, как учили моло-

[8] Там же.

[9] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 10. С. 280.

кане, нужно служить духом, и поэтому никаких обрядов и таинств не требуется. Спасение достигается с Божией помощью только «доброй жизнью и чтением Священного Писания» [7, с. 2]. Глубоко сожалея о том, какой соблазн вносили молокане в среду православных и скольких совратили с истинного пути, владыка говорил: «Грустно становится за православного человека и за тех, что замутили эту чистую воду христианства»[10]. Святитель Кирилл особо подчеркивал, что свой главный удар сектанты наносят, прежде всего, по Православной Церкви, отрицая само ее существование. Он говорил: «Молокане в своем заблуждении думают, что от Христа до Уклеина не было истинной веры... безумие, что Уклеин открыл истину Христову»[11]. Понимая всю абсурдность утверждений сектантов, епископ Кирилл спрашивал: «Чем же объяснить, что еретики находят себе слушателей?» – и отвечал: «Причина этого в нашей лености и нашем религиозном невежестве. Ведь не знать легче, чем знать, и не исполнять легче, чем исполнять. А лжеучитель одно только и твердит, что совсем не нужно знать того, чему учит Православная Церковь, и не следует исполнять ее повелений. Живи, стало быть, как хочется, а не как Бог велел. Чего же легче!»[12] Стараясь уберечь свою паству от сектантских идей, разрушающих духовный мир конкретного человека, традиционной многодетной семьи и православный уклад жизни на селе, владыка взывал к людям в своих проповедях: «Помните, что... мы спасаемся не своими силами, а... Божественной благодатью, чрез причащение Святых Таин. Он (Христос. – *прим. авт.*) Сам установил и передал нам Свои благодатные средства ко спасению. Какой путь установил Господь для спасения, тем и должны идти. Свои благодатные средства Он передал нам через апостолов... Утверждения (сектантов. – *прим. авт.*), что у них... спасение, богохульны. Этим они возводят хулу на Святого Духа»[13]. Архипастырь указывал, что сектанты по определению не могут иметь подлинного

[10] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, церквей, монастырей и школ епархии в 1910 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 13/14. С. С. 80.

[11] Там же. С. 124.

[12] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 10. С. 294.

[13] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 22/23. С. 1123.

знания об Истине, потому что ослеплены гордыней и повсюду хвалятся своей, как им кажется, благочестивой жизнью. «Но ведь похвалы эти не новость, – говорил святитель, – книжники и фарисеи не только сами хвалили себя, но и другие похваляли их»[14]. Превозносясь над окружающими людьми и заявляя, что они «только одни познали истину Христову»[15], молокане противятся основам христианства, которое с древнейших времен зиждется на смирении, и самый яркий пример его преподал всем Сын Божий.

В это время удобными местами для сект в Тамбовском крае являлись железнодорожные станции, где всем распоряжались купцы-сектанты. Именно там, подчеркивал владыка, «они командуют православными, притесняя их»[16]. Дело в том, что массово строившиеся тогда станции очень скоро становились центрами населенных пунктов, в которые устремлялись на поселение сектантские проповедники. В качестве примера святитель называл станцию Сампур в Тамбовском уезде, где молоканские общины были организованы в трех молитвенных домах. «Там гнездо сектантов, – был уверен владыка, – и им скорее нужно дать отпор. ... Я обращаюсь к вам с просьбой оказать этому селению помощь на построение храма»[17]. Всемерно поддерживая возведение храма в поселке Сампур, архипастырь исходил из того, что храм непременно станет центром миссионерской духовно-просветительской работы среди местного населения, а без него организовать работу против сектантов будет гораздо сложнее.

Преосвященный Кирилл также обличал сектантов за отказ почитать Пресвятую Богородицу. Он подчеркивал, что для подобных еретиков не являются убедительными ни священные тексты Евангелия, ни пророческие слова Девы Марии, которые Она произнесла при встрече с праведной Елизаветой, сказав, что «будут ублажать Меня все роды» (Лк. 1, 48). «Сколько бы не отрицали эти фарисеи новых дней величие нашей Заступницы, Ея чудодейственное уча-

[14] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 376.

[15] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 14/15. С. 478.

[16] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 21. С. 765.

[17] Там же.

стие в жизни христиан, эти знамения и чудеса всегда оживляют благодатную память о Пресвятой Богородице! Сколько бы не отрицали они исторические события, записанные современниками, им не удастся изгладить из истории эти записи. Наш долг молиться, да простит Он тех, кто Ее хулит, отказываясь почитать Ее святые иконы. Да простит Он всех и вернет их в ограду Церкви»[18].

Нередко в своих проповедях архипастырь обращался к «нездоровой и зловредной увлеченности народа ересью хлыстовства» [8, с. 122]. Предположительно, свое название хлысты получили потому, что во время собраний они били (хлестали) себя по телу жгутами или прутьями. Учение этих сектантов вызывало у епископа Кирилла самое сильное неприятие и представляло собой, по его выражению, «гнусное явление»[19]. Хлысты получили распространение в Борисоглебском, Тамбовском и Усманском уездах, но, пожалуй, активнее всего они действовали в Кирсановском уезде, где их общины имелись в 15 поселениях. «Всех пунктов, зараженных этою сектою в епархии 31. Количество всех сектантов до 1500 человек обоего пола» [7, с. 35]. Хлыстовцы делились на анисьевцев и перфильевцев и были воинственно настроены против Православия. Бог, согласно их учению, является высшим таинственным могущественным существом. Христос Спаситель для них – просто человек, обладающий особой силой. Христов и богородиц может быть много [7, с. 36]. Учение хлыстов отличалось наибольшей абсурдностью по сравнению с другими сектами. Епископ Кирилл спрашивал свою паству, как вообще эта, по сути, богоборческая ересь могла прельщать православных христиан, обладавших совершенным Откровением и полнотой Божественной Истины: «Что это за учение с отрицанием жизни, с отрицанием деторождения? Либо это учение само себя осуждает на смерть, либо оно яд, душащий других... И все это происходит потому, что люди стремятся толковать слово Божие по своей воле, по своему разуму, не считаясь с учением святых отцов и учителей Церкви»[20]. Абсолютный беспредел и произвол в ве-

[18] Лыков И., свящ. Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 14/15. С. 479.

[19] Хроника // Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 112.

[20] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 10. С. 280.

роучительных и нравственных вопросах приводил членов хлыстовских общин к полной духовной деградации, вплоть «до отрицания деторождения»[21].

Священномученик Кирилл давал православным христианам отеческие советы, как устоять под натиском сектантов: «Укрепляйтесь при этих нападках воспоминанием слов Господних: “Дерзайте, Я победил мир”! Да. Он победил мир, и оружие этой победы оставил в нем для нашего пользования. Посмотрите на эту святую икону Спасителя и на то, что начертано на том листе Евангелия, который Христос держит раскрытым всегда перед глазами: “Будете в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей” (Ин. 15, 10). Возьмите эти слова себе в руководство. В этих словах указано нам средство победить врагов – это средство любить Господа, как Он возлюбил нас, и исполнять заповеди Его: нападут на вас враги, заботьтесь не столько о том, чтобы избежать их ударов, сколько о том, что должны мы любить Господа и исполнять заповеди Его, против любящих Господа не устоит никакой враг. Если Господь с нами, то кто может быть против нас. Пусть вы не сумеете ответить нападающим, но вы победите их своей праведной жизнью»[22]. Святитель был убежден, что, исповедуя Православие, христианин всегда должен поступать по законам Православия. Нормы веры должны стать нормой жизни каждого православного человека. Если же наша жизнь не будет соответствовать тому, во что мы верим, то никого мы не сможем убедить и привести к Истине.

Заключение

Антисектантская деятельность святителя Кирилла свидетельствует о том, что в его лице Русская Православная Церковь имела «мужественного и стойкого защитника веры перед лицом сектантства» [9, с. 116], а Россия – патриота, последовательно отстаивающего независимость и духовную безопасность своего Отечества. Более ста лет назад священномученик обращал внимание современников

[21] Обозрение Высокопреосвященнейшим Кириллом, архиепископом Тамбовским и Шацким, церквей и монастырей епархии в 1915 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 11. С. 322.

[22] Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 501.

на то, что сектанты осуществляют свою прозелитическую миссию в России на финансовые средства, которые щедро получают от зарубежных покровителей, от тех, кто вынашивает планы разрушить российское государство изнутри. Критически разбирая лжеучения сект, архипастырь стремился указать на духовно-нравственные причины сознательного уклонения людей на путь еретического противостояния правде Божией, старался, чтобы его паства глубоко усвоила догматическую истину, что Христос – истинный Бог и истинный Человек. В основанной Им Церкви, которая будет пребывать во веки веков, действует благодать Святого Духа, всегда немощных врачующая и оскудевающих восполняющая и наставляющая человека на всякую истину (ср. Ин. 16, 13). Он учил, что, увлекая людей в свои сети, сектанты приводят их к духовной смерти, лишают вечного пребывания в раю с Богом – Источником жизни. Он наставлял чад Церкви, что наследовать Царство Небесное можно только при условии, если жить по заповедям Божиим, изложенным в Священном Писании, сохранять православные традиции, отвергать ереси, порожденные беспредельным самомнением и отрицанием полноты Божественного Откровения, явленного человечеству Сыном Божиим. Своими миссионерскими проповедями архипастырь все делал для того, чтобы ослабить «активность сектантского движения в епархии и интерес к сектам со стороны общества» [10, с. 137], оградить от заблуждений православных христиан, «чтобы не привносились извне в наше культурное пространство... противоестественные нормы и правила жизни» [11, с. 162]. Противоборство сектантству в миссионерском делании священномученика Кирилла сочеталось с миротворческим духом и милосердным отношением к заблудшим, что отвечало призыву Христа Спасителя: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). Известен случай, когда после длительной миссионерской беседы со святителем отступник сказал: «Вы добрый отец, вот всегда бы так говорили с нами» [1, с. 23].

В завершение следует сказать, что мудрые наставления и призывы Тамбовского святителя весьма актуальны и в настоящее время. Сегодня враг рода человеческого как никогда изобретательно и коварно действует в мире. Наш священный долг – следовать правде Божией, блюсти заповеди Евангелия и традиции Православия, не под-

даваться противоборствующим либеральным и постмодернистским тенденциям, безудержной пропаганде расчеловечивания. Мы призваны сохранять «единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 3), не допускать очернения нашей отечественной истории и духовной культуры, нивелирования их всемирного значения. Особенно важно всем нам в условиях влияния внешних религиозных, политических, социокультурных факторов, а также внутренних мучительных поисков надежной духовно-нравственной опоры свидетельствовать о верности Святой Христовой Церкви, святоотеческому наследию Православия, на непреходящих духовных ценностях которого более тысячелетия успешно созидалось наше Отечество, российская государственная, церковная и общественная жизнь.

Список литературы

1. *Лозовский А., свящ.* Священномученик Кирилл (Смирнов) и миссионерская деятельность в Тамбовской епархии в 1910–1917 годы / священник Антоний Лозовский, А. Н. Алленов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2017. – № 5. – ISBN 978-5-9908975-6-4. – С. 19–26.

2. *Дубасов, И. И.* Очерки из истории Тамбовского края / И. И. Дубасов. – Тамбов : Юлис, 2006. – 785, [1]. – ISBN 5-98662-036-4.

3. *Конь, Р. М.* Введение в сектоведение / Р. М. Конь. – Нижний Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2008. – 495 с. – ISBN 978-5-903657-09-4.

4. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Канцелярия Тамбовской духовной консистории ; под. ред. А. Е. Андриевского. – Тамбов : Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – 878, XX с.

5. *Лёвин, О. Ю.* Тамбовская епархия / О. Ю. Лёвин // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2022. – Т. 67. – ISBN 978-5-89572-076-9. – С. 366–386.

6. *Стефан (Садо), архим.* Русские монахи-миссионеры Урмийской духовной миссии в Персии / архимандрит Стефан (Садо). – DOI: 10.24411/2587-8425-2020-10015 // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – № 1 (4). – С. 192–198.

7. *Третьяков, М.* Сектантство Тамбовской губернии / М. Третьяков. – Санкт-Петербург : Типография «Колокол», 1910. – 57 с.

8. *Журавский, А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви : жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века / А. В. Журав-

ский. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2004. – 863 с. – ISBN 5-7533-0302-1.

9. *Феодосий (Васнев), митр.* Проблемно-тематический обзор гомилетических трудов священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского, тамбовского периода (1909–1918) / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович). – DOI: 10/51216/2687-072X_2022_4_107 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 4 (21). – С. 107–122.

10. *Феодосий (Васнев), митр.* Духовно-нравственная и социальная проблематика в гомилетическом наследии тамбовского периода священномученика Кирилла (Смирнова) / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович). – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_133 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 3 (24). – С. 133–149.

11. *Феодосий (Васнев), митр.* Священномученик Кирилл (Смирнов) как духовный наставник тамбовского монашества : (на материале проповедей 1910–1915 годов) / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович). – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_153 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 2 (23). – С. 153–167.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023
Статья поступила после рецензирования 09.09.2023.
Статья принята к публикации 29.09.2023.

UDC 253

ANTI-SECTARIAN ACTIVITIES OF HOLY MARTYR KIRILL (SMIRNOV) IN TAMBOV DIOCESE (BASED ON SERMONS OF 1910–1915)

Feodosy (Sergey Vasnev)
Metropolitan of Tambov and Rasskazovo
Doctor of Theology, PhD in Theology
Rector of Tambov Theological Seminary
3 Gorkogo Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru
ORCID: 0000-0002-8850-0418

For citation: Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Anti-sectarian activities of Holy Martyr Kirill (Smirnov) in Tambov diocese (based on sermons of 1910-1915) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_112. EDN: JQKRBE // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 112–128 pp. (In Russian)

Abstract

The article is devoted to the important topic of anti-sectarian activity in Tambov diocese in the early 20th century, which allows us to project onto the current state of the Orthodox environment, which is under the pressure of various sects and false teachings.

The author identifies and describes several sectarian communities typical of Tambov province, among which the Baptists, Molokans and Khlysty were the most influential. Through a problem-thematic analysis of the sermons of Hieromartyr Kirill (Smirnov) during the period of his archpastoral service at Tambov See, the main methods of revealing the spiritual danger of the teachings spread by sects, their false foundations are revealed, and the skill of the saint in substantiating the truth of the Orthodox Faith, the inviolability of its dogmas formulated by the Ecumenical Councils is shown.

The missionary-educational, apologetic and anti-sectarian activities of Hieromartyr Kirill, as his homiletical heritage shows, were closely linked, since the main goal of his sermons was the salvation of human souls and the direction of the lost on the true path. Firmness in the confession of Orthodoxy and irreconcilability with various kinds of distortions were combined in the archpastor with a merciful attitude towards lost souls, thanks to which he earned well-deserved respect not only in the Orthodox community, but also among some representatives of various sects.

Keywords: Tambov diocese; Hieromartyr Kirill (Smirnov); anti-sectarian activities; Orthodox doctrine.

References

1. Lozovsky A., Priest Svyashchennomuchenik Kirill (Smirnov) i missionerskaya deyatel'nost' v Tambovskoi eparkhii v 1910–1917 gody [Hieromartyr Kirill (Smirnov) and missionary activity in Tambov diocese in 1910–1917]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. Tambov, Tambov Printing Union Publ., 2017, no. 5, pp. 19–26. (In Russian).

2. Dubasov I. I. *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays on the history of Tambov region]. Tambov, Yulis Publ., 2006, [1]. (In Rusian).

3. Kon R. M. *Vvedenie v sektovedenie* [Introduction to sect studies]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Theological Seminary Publ., 2008, 495 p. (In Russian).

4. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii* [Historical and statistical description of Tambov diocese]. Tambov, Typo-lithography by N. Berdonosov and F. Prigorin Publ., 1911, 878, XX p. (In Russian).

5. Levin O. Yu. Tambovskaya eparkhiya [Tambov diocese]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2022, vol. 67, pp. 366–386. (In Russian).

6. Stefan (Sado), Archimandrite Russkie monakhi-missionery Urmiiskoi dukhovnoi missii v Persii [Russian missionary monks of the Urmia spiritual mission in Persia]. DOI: 10.24411/2587-8425-2020-10015 *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii* [Bulletin of the Historical Society of St. Petersburg Theological Academy]. 2020, no. 1 (4), pp. 192–198. (In Russian).

7. Tretyakov M. *Sektantstvo Tambovskoi gubernii* [Sectarianism in Tambov province]. St. Petersburg, Koloko Printing House Publ., 1910, 57 p. (In Russian).

8. Zhuravsky A. V. *Vo imya pravdy i dostoinstva Tserkvi: zhizneopisanie i trudy svyashchennomuchenika Kirilla Kazanskogo v kontekste istoricheskikh sobytii i tserkovnykh razdelenii XX veka* [In the name of truth and dignity of the Church: biography and works of Hieromartyr Kirill of Kazan in the context of historical events and church divisions of the 20th century]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2004, 863 p. (In Russian).

9. Feodosy (Vasnev), Metropolitan Problemno-tematicheskii obzor gomileticheskikh trudov svyashchennomuchenika Kirilla (Smirnova), mitropolita Kazanskogo, tambovskogo perioda (1909-1918) [A problematic and thematic review of homiletical works of Hieromartyr Kirill (Smirnov), Metropolitan of Kazan, Tambov period (1909–1918)]. DOI: 10/51216/2687-072X_2022_4_107 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 4 (21), pp. 107–122. (In Russian).

10. Feodosy (Vasnev), Metropolitan Dukhovno-nravstvennaya i sotsial'naya problematika v gomileticheskom nasledii tambovskogo perioda svyashchennomuchenika Kirilla (Smirnova) [Spiritual, moral and social issues in the homiletical heritage of the Tambov period of Hieromartyr Kirill (Smirnov)]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_133 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 3 (24), pp. 133–149. (In Russian).

11. Feodosy (Vasnev), Metropolitan Svyashchennomuchenik Kirill (Smirnov) kak dukhovnyi nastavnik tambovskogo monashestva (na materiale

propovedei 1910-1915 godov) [Hieromartyr Kirill (Smirnov) as the spiritual mentor of Tambov monasticism (based on sermons of 1910–1915)]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_153 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 153–167. (In Russian).

Received 01 July 2023.
Reviewed 09 September 2023.
Accepted for press 29 September 2023.

УДК 37.034; 247.5

https://elibrary.ru/mygywx

О СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА: САКРАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ (НА ПРИМЕРЕ ИКОНЫ «ТРОИЦА» ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ РУБЛЕВА)

Гусакова Виктория Олеговна
кандидат искусствоведения,
методист Высших епархиальных курсов святого праведного Иоанна Кронштадтского,
Отдел религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии
191119, Россия, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 107а, кв. 31
E-mail: victoryspb78@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2924-6886

Для цитирования: Гусакова В. О. О современном восприятии церковного искусства: сакральное и художественное (на примере иконы «Троица» преподобного Андрея Рублева). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_129. EDN: MYGYWX // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 129–147.

Аннотация

Цель статьи – проанализировать иконографические и историко-художественные свойства иконы «Троица» Андрея Рублева и показать особенности восприятия церковного искусства как сакрального и художественного произведения в музее и храме. Актуальность работы связана с вопросом о возвращении храмовых святынь Русской Православной Церкви. Современные музеи в своих коллекциях хранят множество реликвий, которым надлежит вернуться на изначально предназначенное им место.

Сегодня наблюдается три точки зрения на церковное искусство: это искусство, обладающее разной степенью художественной ценности, характеризующее и свидетельствующее об уникальности и самобытности

культуры России; это святыни Русской Православной Церкви, созданные для молитвы и являющиеся частью богослужения; позиция, объединяющая две предыдущие точки зрения. Научная новизна исследования заключается в обосновании смысла знакомства со святыней, в частности «Троицей» преподобного Андрея Рублева, в изначально определенном для нее месте – в храме, а не в музее, и аргументации целесообразности возвращения икон в храм не только с богословской точки зрения, но и с позиции духовно-нравственного воспитания личности.

Итогом статьи стал вывод: изначально икона предназначается для молитвы и участия в богослужении. Ее место – в храме, где она и сохраняет свои художественные достоинства, и выполняет свои сакральные функции.

Ключевые слова: церковное искусство; икона «Троица»; музей; храм; традиция православной культуры; духовно-нравственное воспитание.

Введение

Обоснование актуальности. Сегодня мы переживаем новый этап культурного подъема России, который отмечен, прежде всего, возрождением Русской Православной Церкви и укреплением её духовных позиций в обществе. Это время характеризуется, в том числе, переменами в отношении к церковному искусству. Традиционное для русских людей признание эстетических и художественных достоинств икон и фресок спасло многие святыни от уничтожения в годы гонений.

Сегодня существует три точки зрения на церковное искусство:

1) это искусство, обладающее разной степенью художественной ценности, но свидетельствующее об уникальности и самобытности культуры России;

2) это святыни Русской Православной Церкви, созданные для молитвы и являющиеся частью богослужения;

3) объединяющая две предыдущие точки зрения.

В связи с этим, а также с начавшимися в 2023 году переговорами о передаче гробницы[1] святого благоверного великого князя Александра Невского в Свято-Троицкую Александро-Невскую Лавру

[1] Эрмитаж передает лавре гробницу. Все эти десятилетия в Эрмитаже находилась именно гробница из колыванского серебра. Это монументальное архитектурно-скульптурное сооружение. Рака как таковая была в лавре, и в ней лежали и лежат мощи. Но в народе и теперь СМИ гробницу стали называть тоже ракой, но правильно *гробница*. В каталогах Эрмитажа – гробница. – *Прим. авт.*

и иконы «Троица» преподобного Андрея Рублева в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, актуализируется вопрос о месте памятника церковного искусства – в музее или храме?

Цель исследования – проанализировать иконографические и историко-художественные свойства иконы «Троица» Андрея Рублева и показать особенности восприятия церковного искусства как сакрального и художественного произведения в музее и храме.

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости включения в процесс духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения знакомство со святынями, что обусловливают следующие обстоятельства:

– отдаленность подрастающего поколения от традиций православной культуры и низкая заинтересованность духовной культурой Древней Руси;

– устоявшийся в светской среде стереотип, что музей существует «для просвещения и расширения культурного кругозора», а храм – только «для молитвы»;

– распространенность не только в кругу обывателей, но и в среде ученых-искусствоведов мнения о том, что шедевры иконописи должны быть в музее, а в храмы их отдавать нельзя, потому что «там их испортят».

Современные ученые – богословы и искусствоведы – много внимания уделяют той стороне церковного искусства, которая представляет предмет их науки. Научно-педагогическое сообщество, в большинстве своем, рассматривает икону исключительно как произведение православной культуры и шедевр древнерусского искусства, упуская ее дидактические и воспитательные компоненты.

В 2011 году автор статьи включила изучение иконы «Троица» в программу духовно-нравственного воспитания старшеклассников [1]. Проведенный впоследствии научно-педагогический эксперимент лег в основу большого исследования художественного образа церковного искусства как дидактической единицы и православного храма как образовательного пространства.

Для его проведения использовались следующие методы: исторический и иконографический анализ иконы «Троица»; контент-анализ понятий, связанных с иконографией «Троицы»; метод диалога в практической части исследования.

Теоретическую базу исследования составили статьи князя Е. Трубецкого [2], священника Павла Флоренского, игумена Андроника (Трубачева) [3].

Основная часть

Церковное искусство как уникальное явление русской культуры в средней и высшей школе (за исключением образовательных организаций с конфессиональным компонентом) рассматривается эпизодически и, как правило, без акцентировки на духовную составляющую иконы и вне ее исторической роли в формировании народного самосознания. Однако именно церковное искусство является носителем исконных духовно-нравственных ценностей русского народа и выразителем антропологического идеала.

Долгое время дидактическая и эстетическая стороны церковного искусства оставались вне поля зрения ученых, богословов и художников. Во второй половине XIX – начале XX века возрос интерес к церковному искусству и признана, наряду с литургическим назначением, его эстетическая значимость. Во многом это было следствием повсеместного строительства православных храмов в Российской империи, нуждавшихся в художественном убранстве. Передовым мастером той эпохи в области церковного искусства стал Виктор Михайлович Васнецов – создатель общепризнанного религиозно-национального направления в русской церковной живописи.

О своем творческом поиске Виктор Васнецов писал: «...из византийских и русских памятников я взял только схему, и место не позволяло воспользоваться старыми образцами, да и время теперешнее не все переваривает из философского, богословского и поэтического настроения древней иконописи, стало быть, пришлось мирить древнее с новым, по правде, иначе-то нельзя. Все существенное сохранено» [4, с. 91].

Иконы и росписи, созданные Виктором Васнецовым и художниками-последователями «васнецовской» школы, предназначались для храмового убранства и участия в богослужениях. Сам Виктор Васнецов и не помышлял писать моленные образа для пополнения коллекций П. М. Третьякова или Русского музея Александра III.

После 1917 г. отношение к иконе резко изменилось. Политика советской власти была направлена на разрушение православного самосознания. Истребление святынь, и в частности икон, использовалось для морального надлома русского народа и быстрого насаждения атеизма. В 1918 г. угроза уничтожения нависла над Троице-Сергиевой Лаврой. Чтобы спасти святыни от полного уничтожения, выдающиеся представители российского общества (ученые и духовенство) использовали их художественные достоинства в качестве аргумента, подтверждающего необходимость их сохранения для культурного наследия нового государства.

В 1918 г. художник и искусствовед Игорь Эммануилович Грабарь создал комиссию по сохранению и раскрытию древнерусской живописи при Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (32-й отдел Наркомпроса) РСФСР. В числе тех, кто работал в этой комиссии в те страшные времена и спасал памятники церковного искусства, был священник Павел Флоренский. Он провел инвентаризацию всех предметов Троице-Сергиевой Лавры, закрепив за ними право называться предметами государственной собственности.

В 1924 г. комиссия была преобразована в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), которые существуют до сих пор. Самой первой попавшей сюда иконой была «Троица» в золотом окладе, закрывавшем всю поверхность иконной доски, кроме ликов. Когда реставраторы сняли оклад, то обнаружили под ним многочисленные записи последующих столетий. После их удаления реставраторам открылась красота живописи преподобного Андрея Рублева.

Следом за «Троицей» к реставраторам поступили и другие иконы преподобного Андрея Рублева (Высоцкий деисусный чин из Серпуховского монастыря преподобного Афанасия старшего, Звенигородский чин из Успенской церкви в Звенигороде), Феофана Грека, Дионисия. Известно, что знаменитый «Звенигородский Спас» с удивительно сохранившимся ликом Спасителя был найден в ящике с дровами. Сегодня эти факты не оставляют равнодушными людей и, в частности, подростков и юношество, которым свойственно скептическое отношение к событиям. Их реакция разнообразна: от пассивной констатации факта «с искусством, конечно, так нельзя обращаться» или «ну, для кого-то это трагедия», до искреннего переживания и слез в глазах.

Отношение молодежи к местонахождению иконы – в храме или музее – различно. В современном обществе идея о том, что икона изначально имеет богослужебное назначение и должна находиться в храме, пока еще не утвердилась, а поэтому споры о передаче Русской Православной Церкви музейных объектов – Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, гробницы святого благоверного князя Александра Невского и иконы «Троицы» – не стихают. При этом следует отметить, что люди, и молодежь в особенности, до конца не понимают личное преимущество того, что святыня будет возвращена на свое законное место. На вопрос старшеклассника: «Зачем Церковь отбирает Исаакиевский собор?» и последующий ответ педагога: «Не отбирает, а возвращает для того, чтобы ты мог ходить туда не по билету, а когда душа пожелает», возникает следующий, по сути абсурдный, вопрос: «А меня туда пустят?»

Оторванность от традиции исконной для нашего Отечества православной культуры, непонимание ее глубинных смыслов приводит к поверхностному и в некотором роде популистскому отношению к духовным проблемам времени и, в частности, месту пребывания святыни – в храме или музее. Это обстоятельство является важным показателем духовно-нравственного воспитания, которое предусматривает не только приобретение подрастающим поколением знаний о святынях и их историко-культурном значении, но и принятие ценностей, заложенных предками в эти святыни, и через них – «вживание в традиции» своего народа.

С целью формирования у молодежи устойчивого представления о традиции восприятия церковного искусства, а также духовного и эстетического отношения к его произведениям, целесообразно поискать ответы на следующие вопросы:

– может ли икона рассматриваться только как моленный образ (и/или как литургический компонент вне ее художественных достоинств)?

– может ли икона рассматриваться только как произведение живописи вне ее сакрального значения (литургического смысла)?

– каким видится назначение иконы в XXI столетии – эпохе стремительного развития науки и технологий?

– каково место церковного искусства в жизни подрастающего поколения первой четверти XXI века?

Следует отметить, что иконопись (если рассматривать ее с позиции искусства) обладает уникальными преимуществами в деле духовно-

нравственного воспитания. Во-первых, это искусство традиций, в числе которых не только традиция иконописания как такового, но и традиция почитания изображенного на иконе Бога, Богородицы или святых и молитвы перед иконой. Во-вторых, изобразительный язык иконописи предусматривает выражение духовного содержания в символико-догматической форме. В-третьих, иконопись отражает вечные объективные идеалы, а не субъективные предпочтения художника или заказчика. Главным преимуществом иконы перед любым другим произведением живописи является ее назначение: икона призвана устремлять чувства и мысли человека к вечным идеалам добра и красоты. В отличие от светской картины, пусть даже на церковно-историческую тему, икона всегда обращается к сердцу, способствует формированию духовно-нравственной культуры человека.

«Троица» Андрея Рублева является древней святыней России и признанным в XX столетии шедевром древнерусской живописи. Эти обстоятельства, а также сложный процесс ее возвращения в Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры, определили выбор объекта исследования для рассмотрения проблемы восприятия церковного искусства в музее и храме.

Рассмотрим икону «Троица» Андрея Рублева в пространстве музея, а именно в Третьяковской галерее. Здесь она один из шедевров древнерусской живописи, который может рассказать нам о художнике и его времени, помочь в решении вопросов сохранения исторической памяти и культурного наследия для потомков, а также способствовать эстетическому и патриотическому воспитанию каждого зрителя.

Может ли верующий помолиться у иконы в музее? Ответ на этот вопрос может быть утвердительным, учитывая, что в Православии процесс молитвы допустимо не сопровождать внешними жестами и движениями. Однако музей не предназначен для молитвы; назначение музея – хранить памятники. Основатель Третьяковской галереи Павел Петрович Третьяков писал: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, приносящего многим пользу, всем удовольствие»[2].

Известно, что Третьяков приобретал иконы, но в галерее их

[2] Павел Третьяков. Искусство принадлежит народу // Культура.РФ : сайт. URL: https://www.culture.ru/materials/ 162248/pavel-tretyakov-iskusstvo-prinadlezhit-narodu (дата обращения: 14.06.2023).

не размещал. Купленные им шестьдесят две иконы находились в доме мецената не в качестве деталей интерьера, а для молитвы. Третьяков был глубоко верующим человеком, и с момента его переезда в Лаврушинский переулок города Москвы был прихожанином церкви святителя Николая Чудотворца в Толмачах. Сейчас этот храм является частью комплекса Третьяковской галереи.

После кончины П. П. Третьякова его наследники передали иконы в музей. Впервые они частично экспонировались в 1901 году, спустя три года после смерти мецената. Позже к иконам Третьякова присоединилось собрание художника Ильи Семеновича Остроухова, который тоже был собирателем произведений искусства и одним из инициаторов открытия зала иконописи в Третьяковской галерее. Остроухов приобретал иконы в поездках по Русскому Северу, а систематизировать их помогал ему известный ученый, историк, член Императорского Православного Палестинского общества Николай Петрович Лихачев.

В 1904–1905 гг. Московское археологическое общество поручило И. С. Остроухову организацию реставрации «Троицы» Андрея Рублева, которую проводил иконописец В. П. Гурьянов. Этот факт подтверждает наличие научного интереса к изучению памятников иконописи и церковной живописи и их реставрации в Российской империи. Именно он в революционные годы и последующую атеистическую эпоху способствовал спасению святынь от уничтожения и оправдывал их нахождение в музее.

Находясь в художественном музее, икона постепенно приобрела значение произведения искусства, сакрального экспоната, могущего пролить свет на определенные вехи истории России. Утрачивает ли икона в музее свое сакральное значение? Ответ должен быть утвердительным.

Изображение на иконе может стать темой занятия, направленного на духовно-нравственное воспитание личности, неотъемлемой частью которого является патриотическое и эстетическое воспитание. Не секрет, что отношение к Родине и умение видеть (созерцать) красоту неразрывно связаны с духовными и нравственными переживаниями.

Методика патриотического воспитания через знакомство с полотнами художников, запечатлевших образ Родины, известна с советских времен. Демонстрируя пейзажи родной земли, трудовой

или воинский подвиг народа, сцены материнства, учителя стремились сформировать у обучающихся устойчивое представление об идеале, которым во времена СССР был честный и бескорыстный труженик, патриот Отечества, борец за правду и справедливость.

В православной культуре такой человек тоже может стать примером для подрастающего поколения, если ко всем вышеперечисленным качествам добавить преданность Христу, Который и есть единственный и неоспоримый идеал человечества.

Следует отметить, что любое произведение искусства, будь то пейзаж, исторический сюжет, баталия или портрет, отмечено индивидуальной точкой зрения художника на изображаемый предмет. Именно она определяет художественный образ. Знакомясь с ним, человек сопоставляет свое видение с видением художника и в процессе анализа делает умозаключение, в котором расстановка положительных акцентов во многом зависит от следующей оценки: совпадает или не совпадает видимое с припоминаемым, нравится или не нравится, достоверно или недостоверно и т.д.

В иконе нет места субъективному восприятию зрителя. Икона не может нравиться или не нравиться. Применение таких критериев к ней не допускается, хотя первое впечатление, которое можно услышать от школьников при показе им икон, – это «красиво», «не красиво» или тождественное – «не понятно».

Именно поэтому важно с самого начала объяснить, что икона воспринимается иначе, чем любое другое произведение искусства, и на первый план в этом восприятии выходит богословский критерий, и только потом культурно-исторический и эстетический.

Однако в музее икона рассматривается в обратном порядке. На экскурсии в Третьяковской галерее об иконе «Троица» посетителям могут предложить:

– краткое или подробное знакомство с эпохой преподобного Сергия Радонежского и последующим за ней периодом, в который икона «Троица» создавалась;

– рассказ о художнике Андрее Рублеве и процессе создания святыни, а также иконографии и иконописных символах.

В результате такой экскурсии у зрителя может возникнуть интерес к истории и культуре, сложиться представление об идее формирования Отечества и духовного смысла единения народа и появиться мотивация к чтению литературы об иконе «Тро-

ица» (священника Павла Флоренского, князя Е. Трубецкого, Б. Раушенбаха и др.).

Не исключается возможность «встречи человека с Богом» в музее у иконы. Однако изначальная цель посещения музея не предполагает такую встречу. В ситуации, когда человек нуждается в Боге, он идет в храм, а не в музей.

Однако, рассматривая икону «Троица» преподобного Андрея Рублева как произведение искусства, эрудированный представитель молодежи может поставить ее в один ряд с произведениями Мазаччо, Кампена, Дюрера и др. В искусствоведческой литературе можно встретить сравнения Андрея Рублева с Яном ван Эйком [5, с. 270] и другими ведущими мастерами Западной Европы. Например, когда говорят «русский Фра Анжелико» или «русский Рафаэль», то этим хотят подчеркнуть «отношение Рублева к передовому европейскому искусству эпохи Возрождения, идеалы которого выражают нечто общечеловеческое» [6, с. 245]. Такие характеристики являются следствием формального подхода к иконе при отсутствии у человека богословских критериев.

Место пребывания произведения является важным условием восприятия церковного искусства. Музей – это всегда хранилище памятников и документов. Он может быть приспособленным для этой цели дворцом или современной постройкой, но, несмотря на свое архитектурно-художественное убранство, музей остается хранилищем. Например, большая часть работ Рафаэля, Фра Анжелико и Ван Эйка сейчас находится в музеях, и потому мы изначально относимся к ним как к произведениям искусства. Однако если мы вспомним Гентский алтарь, установленный в католическом соборе святого Бавона в Генте, то на первом плане будет аспект почитания католиками Христа и их отношения к Богу, а уже потом художественные и композиционные достижения братьев Ван Эйков.

В церковном обиходе хранилищем является ризница, но, в отличие от музея, она не является местом созерцания находящихся в ней предметов. В храме церковное искусство (иконопись, в частности) не воспринимается как художественное произведение. Когда человек приходит в храм, он воспринимает его внутреннее пространство в целом. Свойство храма таково, что его можно охватить взором целиком – от росписи купола с образом благословляющего Спасителя до пояса (регистра) полотенец внизу стен, от иконоста-

са до отдельных икон в киотах. Каждый элемент храма – значимая часть микрокосмоса, «неба на земле», зримого Евангелия, Священного Писания и Предания, ступенька лествицы к Богу.

«Троица» преподобного Андрея Рублева в православном храме – образ Триединого Бога, раскрывающийся в сотворенном по Божьему замыслу мире, картина мироздания, воплощенного изобразительными сакрализованными символами: «Удивительна композиция “Троицы” – круг как символ вечности. Фигура каждого Ангела представляет собой S-образную “линию красоты”, которая, как известно, прослеживается в фигурах птиц древнерусской мелкой пластики ещё с XII века, и в иконографии Золотых врат Рождественского собора XIII века Суздаля, в композициях “Зачатие”, “Троица”, “Распятие”, “Преображение”. Любопытно, что английский художник Вильям Хогарт повторно “откроет” эту S-образную линию красоты в искусстве Западной Европы тремя столетиями позднее иконописца Андрея Рублёва» [7, с. 78].

Некоторые символы человек встречает и в реальной жизни, например, древо или скала, а некоторые открывают ему мир духовный. И видимые, и невидимые в земном мире символы в храме становятся не только зримыми, но и слышимыми в церковном пении и обоняемыми в момент каждения.

В храме человек не просто видит икону, разглядывает иконографию и размышляет над сложной символической системой, как это может происходить в музее, а открывает непостижимые для себя прежде тайники своей души. Храмовое пространство мотивирует человека к диалогу с первообразом (в молитве) и самим собой.

Следует отметить, что «Троица» преподобного Андрея Рублева является не только вершиной изобразительного искусства Древней Руси, но и духовным символом торжества Православия в России. Икона возникла в эпоху, когда русский мир переживал разорение в результате натиска с востока и запада, и потому можно говорить, что «Троица» была не создана, а явлена: «В условиях раздробленности Руси и междоусобицы удельных князей преподобный [Сергий] предложил всем своим современникам ярчайший пример единства и великий символ мира и согласия – Живоначальную Троицу» [8, с. 64]. Создание иконы было предопределено духовным опытом преподобного Сергия Радонежского, его преемника и заказчика преподобного Никона Радонежского и прямых учеников – преподобных

Саввы Звенигородского и Андроника Московского, которые смогли передать этот опыт иконописцу, преподобному Андрею Рублеву.

Именно поэтому нельзя именовать Рублева «русским Рафаэлем» и «русским Фра Анжелико» или сопоставлять с Яном ван Эйком. Этих мастеров разделяют не столько художественные особенности, сколько содержание духовного опыта. Западноевропейские мастера эпохи Возрождения тоже заботились о передаче символов, которые, по их мнению, должны были быть понятными даже «непосвященным». Например, изображая Богоматерь как Царицу Небесную, Фра Филиппо Липпи и Боттичелли писали Её в голубом плаще. Святую Варвару изображали с башней, в которую ее заточили, святого Иеронима – со львом, который стал ручным благодаря духовным и душевным качествам праведника. Здесь символ равен знаку или напоминанию о сюжете из Священного Писания или Предания. В иконописи каждый символ, помимо буквального обозначения, является еще самостоятельной смысловой единицей, компонентом богослужения, святыней.

На иконе «Троица» мир людей (человечество) представлен палатами, земля – скалой, жизнь – древом. На фоне этого символического пейзажа в неиссякаемой любви и гармонии царит Нераздельный и Единосущий Бог: Отец, Сын и Святой Дух – запечатленный в трех Ангелах.

Такая иконография – это не только новое прочтение ветхозаветного текста о явлении трех Ангелов Аврааму (Быт. 18:8), но и воплощение идеи о мироустройстве преподобного Сергия Радонежского, который «поставил храм Троицы, как зеркало для собранных им в единожитие, дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира сего» [2, с. 12].

Свято-Троицкий монастырь преподобного Сергия стал таким зеркалом для устройства объединенного на основах православной идентичности государства – Московской Руси: «Уже более шести столетий имя Сергия Радонежского в сознании русских людей неразрывно связано с делом созидания Отечества» [9, с. 3]. Преемник преподобного Сергия Радонежского и продолжатель его дел преподобный Никон заказал иноку Андрею написать икону «в память и похвалу» преподобного Сергия, которую хотел после установить в новом каменном Троицком храме Сергиевой обители. Преподобный Андрей написал не образ самого основателя, преподобного Сергия Радонежского, а его

идеал – Пресвятую Троицу, которая являла русским людям не только Триединого Бога, но и завет преподобного Сергия о важности единства земного Отечества.

Следует отметить, что именно интерьер Троицкого храма, куда преподобный Никон поставил икону «Троицы», отличается особой историчностью. Внутри храма до сих пор сохраняется атмосфера Древней Руси, несмотря даже на то, что роспись стен поновлялась и реставрировалась в поздние времена.

Особой атмосфере, вдохновляющей на созерцание и молитву, способствуют наличие десяти (вместо восьми) узких и высоких окон в барабане купола и высокий пятиярусный иконостас. Уникальность иконостаса заключается в том, что это единственное сооружение начала XV века, сохранившееся до наших дней. В этом иконостасе справа от Царских врат до 1917 года находилась икона «Троицы». Ее называли «наместница» и из-за нахождения в местном ряду, и по уподоблению святыни настоятельнице или игуменье монастыря и всей России. Здесь можно также вспомнить, что основателя Троицкого монастыря преподобного Сергия Радонежского именовали «игуменом земли Русской» и «всея России чудотворцем».

Нельзя не указать, что место для «Троицы» в Троицком храме определялось и каноном размещения храмовой святыни, и идеей преподобного Никона Радонежского. В непосредственной близости от святыни, а также справа от Царских врат, располагается рака со святыми мощами преподобного Сергия. Местный ряд иконостаса Троицкого храма формировался на протяжении почти трех столетий – с XV по XVII век включительно. Одновременно размещались иконы на стенах и столпах. Можно сказать, с появлением «Троицы» началось развитие литургического пространства храма, в котором находилась рака с мощами всероссийского чудотворца, преподобного Сергия Радонежского.

В период сложения Московского царства в XVI в. в местный ряд поместили две иконы «государя и царя, и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси вкладу»: еще одну «Троицу» и «образ местной чюдотворца Сергия з деянием» – один из ранних житийных изводов преподобного Сергия, написанный мастерами круга Дионисия.

С тех пор пространство Троицкого храма не только организует физическое перемещение человека, но и определяет движение его мыслей. Именно здесь чаще всего задумываются о жизненном пути, его содержании и смысле.

Заключение

Только в Троицком храме Свято-Троицкой Сергиевой Лавры – сердца Руси и современной России – икона «Троицы» Андрея Рублева может снова стать тем самым зеркалом, в котором каждый сможет увидеть «ненавистную нераздельность мира сего» [2, с. 12] и духовную гармонию Божественного мироустройства. И если в Третьяковской галерее в зале Андрея Рублева икона «Троицы» была одним из шедевров, то в храме она является центром притяжения – местом встречи человека с Богом. Не случайно в старину говорили, что ехать в «паломничество по всей России», а на «богомолье только к Троице», а Троице-Сергиеву Лавру именовали «Домом Пресвятой Троицы». Писатель И. А. Бунин вспоминал «слова великого русского историка В. О. Ключевского: “Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампады над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры”... без этих лампад не бывать русской земле...» [10, с. 11]. Священник Павел Флоренский называл Лавру «истинной родиной, которая зовет к себе сынов», «микрокосмосом и микроисторией» и «художественным портретом России» [3, с. 300–301].

В советскую эпоху изъятие главной святыни Лавры из ее соборного храма для народа, столетиями стекавшегося сюда для сугубой молитвы, было равносильно лишению духовных ориентиров, опустошению его отчего дома.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что сегодня икона может рассматриваться и как моленный образ, и как произведение живописи, артефакт русской православной культуры. При этом в XXI столетии – эпохе стремительного развития науки и технологий – сакральное значение иконы не только не умаляется, но и возрастает. В подтверждение этой мысли процитируем слова директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского, сказанные им относительно еще одной святыни – гробницы Александра Невского: «...в сегодняшней геополитической ситуации сакральное, символическое значение раки и гробницы Александра Невского как святого защитника и покровителя русского воинства и русской дипломатии гораздо важнее, чем их художественное значение. Шедевр искусства нужно и сберечь, и сделать его всем доступным, чтобы

он выполнял свою функцию и так помог нашей Победе. Этот памятник всегда считался у нас наполовину светским, наполовину сакральным, но сегодня ситуация меняется, и сакральное выходит на первый план»[3].

Конечно, икона, даже находясь в музее, не может считаться «наполовину светской», и ее сакральное значение всегда первостепенно. Однако художественный компонент исключать нельзя. Именно на него обратили внимание представители ученой интеллигенции и духовенства на рубеже XIX–XX веков, и именно он стал аргументом для спасения многих святынь от уничтожения.

Начиная с Симона Ушакова и мастеров Оружейной палаты, «художественность» завоевывает право быть импульсом для постижения сакральности, а сакральность начинает включать в себя художественность как одну из возможностей обратить человека к Богу. Пример такой сакрализации художественного можно увидеть в картине Александра Иванова «Явление Христа народу». На ней изображен путь Бога к людям с целью помочь каждому человеку прийти к Богу. Но Александр Иванов писал картину и не помышлял о том, чтобы ее воспринимали как икону.

Андрей Рублев писал икону «Троица» и, конечно, никак не мог допустить мысль, что спустя почти 500 лет люди будут прятать иконы в музеях, чтобы там на них смотрели как на произведение искусства, а его самого называли не смиренным иноком, а «блестящим выразителем русского гения в истинно русском искусстве» [6, с. 249].

Третьяковская галерея передала икону «Троицы» обратно в Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры. Нет сомнения, что поток богомольцев к ней будет намного превосходить посетителей зала Андрея Рублева, а число посетителей галереи Третьякова из-за этого не уменьшится.

«Троица» возвратилась в свой дом, и здесь ее будут воспринимать и как икону, и как великое произведение церковного искусства. Здесь проблем и противоречий не возникнет, потому что у каждого свой путь к Богу и своя, очень личная, первая встреча с Ним.

---

[3] Эрмитаж возвращает в лавру раку святого Александра Невского // Санкт-Петербургская митрополия Русской Православной Церкви : официальный сайт. URL: http://mitropolia.spb.ru/news/monitoring/?id=225217 (дата обращения: 15.06.2023).

Список литературы

1. *Гусакова, В. О.* Духовно-нравственное воспитание старшеклассников на основе иконографии «Троицы» / В. О. Гусакова // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2011. – № 64. – С. 20–23.

2. *Трубецкой, Е. Н.* Умозрение в красках / князь Е. Н. Трубецкой. – Москва : Типография Сытина, 1916. – 44 с.

3. *Флоренский П. А., свящ.* Троице-Сергиева лавра и Россия / П. А. Флоренский // Андроник (Трубачев), игум. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – ISBN 978-5-95625-261-4. – С. 300–319.

4. *Васнецов, В. М.* Письмо к В. Т. Георгиевскому. 7 декабря 1890 г. // Виктор Васнецов : письма, новые материалы / авт.-сост. Л. Короткина. – Санкт-Петербург : АРС, 2004. – ISBN 5-900351-45-9. – С. 91.

5. *Бланков, Ж.* Рублев и Ван Эйк / Ж. Бланков // Андрей Рублев и его эпоха : сборник статей / под ред. М. В. Алпатова. – Москва : Искусство, 1971. – С. 270–273.

6. *Ремпель, Л. И.* Андрей Рублев и проблемы искусства Средневековья / Л. И. Ремпель // Андрей Рублев и его эпоха : сборник статей / под ред. М. В. Алпатова. – Москва : Искусство, 1971. – С. 245–249.

7. *Реснянский, С. И.* Духовно-нравственные ценности культуры Древней Руси второй половины XIV века / С. И. Реснянский. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_72 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 72–83.

8. *Феодосий (Васнев С. И.), митр.* Преподобный Сергий Радонежский и духовный подвиг его служения Церкви и Отечеству / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев). – DOI: 10/51216/2687-072X_2022_1_59 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 1 (18). – С. 59–73.

9. *Карунин, Е. А.* Педагогическое наследие Сергия Радонежского: духовно-нравственный аспект воспитания : специальность 13.00.01 «Общая педагогика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Карунин Евгений Александрович; Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова. – Москва, 2000. – 16 с.

10. *Бунин, И.* Миссия русской эмиграции : (речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года) / Иван Бунин // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-russkoy-emigratsii.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

Статья поступила в редакцию 17.06.2023
Статья поступила после рецензирования 13.10.2023.
Статья принята к публикации 30.10.2023.

UDC 37.034; 247.5

ON THE MODERN PERCEPTION OF CHURCH ART: SACRED AND ARTISTIC (BASED ON THE EXAMPLE OF THE "TRINITY" ICON BY REVEREND ANDREI RUBLEV)

Victoria Gusakova
PhD in History of Arts, Methodologist
Higher Diocesan Courses of Saint Righteous John of Kronstadt
Department of Religious Education and Catechesis
St. Petersburg Diocese
App.31, 107A Ligovsky Prospekt,
St. Petersburg
191119 Russia
E-mail: victoryspb78@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2924-6886

For citation: Gusakova V. O. On the modern perception of Church art: sacred and artistic (based on the example of the "Trinity" icon by Reverend Andrei Rublev) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_129. EDN: MYGYWX // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 129–147 pp. (In Russian)

Abstract

The purpose of the article is to analyze the iconographic and historical-artistic properties of the Trinity icon by Andrei Rublev and to show the peculiarities of the perception of church art as a sacred and artistic work in a museum and a temple. The relevance of the work is related to questions about returning the temple shrines of the Russian Orthodox Church. Modern

museums in their collections store many relics that should be returned to their original place.

Today there are three points of view on church art: this is art that has varying degrees of artistic value, characterizing and testifying to the uniqueness and originality of Russian culture; these are shrines of the Russian Orthodox Church, created for prayer and are part of worship; a position that combines the two previous points of view. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the meaning of acquaintance with the shrine, in particular the "Trinity" by Rev. Andrei Rublev, in the place originally designated for it – in the temple, and not in the museum, and the argumentation of the expediency of returning the icons to the temple not only from a theological point of view, but also from the position of spiritual and moral education of the individual.

The result of the article was the following conclusion: initially the icon was intended for prayer and participation in worship. Its place is in the temple, where it retains its artistic merits and performs its sacred functions.

Keywords: church art; Trinity icon; museum; temple; tradition of Orthodox culture; spiritual and moral education.

References

1. Gusakova V. O. Dukhovno-nravstvennoe vospitanie starsheklassnikov na osnove ikonografii "Troitsy" [Spiritual and moral education of high school students based on the iconography of the "Trinity"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya.* [Bulletin of Novgorod State University. Series: Pedagogy. Psychology.]. 2011, no. 64, pp. 20–23. (In Russian).

2. Trubetskoy E. N. *Umozrenie v kraskakh* [Speculation in colors]. Moscow, Sytin Printing House Publ., 1916, 44 p. (In Russian).

3. Florensky P. A., Priest Troitse-Sergieva lavra i Rossiya [Trinity Lavra of St. Sergius and Russia]. *Andronik (Trubachev), igumen Zakrytie Troitse-Sergievoi lavry i sud'ba moshchei prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v 1918 – 1946 gg.* [Andronik (Trubachev), abbot. Closing of the Trinity-Sergius Lavra and the fate of the relics of St. Sergius of Radonezh in 1918–1946]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church Publ., 2008, pp. 300–319. (In Russian).

4. Vasnetsov V. M. Pis'mo k V. T. Georgievskomu. 7 dekabrya 1890 g. [Letter to V. T. Georgievsky. December 7, 1890]. *Viktor Vasnetsov: pis'ma, novye materialy* [Viktor Vasnetsov: letters, new materials]. St. Petersburg, ARS Publ., 2004, pp. 91. (In Russian).

5. Blankov J. Rublev i Van Ek [Rublev and Van Eck]. *Sbornik statei "Andrei Rublev i ego epokha"* [Collection of Articles "Andrei Rublev and His Era"]. Moscow, Art Publ., 1971, pp. 270–273. (In Russian).

6. Rempel L. I. Andrei Rublev i problemy iskusstva Srednevekov'ya [Andrei Rublev and the problems of art of the Middle Ages]. *Sbornik statei "Andrei Rublev i ego epokha"* [Collection of Articles "Andrei Rublev and His Era"]. Moscow: Art Publ., 1971, pp. 245–249. (In Russian).

7. Resnyansky S. I. Dukhovno-nravstvennye tsennosti kul'tury Drevnei Rusi vtoroi poloviny XIV veka [Spiritual and moral values of the culture of Ancient Rus' in the second half of the 14th century]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_72 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 72–83. (In Russian).

8. Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan Prepodobnyi Sergii Radonezhskii i dukhovnyi podvig ego sluzheniya Tserkvi i Otechestvu [Venerable Sergius of Radonezh and the spiritual feat of his service to the Church and the Fatherland]. DOI: 10/51216/2687-072X_2022_1_59 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 1 (18), pp. 59–73. (In Russian).

9. Karunin E. A. *Pedagogicheskoe nasledie Sergiya Radonezhskogo: dukhovno-nravstvennyi aspect vospitaniya. Avtoref. diss. kand. ped. nauk* [Pedagogical Heritage of Sergius of Radonezh: Spiritual and Moral Aspects of Education. Diss. abstr., cand. of ped. sci.]. Moscow, 2000, 16 p. (In Russian).

10. Bunin I. Missiya russkoi emigratsii (rech', proiznesennaya v Parizhe 16 fevralya 1924 goda [Mission of Russian emigration (speech delivered in Paris on February 16, 1924)]. *Nauchnaya elektronnaya biblioteka "KiberLeninka"* [Scientific Electronic Library "CyberLeninka"]. (In Russian). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-russkoy-emigratsii.pdf (accessed: 15.06.2023).

Received 17 June 2023.
Reviewed 13 October 2023.
Accepted for press 30 October 2023.

УДК 75.057-056 (930.272)

https://elibrary.ru/nmpxfq

МИНИАТЮРЫ МАРИИНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Суслова Раиса Анваровна
кандидат исторических наук
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казанская православная духовная семинария
420015, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68
420036, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Челюскина, д. 31а
E-mail: tamias1@yandex.ru

Для цитирования: Суслова Р. А. Миниатюры Мариинского Евангелия в контексте византийской книжной традиции. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_148. EDN: NMPXFQ // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 148–170.

Аннотация

Мариинское Евангелие XI в. – древнейшее славянское глаголическое Евангелие, содержащее миниатюры с изображением евангелистов. Его привез в Россию из Афонского монастыря профессор Казанского университета и Казанской духовной академии В. И. Григорович в 1840-х гг. Ценность Мариинского Евангелия для историков Церкви, языковедов и филологов многократно подчеркнута. Его миниатюры изучены крайне недостаточно. Лишь немногие исследователи упоминают миниатюры, при этом называя их «неискусными» или выполненными «достаточно грубо» (Е. Л. Немировский). Их своеобразие требует осмысления и сравнения памятника славянского происхождения с византийским художественным наследием.

Помимо художественной проблематики, рассматривается особый подход создателя миниатюр к построению композиции. Миниатюры Мариинского Евангелия продолжают византийскую традицию создания миниатюр с евангелистами, украшенных изображением арки. Арка как в античном, так и византийском искусстве служила не только украшением

и символическим обозначением выделенного, сакрального пространства, но и геометрическим ориентиром, доказательством присутствия неких математических построений, заложенных в основу композиции. Символика и архитектоника миниатюр, содержащих арочные мотивы, в византийских иллюминированных евангелиях позволяет предположить, что их композиция основывается на строгом применении математических методов (спираль золотого сечения и другие).

В результате проведенного исследования показана преемственность некоторых художественных приемов, которые христианское искусство перенимает от Античности, но переосмысляет и делает свидетельством христианской догматики.

Ключевые слова: Мариинское Евангелие; глаголица; византийская миниатюра; золотое сечение; композиция.

Введение

Мариинское Евангелие – уникальный памятник с уникальной историей (Казань – первый город его хранения в России в XIX веке). Его ценность для историков Церкви, языковедов и филологов многократно подчеркнута. Рукопись, написанная глаголицей на пергамене, представляет пример старославянского языка сербской редакции. В научной литературе Евангелие датируется рубежом X–XI века. В болгарской и македонской научной литературе она известна как Codex Marianus.

В статье анализируется символика и архитектоника миниатюр Мариинского Евангелия, содержащих арочные мотивы. Цель исследования – определить закономерности композиционного построения подобных миниатюр. Выдвигается гипотеза, что их композиция основывается на строгом применении математических методов (спираль золотого сечения (спираль Фибоначчи), замкнутая в круг, и квадратура круга). Делается попытка проследить истоки подобного подхода и предположить богословскую символику тех или иных геометрических закономерностей.

Актуальность темы обусловлена проблемой взаимодействия различных культур (в данном случае византийской и славянской).

Научная новизна исследования обусловлена поиском математических закономерностей, примененных при создании миниатюр в древнейшем славянском глаголическом Евангелии.

История памятника

Основную часть рукописного кодекса (171 лист) в XIX веке нашел русский филолог-славист, историк, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Казанского университета (1847–1863) и Казанской духовной академии (1854–1856), профессор Московского университета (1849–1850) Виктор Иванович Григорович. В Казанском университете В. И. Григорович преподавал с 1839 г. Отсюда он отправился в заграничную командировку в 1844–1847 гг. по территории Османской империи, бывшей тогда для славистов Terra incognita. Это было крайне опасным путешествием.

Принято считать, что знаменитая глаголическая рукопись была найдена на Афоне в русском скиту Пресвятой Богородицы, в честь которой и была названа. По мнению Е. Л. Немировского, местом приобретения рукописи была Лавра святого Афанасия на Афоне [1].

Рукопись была привезена в Казань и хранилась в коллекции В. И. Григоровича. О личности Григоровича, неутомимого исследователя, для которого научные изыскания были главным и единственным делом жизни, красноречиво говорит его согласие безвозмездно читать курс славянской палеографии в Казанской духовной академии. Встретив живой интерес со стороны студентов Академии к своим исследованиям, В. И. Григорович стал «родным для академии, приглашал студентов к себе на квартиру для бесед, показывал им сокровища своей библиотеки и делился с ними своими громадными знаниями» [2, с. 386]. Самым ценным приобретением в его жизни было Мариинское Евангелие, которое он берег «как зеницу ока»[1]. После смерти Григоровича рукопись поступила в Румянцевский музей в Москве, ныне – Российская государственная библиотека (Отдел рукописей РГБ, Ф. 87 Собрание рукописных книг В. И. Григоровича, № 6, Мариинское Евангелие).

По мнению первого издателя полного текста Мариинского Евангелия, выдающегося хорватского филолога-славяниста XIX века

[1] В воспоминаниях о профессоре его современник А. И. Соколов писал: «Однажды, показывая мне новые шкапы своей библиотеки, он сказал, что изготовил мешки, чтобы в случае пожара удобнее было вытаскивать книги. А если нельзя будет спасти библиотеку, прибавил он, то спасу только вот этот шкаф, (в котором находились отборные рукописи); а если и его нельзя будет спасти, то захвачу только мое глаголическое Евангелие, и предоставлю все остальное огню» [1, s. 55].

Игнатия Ягича, книга содержит древнейший славянский перевод Четвероевангелия. Про миниатюры И. Ягич не упоминает [3]. Ничего о миниатюрах не говорит и А. Будилович в рецензии на книгу Ягича [4]. Филологический разбор, также без упоминания миниатюр, содержится в исследовании П. Бузук начала XX в. [5].

Личность создателя книги до сих пор не установлена. Одни исследователи считают, что книга была написана сербом, другие – болгарином, третьи – македонцем или хорватом. Основанием служит филологический, языковедческий анализ. Однако, обращаясь к художественным особенностям рукописи, мы можем получить дополнительные сведения. Художественное убранство было неотъемлемой частью рукописной книги, особенно когда речь шла о Евангелии. По мнению Е. Немировского, в эпоху, к которой принадлежит Мариинское Евангелие, «переписчик чаще всего был и художником, лишь позднее эти специальности разделились» [6, с. 237–238]. Это важный аспект, который придает изображениям дополнительный смысл, делая их историческим источником.

В XIX веке исследователь славянских и восточных орнаментов В. В. Стасов выделил и описал болгарский, сербский, чешский, польский, южно-русский типы орнамента XI–XII вв. Ученый считал, что указанная рукопись определенно относится к Адриатическому побережью, македонскому типу (Македонии XI в.). Особую благодарность В. В. Стасов выразил профессору Ягичу за помощь в атрибуции глаголической рукописи [7, с. 112].

Современный исследователь Флорин Курта считает, что Мариинское Евангелие могло быть создано либо в Охриде, либо в одном из монастырских центров региона [8, p. 285].

Анализ миниатюр

Рукопись украшена плетеным и растительным орнаментом. Ее главная отличительная черта – самые древние на сегодняшний день в славянском глаголическом, а возможно, во всем славянском наследии три миниатюры, на которых красками и чернилами изображены евангелисты Марк, Лука и Иоанн. Традиция предварять Евангелия изображениями евангелистов сложилась еще в ранневизантийском искусстве. Евангелия VI в. показывают нам евангелистов, сидящих за работой или стоящих со свитком или кодексом

в руках (Евангелие Гаримы, Еванглие Равуллы, Евангелие Россано и др.). Период XI–XII вв. стал временем расцвета книжной миниатюры Византии и стран византийского круга (сербские, македонские, болгарские, русские земли). О Мариинском Евангелии писал Е. Л. Немировский: «Евангелисты изображены во весь рост, что для славянской рукописной традиции, вообще говоря, не характерно. Обычно их изображали сидящими и пишущими» [1, s. 35].

Искусство Македонии и Сербии XI в. многое перенимает у византийской культуры, но имеет свои особенности, при этом между собой македонское и сербское искусство невозможно строго разделить, настолько они взаимосвязаны. Английский историк искусства Девид Тальбот Райс описывал этот период в искусстве Македонии и Сербии как «странный нарочитый стиль», в котором сочетаются «любовь к странным угловатым линиям, поражающая не только в изображении телесных форм (часто сильно искаженных), но... и в очертаниях лиц с чрезмерно подчеркнутой линейной стилизацией» [9, с. 176].

Возможно, эта угловатость, линейность, жесткость и скупость форм, непропорциональность фигур в миниатюрах Мариинского Евангелия вызывает ощущение, что они сделаны «достаточно грубо» [10, с. 322] или «довольно неискусно»[2].

По мнению О. С. Поповой, можно говорить о существовании двух стилей в византийском искусстве: первый – «вариации на темы античной классики» и второй – «аскетичная» манера с упрощенными формами, куда включается «простоватая и выразительная» стилистика, характерная для удаленных от столиц монастырей. При этом аскетический и даже несколько архаизированный второй вариант изображения не умаляет художественной ценности, и самое главное, как считает О. С. Попова, и в первом, и во втором случаях «классика остается основой художественного строя – таковы были базовые византийские ценности» [11, с. 9].

Возможно ли соотнести классификацию О. С. Поповой о стилистике византийских миниатюр с Мариинским Евангелием, т.е. памятником славянского происхождения? Распространяется ли мысль о классике как базовой византийской практике

[2] Мариинское Евангелие // Русский язык: через прошлое в будущее : сайт Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. URL: https://starorus.oreluniver.ru/pamatniki-staroslovanckoi-pasmenocti/mariinskoe-evangelie/ (дата обращения: 01.10.2022).

на страны Византийского круга? Для ответа на эти вопросы следует проанализировать архитектонику миниатюр Мариинского Евангелия.

Собственная древняя традиция христианских изображений Сербии и Македонии сохранилась в росписи гробницы IV в. в сербском городе Ниш. Здесь изображены четыре фигуры апостолов в белых одеяниях. Как пишет В. Джурич, «сходство росписей нишской гробницы с раннехристианской живописью римских катакомб конца IV и самого начала V века свидетельствует о том, что римляне, жившие в Нише, поддерживали тесные связи со столицей. Вплоть до 40-х годов V века, пока гунны во главе с Атиллой не разрушили древний Наисус (Ниш), в нем процветала культура, соединившая в себе влияния Востока и Запада» [12, с. 22].

Стилистика изображения апостола Павла из Ниша (несколько тяжеловесная, схематичная, упрощенная) напоминает миниатюры Мариинского Евангелия (см. Рис. 1). Особенно похож ракурс фигуры: опора на одну левую ногу, далеко отставленная правая нога, диагонали складок гиматия, непропорционально большая кисть правой руки. Возможно, через пять веков именно этот образ вдохновил создателя Мариинского Евангелия.

С византийским завоеванием балканских земель в XI в. Охрид стал центром архиепископии и «культурным оплотом Византии в Македонии»: «...сюда приезжали люди, занимавшие видное место в самом Константинополе. Они приносили в Охрид обычаи и художественные идеалы столицы» [12, с. 25]. Искусство этого времени (фрески) В. Джурич описывал как «суровое по духу, лишенное смягченных лирических черт и классических реминисценций. Цель этого искусства – представить духовные идеалы аскетизма, провозгласить отрешение от всего земного, пренебрежение красотой материального, физического» [12, с. 30]. Исследователь делает вывод, что монументальное искусство Македонии XI в. отмечено печатью «“монашеского” направления» [12, с. 35]. Эта мысль исследователя согласуется с классификацией О. С. Поповой об аскетическом стиле в византийском искусстве. Драматичный, экспрессивный стилистический язык создает особый «мистический мир изображений» [12, с. 35]. Этот мир «воздействует необычайно убедительно своей серьезностью, духовностью, желанием не столько приукрашивать и идеализировать изображаемое, сколько сделать

его средством выражения религиозных убеждений и догматических истин» [12, с. 35].

Столь глубокая характеристика монументального искусства может быть отнесена и к искусству книжной миниатюры, и в полной мере соответствует миниатюрам Мариинского Евангелия. Образ евангелиста Луки производит самое сильное впечатление. В отличие от аскетичного, кроткого, сухощавого евангелиста Марка, Лука предстает мощным, атлетичным, даже брутальным, с крупной и массивной фигурой, почти лишенной шеи (Рис. 2.). Лик его поражает напряженным и даже экзальтированным взглядом глаз, расставленных так далеко, что они оказываются по краям лица.

Манера изображения очень непроста: с одной стороны, она условна, обобщена, схематична, далека от столичной, детализированной, классической. С другой стороны, этими скупыми средствами автору удается передать индивидуальность, энергичность, предельную конкретность образа и при этом особую истовость и суровость религиозного чувства. Эмоциональное содержание изображения как бы выбивается из традиционного: здесь нет ни благостной атмосферы мастерской, ни изображения умиротворяющего труда, ни кроткого или молитвенного образа евангелиста за работой. Некоторые детали изображения могут вызвать недоумение: правая рука евангелиста написана с большой свободой при полном игнорировании анатомического правдоподобия и похожа больше на крыло птицы или ветку дерева. Плечи кажутся круглыми, но мощная шея не дает ощущения покатости. Очертание головы как бы срезано сверху и скошено по углам. Проекция этого очертания отражена в контуре лица. Странным выглядит несоответствие круглых плеч и квадратной головы привычным, наивным представлениям об изображении человеческой фигуры: в них всегда голова круглая, а плечи – квадратные.

Цветовое решение миниатюр весьма примечательно: их можно было бы назвать графическими, если бы не присутствие размытых мазков зеленого и красного цвета. Подобная манера «тонированного» изображения в миниатюрах не уникальна для XI в. Миниатюру можно было бы назвать упрощенной, безыскусной, непрофессиональной, даже небрежной, далекой от высоких столичных образцов, если бы не присутствие полуциркульной арки над головой евангелиста. Ее точный, тонкий, выполненный сдвоенной линией

рисунок говорит об особой тщательности и скрупулёзности исполнения. Каково ее назначение? Она не имеет опор, ее завершают цветочные грозди, она как бы висит в воздухе, нимбом ее назвать сложно, хотя другого нимба над головой евангелиста нет, что невозможно представить в христианском искусстве.

Композиционное построение миниатюр

Арка как в античном, так и византийском искусстве служила не только украшением и символическим обозначением выделенного, сакрального пространства, но и геометрическим ориентиром, доказательством присутствия неких математических построений, заложенных в основу композиции. Символика и архитектоника миниатюр, содержащих арочные мотивы, в византийских иллюминированных Евангелиях позволяет предположить, что их композиция основывается на строгом применении математических методов.

Анализ геометрии миниатюры позволяет достроить внутренний контур арки до окружности. Если по верхней «срезанной» линии головы провести горизонталь, получится хорда, которую можно достроить до квадрата. Он идеально укладывается между цветочными кистями. Площадь получившегося квадрата равна площади круга, образованного аркой (Рис. 3). Перед нами решение знаменитой задачи о квадратуре круга, которую решали многие поколения математиков древности.

Получившийся квадрат можно повторить, построив его по линиям скосов головы надо лбом. При этом верхние углы двух получившихся квадратов (наклонных) будут лежать на линии окружности, а боковые углы – на крайних внутренних точках цветочных гроздей (Рис. 4).

Не менее примечательны и линии бороды евангелиста: они тоже прямые и скошенные. Если достроить их внутри получившихся наклонных квадратов, они разделят стороны квадратов на два отрезка в соотношении пропорции золотого сечения (пунктир на Рис. 5). При этом голова евангелиста идеально очерчивается квадратом.

Если объединить два наклонных квадрата, то выстраивается большой прямоугольный, равнобедренный треугольник, вертикаль которого совпадает с внешним контуром арки. Нижний угол

лежит на отставленной правой ноге на внешней точке ремешка сандалии, на зеленой линии (стрелке, продолжающей направление ноги). Верхний угол предположительно совпадает с краем страницы. Нижнее ребро треугольника совпадает с краем одеяния евангелиста. Прямой угол треугольника также лежит на линии внешнего контура арки. Таким образом, высота – медиана – биссектриса прямого угла совпадают и равны наружному диаметру арки (Рис. 6).

Из нижнего угла в 45 градусов по линиям рисунка можно провести два луча: один к отчетливо видимой точке в центре арки, а другой – через плечо евангелиста к углу первого квадрата. Первый луч продолжает зеленую линию – «стрелу» вдоль ноги и проходит через скос головы, второй как бы намечен зеленой линией на левом плече евангелиста (Рис. 7). Два этих луча делят нижний угол треугольника на три равных угла по 15 градусов. Перед нами еще одна знаменитая задача древности о трисекции угла.

Следующий этап построений связан очертанием фигуры евангелиста. Если по нижним точкам наклонных квадратов провести горизонталь, от нее выстраивается равносторонний треугольник, который идеально очерчивает верхнюю половину фигуры. Равносторонний, или правильный, треугольник издревле был символом красоты и гармонии: стороны и углы равны, биссектрисы, медианы, высоты каждого угла равны и совпадают. При их построении они пересекаются в отчетливо обозначенной точке на конце мизинца правой руки евангелиста. Из этой точки можно построить окружность, вписанную в треугольник, которая совпадает с круглой линией плеч (Рис. 8). Таким образом находят объяснение «нетипичные» очертания головы и плеч – они подчинены геометрическим построениям, заложенным в основу композиции.

Свое объяснение получает и необычная кисть руки евангелиста: из найденной точки на конце мизинца можно построить малую окружность, которая как бы задается изгибом кисти и совпадает с ним. Из центра получившегося малого круга можно выстроить спираль одинарным (малым), двойным, тройным, пятикратным и восьмикратным радиусом. Получается знаменитая спираль золотого сечения, или спираль Фибоначчи, которую можно замкнуть в круг (Рис. 9).

Знаменитый числовой ряд Фибоначчи имеет троичную структуру (два соседних числа в сумме дают третье) и золотую пропорцию в соотношении соседних чисел. Хотя итальянский математик еще

не родился в момент создания миниатюры, принцип золотой спирали был известен с глубокой древности и применялся в античном и ранневизантийском искусстве [13].

Примечательно, что получившаяся большая окружность совпадает с ремешком сандалии на отставленной ноге внизу, а вверху касается головы. Если продолжить имеющуюся на рисунке линию – «стрелу» вдоль ноги, то она приходит к точке в центре арки. Внутри большой окружности она образует хорду, фактически равную росту евангелиста. От этой хорды можно выстроить квадрат. Площадь получившегося большого квадрата равна площади большого круга. Это еще один пример квадратуры круга, заложенный в миниатюру (Рис. 10).

Фигура евангелиста вписана в круг и квадрат, равные по площади. Высота фигуры, соотношение частей, кажущаяся непропорциональность, расположение многих линий рисунка оказываются подчинены сложнейшему геометрическому замыслу.

Миниатюра с евангелистом Марком внешне отличается от предыдущей. Изображение евангелиста создает образ аскета, старца, худого, почти бестелесного. Лик его полон печали и страдания. Длинное тонкое лицо с треугольной бородой окружено нимбом из нескольких концентрических колец. Его фигура, как и в первой миниатюре, опирается на левую ногу, правая отставлена (Рис. 11).

Бросается в глаза разница в изображении ног: правая (отставленная) выглядит худой, иссохшей, похожей на косточку, тогда как левая (опорная) – объемная, мощная, с дважды нарисованным носком, будто для увеличения ступни.

Голова евангелиста кажется резко обрезанной по бокам. Если по этим вертикальным линиям обреза головы начертить хорды внутри нимба, то можно построить 2 квадрата, частично перекрывающие друг друга на ширину головы евангелиста (Рис. 12). Площадь каждого из получившихся квадратов равна площади круга, образованного внешней линией нимба.

По крайней левой линии получившихся квадратов можно провести вертикаль: она касается крайней точки одежд над рукой, совпадает с изломом линии бедра и проходит через центральную точку пересечения ремешков сандалии. От этой вертикали можно построить прямоугольный равнобедренный треугольник, ребра которого (катеты) касаются и совпадают с линией макушки на голове

и с линией приподнятого носка левой ноги евангелиста (Рис. 13). Становится понятной причина увеличения носка ноги: видимо первоначальный рисунок отступил от задуманной схемы.

Как и в предыдущей миниатюре, кисть правой руки евангелиста позволяет наметить малую окружность. Центром ее становится мизинец. Из этой точки выстраивается спираль Фибоначчи, и, при замыкании ее в круг, она не только описывает фигуру евангелиста, но и касается сторон прямоугольного треугольника. Примечательно, что окружность проходит по макушке головы, касается края висящих складок одежды и приходит к точке сгиба (излома) носка левой опорной ноги евангелиста (Рис. 14).

Фигура евангелиста занимает ровно половину круга и вписана в равнобедренный треугольник. В результате становится понятным, почему фигура кажется несколько непропорциональной: линия талии делит ее на две равные половины, каждая из которых занимает свою четверть круга.

Внутри получившейся окружности линии рисунка позволяют построить два квадрата, один угол которых совпадает и лежит на стороне круга и одновременно линии медианы – биссектрисы – высоты прямого угла треугольника. Площади этих квадратов в сумме равны площади круга: очень оригинальный вариант решения задачи о квадратуре круга (Рис. 14).

Если же взять высоту евангелиста внутри окружности (от центра макушки до точки излома носка, который художник дорисовывает поверх первоначальной маленькой ступни), то получается хорда (Рис. 15). Эта хорда позволяет достроить ее до квадрата. Площадь полученного квадрата будет равна площади круга. Таким образом, в миниатюре заложен еще один вариант решения задачи о квадратуре круга. Вероятно, мы видим взаимосвязь множества разных закономерностей евклидовой геометрии.

Третья миниатюра с изображением евангелиста Иоанна во многом повторяет композиционную схему с евангелистом Лукой: арка над головой, тяжеловесность фигуры, скошенная по углам голова, далеко расставленные глаза. Однако выражение лика – самое неуловимое: взгляд кажется застывшим. Из всех трех миниатюр именно здесь глаза изображены наиболее схематично. На восприятие влияет еще и расплывшаяся зеленая краска, скрывающая нижнюю часть лица (Рис. 16).

Изображение фигуры не кажется убедительным: как и в предыдущих миниатюрах, правая нога евангелиста отставлена и не является опорной, но и левая, будто согнутая в колене, не выглядит опорой.

Геометрия миниатюры во многом сходна с построением образа евангелиста Луки: наружная линия арки служит основой круга, по горизонтали верхней линии головы выстраивается квадратура круга, наклонные квадратуры позволяют построить прямоугольный треугольник, обращенный вниз углом в 45 градусов (Рис. 17).

Из мизинца выстраивается спираль золотого сечения, красиво совпадает с линией приподнятого носка левой ноги и стремится (вероятно) к носку правой ноги (страница срезана) (Рис. 18).

Спираль, замкнутая в круг, повторяет предыдущие композиции: фигура занимает ровно половину круга. Интересно, что здесь круг не внутри треугольника, а описан вокруг него (Рис. 19). Короткие стороны треугольника становятся хордами большой окружности.

Приподнятая левая нога евангелиста задает еще одну хорду, короткую. Эта хорда становится стороной правильного шестиугольника, вписанного в круг. Евангелист занимает половину круга, половину шестиугольника и вписан в прямоугольный треугольник (Рис. 19). Все геометрические построения соотнесены с размером фигуры евангелиста и диаметром арки над его головой.

Заключение

Даже неполный анализ геометрии миниатюр показывает, насколько глубоким, сложным и продуманным был подход художника к их созданию. Это вызывает ряд вопросов: во-первых, для чего нужно было под образным слоем миниатюры закладывать геометрические построения? во-вторых, каковы истоки подобной традиции?

1. Многочисленные наложения разнообразных геометрических фигур, которые связаны между собой размерами и взаимоположением, в итоге оказываются звеньями единого построения, которое проявлено в линиях рисунка, расположении фигур и даже их жестах. В результате мы можем предположить, что все элементы миниатюры могли быть подчинены единому принципу, структурирующему композицию. В основе этого принципа лежит спираль

золотого сечения, которая образует круг, и квадратура этого круга. В ряде случаев элементом миниатюр является правильный треугольник, присутствуют другие формы треугольника и решение задачи о трисекции угла. Геометрический принцип оказывается проявлен через взаиморасположение предметов, деталей и линий рисунка.

Слово и Образ в культуре Византии и всей православной культуре после VII Вселенского Собора были признаны двумя путями Богопознания. Математика же не относится ни к тому, ни к другому, однако несет в себе таинственную гармонию. Возможно, средневековые ученые и богословы почувствовали, что только с приходом христианства открылся подлинный смысл и предназначение математики – проявленное в земном бытии доказательство истинности христианского учения и божественного мироустройства.

Для христианского миропонимания троичная символика чисел при построении спирали золотого сечения (спирали Фибоначчи, «кривой жизни») могла быть доказательством Божественного замысла мироустройства и отражением догмата о Троице. Правильный треугольник мог быть символом Триединства Бога. Задача о трисекции угла могла трактоваться как свидетельство учения о трех Лицах Единого Бога. Символика квадрата и круга могла прочитываться как земное (квадрат) и небесное (круг), а настойчивое стремление обозначить квадратуру круга могло быть указанием на равенство Божественной и человеческой природы Спасителя.

Именно поэтому мы видим своеобразное упоение и восторг средневекового мастера, который может творить всевозможные геометрические формы, экспериментируя и совершенствуя предыдущий опыт, при этом подобные эксперименты не являются «игрой в бисер», а наполняются высочайшим смыслом, превращаясь в своеобразную форму богословия.

2. Истоки этой традиции были заложены в ранневизантийское время, когда Античность с ее архитектурой, философией, математикой, астрономией, словесностью как бы проверялась на соответствие христианскому богословию. Все, что было опорочено языческим культом, отбрасывалось, но то, что согласовывалось и могло подтвердить учение христианства, стало достоянием византийской культуры. Отцы Церкви IV–VI веков, сами прекрасно знавшие античное наследие, творили христианскую культуру, наполненную

новым пониманием красоты. В этой красоте были неразрывно слиты молитвенно-аскетические, богословские, научные (математические) и художественные (Образные) способы познания Бога. Для самой же Византии образцом использования спирали золотого сечения и квадратуры круга в искусстве послужили античные произведения [13].

Мариинское Евангелие доказывает, что в восточно-христианской традиции создатели миниатюр в Евангелиях используют единую, строгую и хорошо разработанную геометрическую систему, которая становится основой построения композиции. При этом геометрические построения не являются самоцелью, а могут нести символический и богословский смысл. Используя все это, мастер Мариинского Евангелия создал миниатюры, внешне кажущиеся менее искусными, чем византийские, но предельно выразительные в художественном отношении и поразительно оригинальные по композиционному решению.

Список литературы

1. *Немировский, Е. Л.* К истории открытия и первичного изучения глаголического Мариинского четвероевангелия / Е. Л. Немировский // Slovo : časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. – Zagreb, 1999. – Br. 47/49. – S. 33–56.

2. *Знаменский, Н.* История Казанской духовной академии в первый дореформенный период ее существования (1842–1870) / Н. Знаменский. – Казань : Типография Императорского университета, 1891. – 381 с.

3. *Ягич, И. В.* Мариинское Четвероевангелие : памятник глаголической письменности с примечаниями и приложениями / И. В. Ягич. – Санкт-Петербург : Отделение русского языка и словесности Академии наук, 1883. – 607 с.

4. *Будилович, А.* Мариинское Евангелие с примечаниями и приложениями / А. Будилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – Март. – С. 152–169.

5. *Бузук, П. А.* Замечания о Мариинском Евангелии : (продолжение) / П. Бузук // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук 1924 года. – Ленинград, 1925. – Т. 29. – С. 307–368.

6. *Немировский, Е. Л.* История славянского кирилловского книгопечатания XV – начало XVII века. В 3 кн. Кн. 2, ч. 1 / Е. Л. Немировский. – Москва : Наука, 2005. – 475 с. – ISBN 5-02-010213-X.

7. *Стасов, В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени / собрал и исследовал Владимир Стасов. – Репр. воспр. изд. 1887 г. – Москва : Белый город, 2018. – 162 с. – ISBN 978-5-77-934994-9.

8. *Curta, F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250 / Florin Curta. – Cambridge University Press, 2006. – 528 p. – (Cambridge Medieval Textbooks). – ISBN 9780511815638.

9. *Райс, Д. Т.* Искусство Византии / Дэвид Тальбот Райс. – Москва : Слово, 2002. – 256 с. – ISBN 5-85050-594-6.

10. *Немировский, Е. Л.* История славянского кирилловского книгопечатания XV – начала XVII века. В 3 кн. Кн. 3. Начало книгопечатания в Валахии / Е. Л. Немировский. – Москва : Наука, 2008. – 716 с. – ISBN 978-5-02-033900-2.

11. *Попова, О. С.* Образы и стиль византийского искусства второй половины X–XI в. на миниатюрах греческих рукописей / О. С. Попова // Византийская миниатюра второй половины X – начала XII в. / О. С. Попова, А. В. Захарова, И. А. Орецкая. – Москва : Гамма-пресс, 2012. – ISBN 978-5-9612-0032-4. – С. 8–111.

12. *Джурич, В.* Византийские фрески : средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония / Воислав Джурич ; пер. с серб. – Москва : Индрик, 2000. – 592 с. – ISBN 5-85759-125-2.

13. *Суслова, Р. А.* Изображение арки в ранневизантийских иллюминированных Евангелиях: символика, геометрия, генезис / Р. А. Суслова. – DOI: 10.30853/mns210307 // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 8. – С. 1745–1756.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 19.10.2023.
Статья принята к публикации 25.10.2023.

Рисунок 1. Ниш. Раннехристианская гробница. Апостол Павел. Конец IV в. [12]

Рисунок 2. Евангелист Лука. Источник: Отдел рукописей РГБ. Ф. 87. Собрание рукописных книг В. И. Григоровича. № 6. Мариинское Евангелие

Рисунок 3. Евангелист Лука. Схема построения квадратуры круга

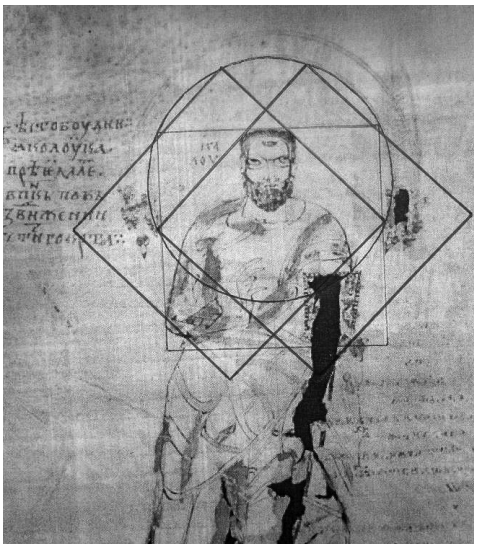

Рисунок 4. Евангелист Лука. Двойная квадратура круга

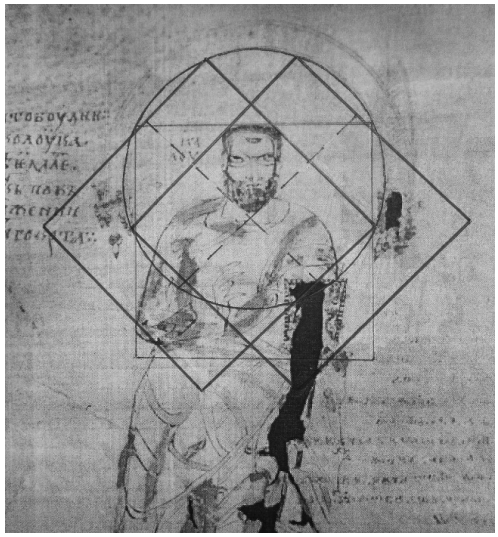

Рисунок 5. Евангелист Лука.
Золотое сечение

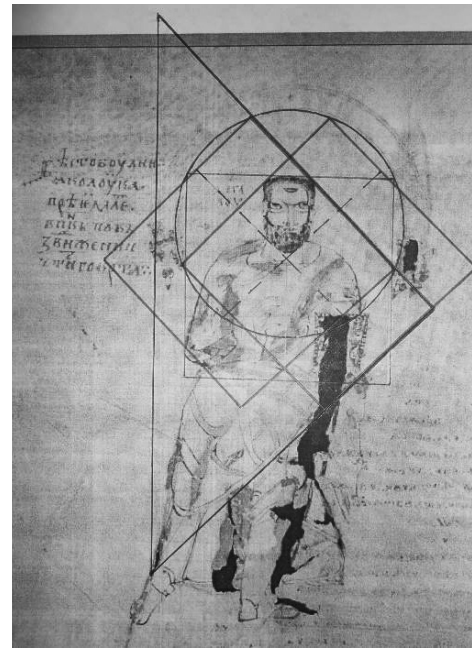

Рисунок 6. Евангелист Лука.
Равнобедренный прямоугольный
треугольник

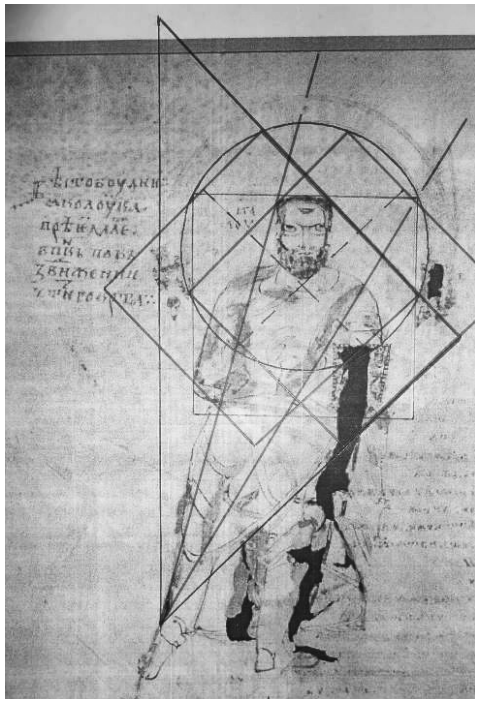

Рисунок 7. Евангелист Лука.
Схема трисекции угла

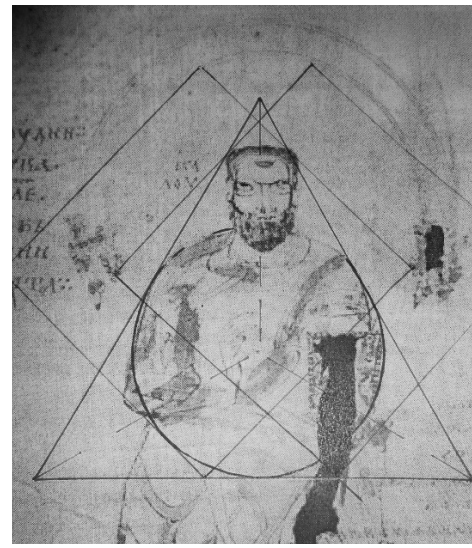

Рисунок 8. Евангелист Лука.
Схема. Правильный треугольник

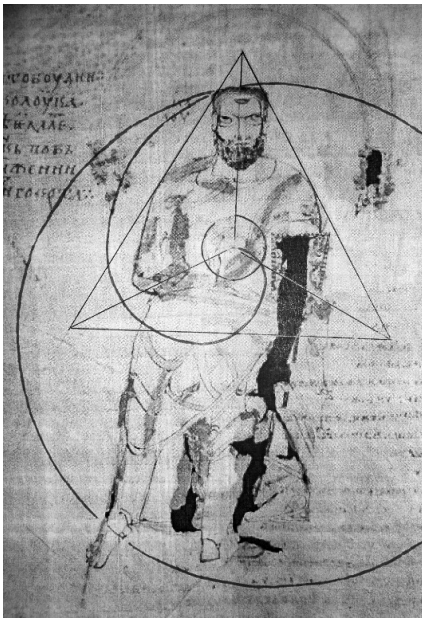

Рисунок 9. Евангелист Лука. Схема. Спираль золотого сечения

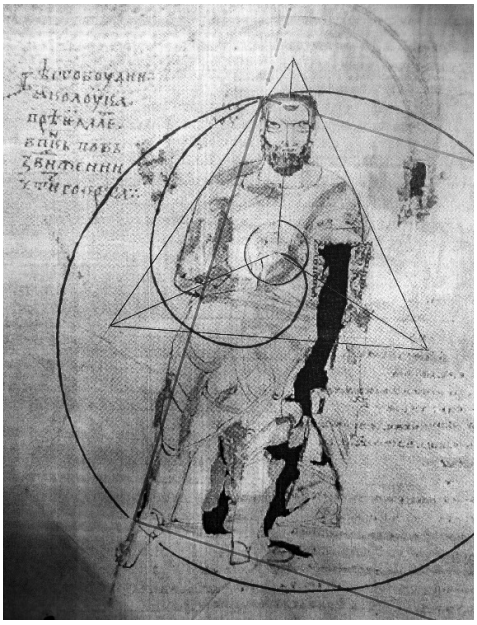

Рисунок 10. Евангелист Лука. Схема композиционного построения

Рисунок 11. Евангелист Марк. Источник: Отдел рукописей РГБ. Ф. 87. Собрание рукописных книг В. И. Григоровича. № 6. Мариинское Евангелие

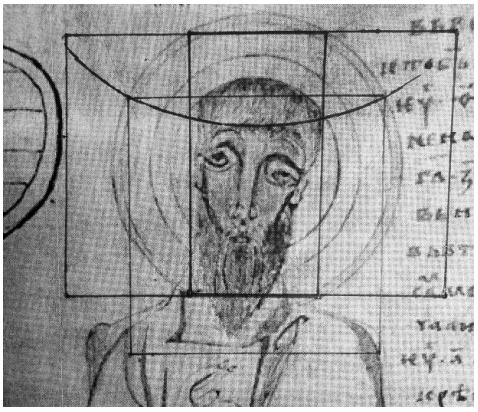

Рисунок 12. Евангелист Марк. Квадратура круга

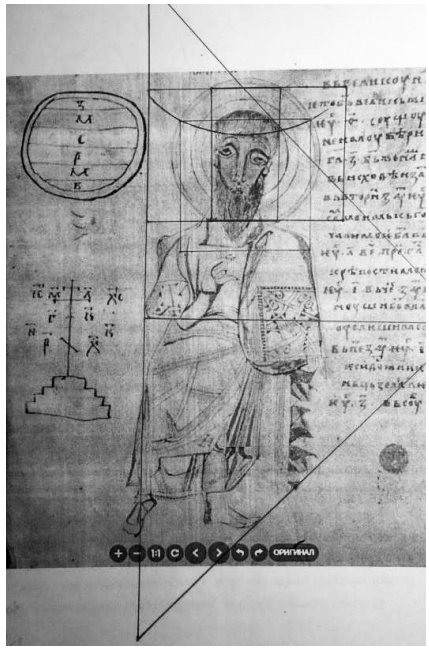

Рисунок 13. Евангелист Марк. Равнобедренный треугольник

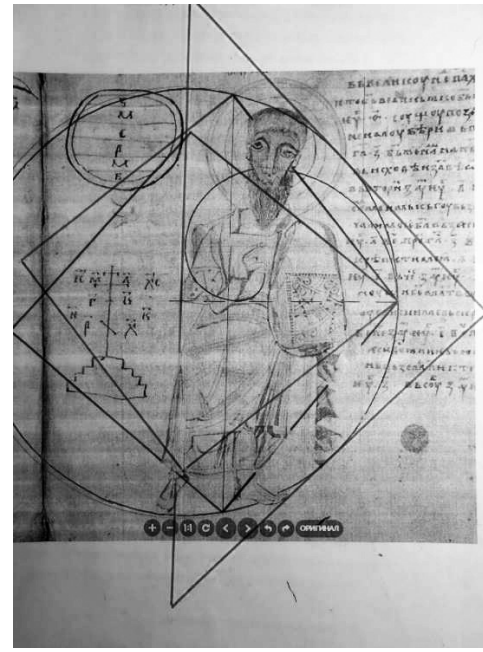

Рисунок 14. Евангелист Марк. Спираль Фибоначчи и квадратура круга из двух малых квадратов

Рисунок 15. Евангелист Марк. Квадратура круга

Рисунок 16. Евангелист Иоанн. Источник: Отдел рукописей РГБ. Ф. 87. Собрание рукописных книг В. И. Григоровича. № 6. Мариинское Евангелие

Рисунок 17. Евангелист Иоанн. Прямоугольный треугольник и двойное решение квадратуры круга

Рисунок 18. Евангелист Иоанн. Спираль Фибоначчи

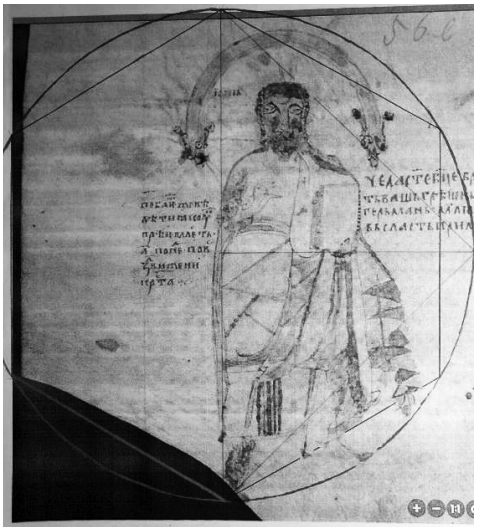

Рисунок 19. Евангелист Иоанн. Композиционное решение

UDC 75.057-056 (930.272)

MINIATURES OF THE MARIINSKY GOSPEL (CODEX MARIANUS) IN THE CONTEXT OF THE BYZANTINE BOOK TRADITION

Raisa Suslova
PhD in History
Kazan National Research Technological University
Kazan Orthodox Theological Seminary
68 Karl Marx Street, Kazan, 420015, Russia
31a Chelyuskina Street, Kazan, 420036, Russia
E-mail: tamias1@yandex.ru

For citation: Suslova R. A. Miniatures of the Mariinsky Gospel (Codex Marianus) in the context of the Byzantaine book tradition DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_148. EDN: NMPXFQ // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 148–170 pp. (in Russian)

Abstract

The Mariinsky Gospel (Codex Marianus) of the 11th century is the oldest Slavic Glagolitic Gospel, containing miniatures depicting the evangelists. It was brought to Russia from the Athos Monastery by the professor of the Kazan University and the Kazan Theological Academy V. I. Grigorovich in the 1840s. The value of the Mariinsky Gospel for Church historians, linguists and philologists has been repeatedly emphasized. His miniatures have been studied extremely insufficiently. Only a few researchers mention miniatures, calling them "unskillful" or made "rather roughly" (E. L. Nemirovsky). Their originality requires comprehension and comparison of the monument of Slavic origin with the Byzantine artistic heritage.

In addition to artistic issues, the author considers the miniature creator's special approach to composition. Miniatures of the Mariinsky Gospel continue the Byzantine tradition of creating miniatures with the evangelists, decorated with the image of an arch. The arch, both in ancient and Byzantine art, served not only as decoration and symbolic designation of a dedicated, sacred

space, but also as a geometric landmark, proof of the presence of certain mathematical structures underlying the composition. The symbolism and architectonics of the miniatures containing arched motifs in the Byzantine illuminated gospels suggests that their composition is based on the strict application of mathematical methods (the spiral of the golden ratio and others).

As a result of the study, the continuity of some artistic techniques is shown, which Christian art adopts from Antiquity, but reinterprets and makes evidence of Christian dogma.

Keywords: Mariinsky Gospel; Glagolitic; Byzantine miniature; golden ratio; composition.

References

1. Nemirovsky E. L. K istorii otkrytiya i pervichnogo izucheniya glagolocheskogo Mariinskogo chetveroevangeliya [On the history of the discovery and primary study of the Glagolitic Mariinsky Four Gospels]. *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*. Zagreb, 1999, no. 47/49, pp. 33–56. (In Russian).

2. Znamensky N. *Istoriya Kazanskoi dukhovnoi akademii v pervyi doreformennyi period ee sushchestvovaniya (1842-1870)* [History of Kazan Theological Academy in the first pre-reform period of its existence (1842–1870)]. Kazan, Imperial University Publ., 1891, 381 p. (In Russian).

3. Yagich I. V. *Mariinskoe Chetveroevangelie: pamyatnik glagolicheskoi pis'mennosti s primechaniyami i prilozheniyami* [Mariinsky Four Gospels: a monument of Glagolitic writing with notes and appendices]. St. Petersburg, Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences Publ., 1883, 607 p. (In Russian).

4. Budilovich A. Mariinskoe Evangelie s primechaniyami i prilozheniyami [Mariinsky Gospel with notes and appendices]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1884, March, pp. 152–169. (In Russian).

5. Buzuk P. A. Zamechaniya o Mariinskom Evangelii [Notes on the Mariinsky Gospel]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences], 1924, Leningrad, 1925, vol. 29, pp. 307–368. (In Russian).

6. Nemirovsky E. L. *Istoriya slavyanskogo kirillovskogo knigopechataniya XV – nachala XVII veka* [History of Slavic Cyril printing of the 15th - early 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2005, book 2, part 1, 475 p. (In Russian).

7. Stasov V. *Slavyanskii i vostochnyi ornament po rukopisyam drevnego i novogo vremeni* [Slavic and eastern ornament based on manuscripts of ancient and modern times]. Moscow, White City Publ., 2018, 162 p. (In Russian).

8. Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge University Press Publ., 2006, 528 p. (In English).

9. Rice D. T. *Iskusstvo Vizantii* [The Art of Byzantium]. Moscow, Slovo Publ., 2002, 256 p. (In Russian).

10. Nemirovsky E. L. *Istoriya slavyanskogo kirillovskogo knigopechataniya XV – nachala XVII veka* [History of Slavic Cyril printing of the 15th – early 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2008, book 3, The beginning of book printing in Wallachia, 716 p. (In Russian).

11. Popova O. S. Obrazy i stil' vizantiiskogo iskusstva vtoroi poloviny X-XI v. na miniatyurakh grecheskikh rukopisei [Images and style of Byzantine art of the second half of the 10th–11th centuries on miniatures of Greek manuscripts]. *Vizantiiskaya miniatyura vtoroi poloviny X – nachala XII v.* [Byzantine miniature of the second half of the 10th – early 12th centuries]. Moscow, Gamma Press Publ., 2012, pp. 8–111. (In Russian).

12. Djuric V. *Vizantiiskie freski: srednevekovaya Serbiya, Dalmatsiya, slavyanskaya Makedoniya* [Byzantine frescoes: medieval Serbia, Dalmatia, Slavic Macedonia]. Moscow, Indrik Publ., 2000, 592 p. (In Russian).

13. Suslova R. A. Izobrazhenie arki v rannevizantiiskikh illyuminirovannykh Evangeliyakh: simvolika, geometriya, genesis [Image of the arch in the early Byzantine illuminated Gospels: symbolism, geometry, genesis]. DOI: 10.30853/mns210307 *Manuskript* [Manuscript]. 2021, vol. 14, no. 8, pp. 1745–1756. (In Russian).

Received 30 June 2023.
Reviewed 19 October 2023.
Accepted for press 25 October 2023.

УДК 23/28, 253, 258, 271–9

https://elibrary.ru/obbomm

ВКЛАД ИГУМЕНА ИРИНАРХА (ШЕМАНОВСКОГО) В РАЗВИТИЕ ОБДОРСКОЙ МИССИИ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ ВЫРАБОТКИ СТРАТЕГИИ МИССИОНЕРСКОГО СЛУЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Священник Даниил Валентинович Яковов
магистр богословия, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью),
ассистент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
308009, Россия, г. Белгород, Белгородский проспект, д. 75
308015, г. Белгород, Россия, ул. Победы, д. 85
E-mail: daniilyakovov@ya.ru
ORCID: 0009-0009-7576-3815

Для цитирования: Яковов Д. В., свящ. Вклад игумена Иринарха (Шемановского) в развитие Обдорской миссии как ориентир для выработки стратегии миссионерского служения на современном этапе. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_171. EDN: OBBOMM // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 171–186.

Аннотация

В статье рассматривается вклад игумена Иринарха (Шемановского) в миссионерское служение на территории Березовского викариатства в качестве начальника Обдорской миссии (1897–1910 гг.). Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тем, что успешные миссионерские начинания игумена Иринарха конца XIX – первого десятилетия XX века могут быть ориентирами для современных миссионеров. За 13 лет игумен

Иринарх сумел завоевать доверие коренных народов, живущих в окрестностях Обдорска, а также повысить эффективность Обдорской духовной миссии.

В работе описаны основные факторы, способствовавшие успеху миссионерского служения игумена Иринарха. На личные средства он приобрел здание этнографического музея и библиотеки, обустроил миссионерский храм, создал братство во имя святителя Гурия, Казанского и Свияжского чудотворца, которое занималось научно-исследовательской работой: изучало жизнь, быт и язык малочисленных народов крайнего северо-запада Сибири, осуществляло перевод духовной литературы на остяцкий и самоедский языки, заботилось о развитии музея и библиотеки. Игумен Иринарх содействовал открытию женской общины во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». С помощью монахинь, приглашенных из Вировской Спасской обители, удалось организовать приют для девочек и богадельню.

Системный и комплексный подходы к делу благовестия аборигенам Сибири, консолидация усилий многих социальных институтов позволили игумену Иринарху реализовать масштабный просветительский проект. Таким образом, деятельность игумена Иринарха (Шемановского) можно рассматривать как ориентир при разработке современных рекомендаций к миссионерскому служению.

Ключевые слова: самодийцы; ненцы; коренные малочисленные народы; Русская Православная Церковь; игумен Иринарх (Шемановский); миссионерское служение.

Введение

В быстроменяющемся мире формы и методы миссионерского служения должны быть адекватны обстоятельствам. Забота государства о сохранении культуры коренных, в том числе малочисленных, народов требует от современных церковных миссионеров теоретического осмысления особенностей адресата миссии и выработки целесообразной и эффективной стратегии миссионерской деятельности. В новообразованных епархиях Севера современные миссионеры могут успешно вести проповедническое служение с учётом достижений и ошибок своих предшественников, поэтому представляются актуальными анализ исторического контекста и оценка результатов миссионерского служения игумена Иринарха (Шемановского), совершаемого в период с 1897 по 1910 год.

Цель исследования – выявить факторы, способные оказать существенное влияние на качество миссии с учётом роли личности в деле миссионерского служения. В работе впервые проанализирован вклад игумена Иринарха (Шемановского) в просвещение коренных народов северо-запада Сибири в частности и в развитие православного миссионерства в целом.

Методы исследования. В основе работы лежит междисциплинарный подход в изучении этнокультурных и миссиологических аспектов деятельности православных просветителей прошлого века в контексте кросскультурного взаимодействия с представителями самодийских народов.

Исторический метод позволил проследить и интерпретировать обстоятельства миссии конца XIX – начала XX в.

Критико-аналитический подход позволил выявить роль личности миссионера в проповедническом служении и организации научно-просветительской работы в полевых условиях.

Практическое применение исследования возможно в курсе лекций по миссиологии, а также при планировании миссионерской стратегии развития современных миссионерских станов на территории Севера, особенно в новообразованных епархиях.

Основная часть

Одной из ключевых фигур миссии Русской Православной Церкви среди самодийских народов является игумен Иринарх (Шемановский) (1873 – после 1920 гг.). Значимость его вклада в развитие Обдорской миссии трудно переоценить. В честь Шемановского назван основанный им первый музей на Ямале. Игумен Иринарх провел в Обдорске 13 лет [1], он автор более 50 статей в журнале «Православный благовестник». История ненецкой миссии неразрывно связана с его именем. Однако в 1918 году он сложил с себя сан и вступил в ряды коммунистов-большевиков. Трудно дать оценку всему противоречивому жизненному пути Ивана Семёновича Шемановского, поэтому в рамках данной статьи мы рассмотрим его вклад в дело Обдорской миссии в период с 1897 по 1910 г.

В конце XIX века Обдорская миссия находилась в затруднительном положении, так как требовала деятельного участия епархиального архиерея ввиду реализации миссионерских проектов и успе-

хов, достигнутых миссионерами в области просвещения коренных народов. Обдорск административно относился к Тобольской и Сибирской епархии, которая была одной из самых обширных в Русской Православной Церкви. Святейший Синод в 1865 г. разрешил епархиям, у которых достаточно средств, открывать викариатства [2, с. 23], но викарный архиерей окормлял приходы Обского Севера только один год. Сложившаяся ситуация не способствовала развитию миссии, так как административная неустроенность не позволяла консолидировать усилия миссионеров, вовремя корректировать их действия и в целом задавать общее направление работы.

Епископ Ефрем (Рязанов) помогал в управлении приходами Берёзовского викариатства с 31 мая 1871 г. по 20 апреля 1872 г. епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму II, которого сменил из-за его конфликта со Святейшим Синодом [3, с. 71–74]. После него викарий для Берёзовского викариатства не был назначен до 1910 г. По благословению Преосвященного Антония (Каржавина) игумен Иринарх (Шемановский) выступал с докладом «О современном состоянии Обдорской миссии» на сибирском миссионерском съезде 28 июля 1910 г., где и поднял вопрос о назначении викарного архиерея: «Тобольскую северную миссию возглавить начальником в сане викарного епископа Тобольской епархии, для чего просить Святейший Синод о замещении в Тобольской епархии Березовского викариатства с назначением епископской резиденции в Обдорске, как центральном пункте миссионерской деятельности среди инородцев... Ходатайствовать перед Святейшим Синодом о назначении содержания в 4000 рублей ежегодно епископу Березовскому, как викарию Тобольской епархии, и начальнику миссии»[1].

Наиболее вероятным было назначение на должность викарного архиерея самого игумена Иринарха (Шемановского), у которого был большой опыт плодотворной работы в качестве начальника Обдорской миссии, а также успешное взаимодействие с управляющим Тобольской и Сибирской епархией епископом Антонием (Каржавиным). Посвящение в сан епископа дало бы игумену Иринарху больше полномочий и способствовало бы повышению эффективности миссии в целом: были бы решены не только административно-экономические, но и кадровые вопросы за счет возможности руко-

[1] Журнал 2-й секции от 28 июля № 2 // Журналы миссионерского съезда в Иркутске 1910 г. Иркутск : Тип. М. П. Окунева, 1910. С. 17–18.

положений ставленников из коренных народов. Это, в свою очередь, способствовало бы укреплению епархии, увеличению охвата населения и развитию образовательной деятельности среди тундрового населения. Однако весной 1910 г. Тобольскую кафедру возглавил Преосвященный Евсевий (Гроздов). Игумен Иринарх не смог выстроить с ним конструктивных взаимоотношений. Владыка Евсевий «отличался весьма консервативными взглядами и чрезмерной осторожностью» [4, с. 16]. Он не был лично заинтересован в развитии Обдорской миссии, поэтому не разделял взглядов игумена Иринарха и не считал целесообразным развивать Обдорский Север. Не достигнув взаимопонимания с правящим архиереем, игумен Иринарх отправился в Тверь вслед за епископом Антонием (Каржавиным). Такой итог миссионерского служения стал для него личным потрясением, так как все труды, направленные на развитие и благоустройство миссии, оказались неоцененными. Без должной заботы они довольно скоро пришли в упадок и затормозили миссию на несколько десятков лет.

Епископ Евсевий (Гроздов) написал письмо в связи с отъездом игумена Иринарха архиепископу Антонию (Каржавину), в котором указал о долгах Шемановского по Обдорской миссии в размере 1500 рублей. Игумен Иринарх болезненно отреагировал на это письмо. В своём дневнике он сделал запись, в которой перечислил все достижения и затраты, значительно превышающие его доходы по окладу начальника миссии: «По моей инициативе и сначала на личные мои средства основаны были поддерживавшиеся моим трудом и влиянием на окрестное инородческое и русско-зырянское население приют для инородческих девочек, приют для малолетних инородческих детей обоего пола, братство во имя Св. Гурия, архиепископа Казанского и Свияжского чудотворца, библиотека, местный этнографический музей, кружок изучения инородцев крайнего северо-запада Сибири в этнографическом отношении, постоянная комиссия по переводам на остяцкий и особенно на самоедский языки и мн. др. Наряду с этим много на личный мой страх и ответственность сооружались и приобретались для нужд Обдорской миссии разные постройки, как, например, миссионерский храм, усадьба для женской общины при Обдорской миссии, здание для библиотеки и музея и пр.» [1].

Все эти начинания были исполнены игуменом Иринархом за счет личных средств, несмотря на то, что его зарплата составляла всего

100 рублей в месяц. За 13 лет служения он потратил на миссионерские проекты не менее 35000 р. при суммарном доходе по ставке около 15600 р. Благодаря вышеприведенной дневниковой записи мы можем оценить вклад игумена Иринарха в развитие Обдорской миссии не только в денежном эквиваленте, но и проследить, какие из его начинаний принесли плоды и могут быть актуальны в миссионерском служении на современном этапе.

В качестве основы для осуществления миссионерского служения иеромонах Иринарх выбрал образовательное направление. Обучение самодийцев, а также новоприбывших миссионеров могло обеспечить преемственность, которая позволит сохранить уже достигнутые успехи и продолжить работу даже при смене кадрового состава. В августе 1898 г., через полгода после своего назначения в Обдорск, иеромонах Иринарх создал библиотеку на собственные средства. «Библиотека есть наилучший памятник больших трудов и издержек из собственных средств отца игумена Иринарха»[2] – эти слова обдорского священника Гурия Михайлова открывали выставку «Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского», посвященную 140-летию со дня рождения основателя библиотеки. На 1910 год библиотека отца Иринарха насчитывала 5 тысяч единиц, собранных в течение 12 лет, при этом в первые три года удалось собрать 618 книг: «Весьма ценным для библиотеки был дар Финно-угорского общества, которое в 1901 году прислало издания об инородческих племенах, родственных аборигенам Обдорского края. Всего за три года существования библиотеки в ее фонде имелось 618 книг на сумму 840 руб. 63 коп.» [5]. При отсутствии регулярного транспортного сообщения и связи с культурно-образовательными центрами библиотека стала основой для формирования такого центра в самом Обдорске.

Уже после перевода в Тверскую епархию иеромонах Иринарх (Шемановский) писал в своих дневниках: «Не знаю, как удастся поддерживать эти учреждения в будущем, хотя Преосв[ященный] Евсевий, вероятно, по слабохарактерности своей, впредь не решится на закрытие этих учреждений, как бы не был против их настро-

[2] Библиотека отца Иринарха // Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого Автономного Округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского» : офиц. сайт. URL: https://mvk.yanao.ru/news/detail.php?ID=1198 (дата обращения: 10.04.2023).

ен»[3]. Эти слова свидетельствуют о возможных попытках со стороны нового епархиального начальства искоренения всего, что было связано с деятельностью Шемановского, однако библиотеку удалось сохранить. В настоящее время библиотека насчитывает 17 тысяч экземпляров. Таким образом иеромонах Иринарх обеспечил Обдорскую миссию необходимой просветительской базой, а также заложил основы современного музейно-выставочного комплекса, который имеет региональное значение и включает в себя также этнографический музей. В настоящее время музейный комплекс является центром этнографического изучения быта и культуры самодийских народов, что особенно полезно при подготовке миссионеров к экспедициям по Ямалу [6]. Сотрудники музея могут помочь сформировать базовое представление о культуре самодийцев: быте, верованиях и прочих особенностях традиционного уклада, которые сами ненцы непосвященным чужакам рассказывать не будут. Библиотека, созданная иеромонахом Иринархом, стала основой для будущего миссионерского стана, она притягивала к себе учёных-путешественников, миссионеров и самих самодийцев. Поэтому следующим шагом стало формирование общества людей, которые разделяли взгляды иеромонаха Иринарха.

В 1904 году он инициировал создание Обдорского миссионерского Братства во имя святителя Гурия, Казанского и Свияжского чудотворца, которое сам же и возглавил [7, с. 178]. Ценность братств даже в центральной части России в XX веке была чрезвычайно высока: благодаря им создавались новые переводы Священного Писания, сохранилось монашество и сама Церковь в период революции, не говоря уже о заслугах братств в условиях Крайнего Севера. Братство святителя Гурия, помимо духовно-просветительской работы, организовало работу переплетной мастерской, заботилось о привитии коренного населения от оспы, содействовало работе библиотеки и открытию книжной и иконной лавок. Кроме этого, благодаря деятельности братства решались вопросы, связанные с опекой над малолетними сиротами из самодийцев [5].

Братство способствовало консолидации активных, образованных и талантливых людей, которые помогали развитию социаль-

[3] Из дневников игумена Иринарха... // Круги на воде, следы на снегу, отпечатки сознания : блог Алексея Мазурина в LIVEJOURNAL. URL: https://almaz66.livejournal.com/993.html (дата обращения: 10.04.2023).

ной и просветительской деятельности среди коренного населения. Этот подготовительный этап миссионерского служения заложил основу для дальнейшего качественного и количественного развития Обдорской миссии с потенциалом формирования новой епархии.

Такая обширная работа не могла остаться без внимания со стороны священноначалия. 20 мая 1905 года за плодотворную миссионерскую деятельность иеромонах Иринарх был возведен в сан игумена епископом Тобольским и Сибирским Антонием (Каржавиным).

Как известно, работа с молодежью является перспективной формой миссионерской деятельности. Проблемной точкой миссионерского поля в Обдорске были дети-сироты, забота о которых, совмещённая с христианским воспитанием, могла дать обильные плоды на ниве миссионерского служения. Благодаря содействию игумена Иринарха в Обдорске был открыт приют для малолетних детей и инородческих девочек. Необходимость заботы о девочках-сиротах в совокупности с невозможностью со стороны игумена заниматься этим лично привели к открытию женской общины. Епископ Антоний (Каржавин) утверждал, что «мужчина не может свободно “миссионерствовать” между новокрещёнными девицами, вдовами и замужними женщинами успешнее, чем женщина» [8, с. 69], поэтому игумен Иринарх был направлен по благословению Его Преосвященства в командировку в Вировский Спасский первоклассный женский монастырь Холмской епархии [9, с. 123–128]. Оттуда по его приглашению в Обдорск прибыли пять монахинь, благодаря которым удалось в 1907 г. открыть женскую общину во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» во главе с монахиней Пелагеей[4]. Благодаря совету епископа Антония прибывшие монахини были привлечены для работы с детьми-сиротами, что способствовало как количественному увеличению числа членов Обдорской миссии, так и качественному преобразованию форм и методов служения.

Деятельность Обдорской миссии удалось существенно разнообразить. Монахини возложили на себя заботу о приютах для малолетних детей и инородческих девочек. Для взрослых жителей под началом монахини Евфросинии, имевшей опыт ухода за больными в Вировской обители[5], открыли аптеку, богадельню и больницу.

[4] Городская хроника // Сибирский листок. 1906. № 25 (31 авг.). С. 2.

[5] Епархиальная хроника. Общее собрание Тобольского епархиального комитета

Прибытие монахинь и открытие богадельни с домовым храмом были важными событиями для Обдорской миссии. Игумен Иринарх проявил себя здесь как талантливый администратор. Не имея возможности решить своими силами все задачи, стоявшие перед миссией, он нашел возможность пригласить сестер, которые обладали необходимыми навыками для миссионерского служения. Забота о сиротах, больных и престарелых позволила расширить миссионерское служение в социальном направлении и расположить самодийцев к Православной Церкви: «Без обучения грамоте девочек и их христианского воспитания распространение христианства в Обдорском крае не может быть прочным уже потому, что первые заботы о детях лежат на матерях, от влияния которых и зависит дальнейшая настроенность детей в религиозном отношении»[6].

Постепенно решая насущные проблемы населения в частности и Обдорской миссии в целом, игумен Иринарх наладил систему взаимодействия между различными направлениями деятельности: воспитательной, образовательной, духовно-просветительской, социальной, молодежной и миссионерской.

Если развитию социального служения миссии содействовала женская «Скорбященская» община, то подспорьем для просветительской деятельности было Братство святителя Гурия, занимающееся в основном научными исследованиями. Стараниями членов братства в 1907 г. удалось открыть музей, который назывался «Хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера» [7, с. 179]. Экспонаты музея были наглядными образцами самодийской культуры и могли помочь сформировать начальное представление об адресате миссии у новоприбывших миссионеров. Таким образом, музей имел важное значение для Обдорской миссии.

Музей сначала был личным увлечением игумена Иринарха: «Живя в такой как Обдорск глуши, можно сохранять облик человеческий исключительно тогда только, когда всегда неизменно будет наполнено время. “Служба” надоедает. Надо поэтому “изобрести” к ее дополнению что-либо особое. Первое, что следует в таких случаях делать – это заняться изучением края с той или иной стороны. Изучение невольно заставляет заняться коллекционированием

православного миссионерского общества // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 321.

[6] Там же.

вещей и предметов той области знания, которая служит предметом изучения. Но чем человек больше живет в таких как Обдорск пунктах, чем больше он трудится там, тем больше начинает привязываться к своему делу и тем сильнее является у него желание принести посильную пользу этой местности. Я, занимаясь на севере этнографией, составил большую библиотеку и музей, делая это сначала в личных интересах, с течением времени стал делать в интересах общественных» [1].

Уже в самом начале музей служил миссионерской цели. Небольшого помещения (10,5 Х 8,5 м) [7, с. 179] вполне было достаточно для того, чтобы помочь новоприбывшим миссионерам сформировать представление об адресате миссии: культуре, быте и религиозных воззрениях самодийцев. Ввиду сложностей с материальным обеспечением музея, его наполнением и исследованиями занимался сам игумен Иринарх. Таким образом музей мог функционировать. Однако именно этот фактор оказал отрицательное влияние на жизнеспособность музея после отъезда игумена Иринарха: найти замену попечителю было невозможно. Музей был на грани закрытия. Но всё же его удалось сохранить. В XIX веке он был небольшим научным центром по изучению Тобольского Севера. В качестве экспонатов в нём были представлены материалы по этнографии самодийцев, образцы животного мира и природы. В современном виде музей представляет собой мощный культурно-этнографический комплекс, на базе которого проводятся культурно-просветительские мероприятия.

В продолжение темы культурного просвещения стоит отметить созданный в 1909 г. «Кружок изучения инородцев крайнего северо-запада Сибири», на базе которого проводились культурно-образовательные мероприятия, изучалось влияние приполярного Севера на аборигенов [10, с. 31]. На современном этапе эти исследования продолжаются. Природные условия также подлежат осмыслению с точки зрения миссиологии: суровый северный климат, необходимость употребления сырой крови в пищу, азиатский тип питания, ухудшение здоровья при отказе от традиционного образа жизни и типа питания – все эти факторы важно учитывать при выборе аскетической традиции для новопросвещенных самодийцев.

Игумен Иринарх выбрал основу для формирования и развития миссионерского служения на Обдорском Севере, исходя из насущных

проблем самодийцев и задач, стоящих перед миссионерами. Реализованные им начинания продолжают существовать и по сей день. Это говорит о правильности и своевременности принятых им решений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Вклад игумена Иринарха в Обдорскую миссию, его материальные расходы на покупку зданий и содержание социально-культурных учреждений нуждаются в объективной оценке. В деле просвещения игумен Иринарх использовал комплексный и системный подходы, выбрав в качестве приоритетного направления образовательную деятельность. Таким образом, был создан духовно-просветительский центр, ставший площадкой для дальнейшей социальной и воспитательной работы с населением. На современном этапе таким центром должен стать миссионерский стан.

Игумен Иринарх создал свой вариант миссионерского стана. На начальном этапе служения он решал вопросы, связанные, прежде всего, с заботой о самодийцах, с финансированием новых проектов и с просветительской деятельностью. Эти вопросы решались комплексно. За время нахождения в Обдорске игумен Иринарх создал целую сеть взаимосвязанных и поддерживающих друг друга учреждений. К просвещению самодийцев невозможно было приступить, не решив проблем, связанных с обеспечением их насущных потребностей. Для этого игумен Иринарх расширил Обдорскую миссию, пригласив монахинь и создав с их помощью женскую общину. Так он решил проблему заботы о сиротах, больных и престарелых самодийцах. Затем он создал центр для подготовки миссионеров на базе музея и библиотеки при поддержке Братства святителя Гурия, Казанского и Свияжского чудотворца. Братство имело два основных направления: материальное содержание проектов и научно-исследовательская деятельность. Таким образом, все учреждения миссии получили своих попечителей в лице монахинь и членов братства, предоставив игумену Иринарху бóльшую свободу действий. На наш взгляд, отрицательное влияние на дальнейшую работу созданной системы оказала чрезмерная вовлеченность самого игумена Иринарха в её функционирование. Перевод игумена Иринарха в Тверскую епархию негативно сказался на де-

ятельности миссии, так как замены, равнозначной ему, найдено не было.

Игумен Иринарх сумел в рамках православной миссии консолидировать усилия различных социальных институтов для поддержания самобытной культуры коренных народов Сибири. Забота о самодийских народах, их культуре и воспитании может быть реализована и в настоящее время, что будет способствовать христианизации населения, улучшению качества жизни самодийцев и сохранению их культуры на современном этапе.

Список литературы

1. *Липатова, Л.* И. С. Шемановский – обдорский просветитель / Л. Липатова // Наше наследие. – 2008. – № 87/88. – С. 188–195. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8726.php (дата обращения: 10.04.2023).

2. *Федоров, В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. – Москва : Русская панорама, 2003. – 479 с. – (Страницы российской истории). – ISBN 5-93165-069-5.

3. *Цысь, О. П.* О возобновлении деятельности Березовского викариатства в начале XX в. / О. П. Цысь // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы Региональной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, – 2018. – С. 71–74.

4. *Цысь, В. В.* О роли миссионерских съездов 1910 года в организации миссионерского дела и судьбе игумена Иринарха (Шемановского) / В. В. Цысь // Православие. Наука. Образование. – 2017. – № 2 (4). – С. 14–18.

5. *Шемановский, И. С.* Дневник Обдорского миссионера / И. С. Шемановский // Православный благовестник. – 1903–1911 гг. – URL: https://mvk.yanao.ru/upload/medialibrary/afd/shemanovskiy_.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

6. *Яковов Д. В., свящ.* Исследуя культуру, изучаем язык / священник Даниил Яковов // Летопись священнослужения : гайд священника Даниила Яковова в LIVEJOURNAL. – URL: https://dan-prophet.livejournal.com/44040.html (дата обращения: 10.04.2023).

7. *Цысь, В. В.* Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX в. : монография / В. В Цысь, О. П. Цысь. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-89988-800-7.

8. *Мавлютова, Г. Ш.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века) /

Г. Ш. Мавлютова. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2001. – 177 с. – ISBN 5-88081-224-3.

9. *Шемановский, И.* К вопросу о необходимости скорейшего открытия в Обдорске женской монастырской общины для усиления деятельности Обдорской миссии / И. Шемановский // Православный благовестник. – 1907. – Т. 3, № 19. – С. 123–128.

10. *Карзанова, Г. А.* И. С. Шемановский: миссионер и просветитель Тобольского Севера / Г. А. Карзанова // Вестник СПбГУКИ. – 2013. – № 1 (14). – С. 28–33.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 02.09.2023.
Статья принята к публикации 18.09.2023.

UDC 23/28, 253, 258, 271–9

THE CONTRIBUTION OF HEGUMEN IRINARKH (SHEMANOVSKY) TO THE DEVELOPMENT OF THE OBDORSKAYA MISSION AS A GUIDELINE FOR DEVELOPING A STRATEGY FOR A MODERN MISSION

Daniil Iakovov, Priest
Master of Theology
Lecturer at the Department of Theology
Belgorod Orthodox Theological Seminary
(with missionary focus)
75 Belgorodsky Prospekt, Belgorod, 308009,
Belgorod region, Russia
Assistant Professor
Department of Philosophy and Theology
Belgorod National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Belgorod region, Russia
E-mail: daniilyakovov@ya.ru
ORCID: 0009-0009-7576-3815

For citation: Iakovov D. V., priest The contribution of Hegumen Irinarkh (Shemanovsky) to the development of the Obdorskaya Mission as a guideline for developing a strategy for a modern mission DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_171. EDN: OBBOMM // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 171–186 pp. (in Russian)

Abstract

The article deals with the contribution of Hegumen Irinarkh (Shemanovsky) to missionary service in the territory of the Berezovsky vicariate as the head of the Obdorsk mission (1897-1910). The relevance of the proposed research is due to the fact that the successful missionary endeavors of Hegumen Irinarkh at the end of the 19th century - the first decade of the 20th century can be guidelines for modern missionaries. In 13 years Hegumen Irinarkh managed to gain the trust of the indigenous peoples living in the vicinity of Obdorsk, as well as to increase the effectiveness of the Obdorsk mission.

The article presents the main factors that contributed to the success of Hegumen Irinarkh's missionary activities. With his personal funds he purchased the building of the ethnographic museum and library, equipped the missionary temple, created the Brotherhood in the name of Saint Gury, the wonderworker of Kazan and Sviyazhsk, which carried out research work: studied the life, culture and language of the Samoyeds of the extreme northwest of Siberia, was engaged in translation activities, maintenance of the museum and library. Hegumen Irinarkh promoted the opening of the Women's Community in the Name of the Icon of the Consolation of "All Who Sorrow". With the help of nuns invited from the Virov Spassky Convent, it was possible to organize a shelter for girls and an almshouse.

Systematic and integrated approaches to evangelizing the natives of Siberia, consolidating the efforts of many social institutions allowed Hegumen Irinarch to implement a large-scale educational project. Thus, the activities of Hgumen Irinarch (Shemanovsky) can be considered as a guideline in the development of modern recommendations for missionary service.

Keywords: Samoyeds; Nenets; indigenous small-numbered peoples; Russian Orthodox Church; Hegumen Irinarkh (Shemanovsky); missionary service.

References

1. Lipatova L. I. S. Shemanovsky – obdorskii prosvetitel' [S. Shemanovsky is Obdorsk educator]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. 2008, no. 87/88, pp. 188–195. (In Russian). Available at: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8726.php (accessed: 10.04.2023).

2. Fedorov V. A. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700-1917)* [Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow, Russian Panorama Publ., 2003, 479 p. (In Russian).

3. Tsys O. P. O vozobnovlenii deyatel'nosti Berezovskogo vikariatstva v nachale XX v. [On the resumption of activities of the Berezovsk Vicariate at the beginning of the 20th century]. *Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavatelei "Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk"* [Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference of Undergraduate, Graduate, PhD students and Professors "Current Problems of the Humanities"]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk Humanitarian University Publ., 2018, pp. 71–74. (In Russian).

4. Tsys V. V. O roli missionerskikh s''ezdov 1910 goda v organiztsii missionerskogo dela i sud'be igumena Irinarkha (Shemanovskogo) [On the role of missionary congresses of 1910 in the organization of missionary work and the fate of Hegumen Irinarch (Shemanovsky)]. *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie.* [Orthodoxy. Science. Education]. 2017, no. 2 (4), pp. 14–18. (In Russian).

5. Shemanovsky I. S. *Dnevnik Obdorskogo missionera* [The diary of the Obdorsk missionary]. *Pravoslavny blagovestnik. 1903 – 1911 gg.* [Orthodox Messenger. 1903–1911]. (In Russian). Available at: https://mvk.yanao.ru/upload/medialibrary/afd/shemanovskiy_.pdf (accessed: 10.04.2023).

6. Yakovov D. V., Priest Issleduya kul'turu, izuchaem yazyk [Exploring culture, we study language]. *Gaid svyashchennika Daniila Yakovova v LIVEJOURNAL "Letopis' svyashchennoskuzheniya"* [Guide by Priest Daniil Yakovov in LIVEJOURNAL "Chronicle of Ministering"]. (In Russian). Available at: https://dan-prophet.livejournal.com/ 44040.html (accessed: 10.04.2023).

7. Tsys V. V. *Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk Humanitarian University Publ., 2011, 304 p. (In Russian).

8. Mavlyutova G. Sh. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Severo-Zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX veka* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in North-Western Siberia (19th - early 20th centuries)]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2001, 177 p. (In Russian).

9. Shemanovsky I. K voprosu o neobkhodimosti skoreishego otkrytiya v Obdorske zhenskoi monastyrskoi obshchiny dlya usileniya deyatel'nosti Obdorskoi missii [On the need for the speedy establishing a women's monastic community in Obdorsk to strengthen the activities of the Obdorsk mission].

Pravoslavnyi blagovestnik [Orthodox Messenger]. 1907, vol. 3, no. 19, pp. 123–128. (In Russian).

10. Karzanova G. A. I. S. Shemanovsky: missioner i prosvetitel' Tobol'skogo Severa [I. S. Shemanovsky: missionary and educator of the Tobolsk North]. *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts]. 2013, no. 1 (14), pp. 28–33. (In Russian).

Received 01 June 2023.
Reviewed 02 September 2023.
Accepted for press 18 September 2023.

ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

УДК 130.2; 808.1

https://elibrary.ru/pfhewg

СЛОВО О РУССКОМ ЯЗЫКЕ. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Посвящается Году русского языка и памяти профессора В. К. Журавлева (1922–2010)

Хворова Людмила Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и русской и зарубежной литературы
Тамбовского государственного университета
имени Г. Р. Державина
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. Советская, д. 181к
E- mail: xworowa.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8720-7906

Грудинина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
заведующий магистратурой
Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E- mail: evgrudinina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2918-4731

Для цитирования: Хворова Л. Е., Грудинина Е. В. Слово о русском языке. К вопросу о формировании отечественной духовно-культурной традиции. Посвящается Году русского языка и памяти профессора В. К. Журавлева (1922–2010). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_187. EDN: PFHEWG // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 187–208.

Аннотация

В статье с опорой на рассуждения В. К. Журавлева и других выдающихся российских филологов, философов осмысляется процесс формирования отечественной национальной традиции, основой которой является русский язык. Авторы рассматривают опыт отечественной научной мысли, обнаруживающей прямую зависимость национального культурно-исторического развития и русской словесности, а также анализируют перспективы этого процесса. Разноаспектному анализу подвергается понятие «соборность», ключевое для русской ментальности, выявляется его значение, выходящее за пределы религиозного дискурса. Особое место в данном аспекте занимают концептуальные открытия Ф. М. Достоевского и современного ученого и общественного деятеля Т. С. Георгиевой. Подчеркивается особая роль исторической памяти в развитии феномена соборности как общенационального культурного идеала, его непрерывность, продолжающая свое развитие и в советском государстве, и в современной России.

На основе конкретных примеров авторы выявляют очевидные различия западного и отечественного типа духовного развития, отмечают преемство древнего литературно-языкового опыта, формирующего самобытный культурный феномен, уникальный характер русской словесности в целом. Обосновывается роль русского языка как важнейшего культурообразующего компонента российской словесности, а также подчеркивается взаимопроникновение книжного церковно-славянского языка и народной разговорной речи как фактор, определивший своеобразие отечественной стилистики. В заключение раскрывается духовная сущность русского языкового феномена и констатируется способность русского языка стать действенным фактором в консолидации всех народов России.

Ключевые слова: отечественная культурная традиция; русский язык; культурообразующий компонент; церковнославянская книжность; история языка; национальный характер; соборность.

Введение

XX век оставил глубокий кровавый след в истории нашей страны. С прискорбием приходится признавать, что Ф. М. Достоевский, проникший в тайники русской души и познавший в совершенстве особенности русского характера, оказался прав, предполагая продолжение общественного идеологического конфликта в нашем Отечестве не на одно столетие. По-прежнему народ с трудом усваивает уроки недавней истории, преодолевая классовые барьеры и разде-

ление на «правых» и «виноватых». Поэтому необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы катастрофические, экстремальные события, имевшие место в отечественной истории, более у нас не повторялись. Иначе говоря, вопрос состоит в постижении неразрывности исторического процесса, в обнаружении духовных скреп, которые призваны положить конец бесконечным спорам так называемых «консерваторов» и «либералов». Эти священные скрепы сосредоточены в наследии наших выдающихся соотечественников, о величии которых в суете страстей мы рискуем забыть и утратить свои богатство и неповторимость.

Одним из таких деятелей отечественной культуры был Владимир Константинович Журавлев (1922–2010) – профессор общего и славянского языкознания, доктор филологических наук (1965), член-корреспондент Международной Славянской академии, специалист по истории славянских языков, истории языкознания, а также по ряду частных филологических дисциплин: фонологии, компаративистике, социолингвистике и лингводидактике. Многие его работы изданы не только на русском, но и на белорусском, украинском, литовском, польском, немецком, японском языках.

В. К. Журавлев – участник Великой Отечественной войны, призванный в армию еще до ее начала, в 1940 году. Отслужив год в Забайкалье, как это часто бывало с совсем еще юными бойцами, прошел, по его словам, «от Сталинграда до Вены», освобождая европейцев, как он однажды заметил, «от их собственного ига». Существует определенная логическая закономерность в том, что очень многие молодые фронтовики впоследствии продолжили свой профессиональный путь, став писателями и учеными-словесниками, служили родному слову, в чем видели свое призвание. Профессия утвердила В. К. Журавлева в православной вере, которую он глубоко постигал, осмысливал непосредственно через древнерусскую словесность.

Целью данного исследования является рассмотрение концепции русской духовно-культурной традиции на материале научной статьи В. К. Журавлева, опубликованной в Тамбове в 1996 году [1, с. 67–95]. Применение методики так называемого медленного чтения и дискурсивного анализа позволяет актуализировать ряд важных постулатов, высказанных ученым более 30 лет назад.

Основная часть

Опираясь на труды выдающихся предшественников – отечественных филологов Н. С. Трубецкого, В. В. Виноградова, Н. О. Лосского, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и ряда других Журавлев ставил в прямую зависимость друг от друга русскую духовность и русскую словесность. Он писал, что «ключ к разгадке “загадочной русской души” следует искать в русском языке» [1, с. 67]. Позволим себе в какой-то степени возразить ученому: скорее, не о загадочной душе следует вести речь в аспекте нашего рассуждения, а, напротив, о ее открытости, даже распахнутости и, соответственно, о соборности, тем более, что и сам Журавлев в исследуемой статье вспоминает эту категорию.

В 1927 году Н. С. Трубецкой написал, что народ, этнос, «соборная национальная личность» раскрывает свое внутреннее содержание именно через русский язык. Следует подчеркнуть вслед за авторитетными учеными-филологами, что одной из ключевых в этой связи выступает «древняя литературно-языковая традиция», вследствие чего «наш язык стоит действительно особняком среди литературных языков земного шара» [2, с. 86]. Н. С. Трубецкой, Н. О. Лосский, В. В. Виноградов, а вслед за ними и В. К. Журавлев утверждали уникальность осмысления «преемства» древнего литературно-языкового феномена, формирующего самобытную, именно отечественную культурную традицию, прежде всего через уникальную русскую словесность. Уточним, что отечественная литература, которая базируется на русском языке, является целостным культурообразующим компонентом. Об этом писали выдающиеся духовные деятели, а также современные ученые, к примеру, Е. И. Волкова [3], занимающаяся в этой связи сравнительным аспектом: русской, английской, американской литературой.

Еще в 1930-е годы В. В. Виноградов уточнял, что церковнославянский язык как бы «национализирован русской культурой, и, будучи священным языком религии и церковных книг, постоянно обогащает, развивает народную речь, является неисчерпаемым источником идейного и художественного воздействия на стили общественного языка» [4, с. 93–94]. В настоящее время, когда Русская Православная Церковь уже более 30 лет ведет активную миссионерскую, духовно-просветительскую и социально-

благотворительную деятельность в нашей стране, вполне можно говорить о сложившемся религиозном стиле русского литературного языка, который уместно назвать православным (ортодоксальным) стилем. «Конфессиональная привязка термина для обозначения данного стиля в русском языке вполне целесообразна, принимая во внимание историю формирования его языковой системы под непосредственным влиянием церковнославянского языка», богослужебного языка Русской Православной Церкви [5, с. 211].

В. К. Журавлев подчеркивал, что «процесс формирования современных литературных языков у других народов Европы сопровождался отрывом от культуры книжно-церковных традиций Средневековья. Монастырская латынь весьма далека и не понятна... для немца и поляка... для француза и итальянца... Современный болгарский литературный язык осуществил относительную связь с традициями древнеболгарского литературного языка лишь посредством заимствований из русского литературного языка...» [1, с. 69]. Церковнославянская книжность создала ряд преимуществ русского литературного языка. Трубецкой отмечал богатство словарного состава, например, в оттенках значений, наличие параллельных пар слов, построенных на противопоставлении бытового высокому: *палец – перст, глаз – око, рот – уста, голова – глава, город – град* и т.п. Синтез церковнославянской и великорусской стихии, по его убеждению, ставит этот язык в исключительное положение в ряду других языков.

Каким же образом эта специфика связана с национальным характером? Издавна, на Руси, с тех пор как ребенок начинал познавать мир, он овладевал навыками аудирования – восприятия народно-разговорной речи и церковнославянского языка. Постепенно в сознании отдельных людей и национальном сознании складывалось различие между земным – временным и небесным – вечным: *отвори ворота – Царские врата*, *крестное знамение – крёстный отец*, *возглашать – голосить*, *небеса – нёбушко*, *Хлеб небесный – хлебушек*.

Журавлев подчеркивал, что в исконных правилах первым связным текстом для ребенка обычно была молитва. Следует признать, что при всем строгом различии приведенные нами слова все-таки схожи, что заметно именно со временем. Напрашивается интересный вывод (интерпретируем и разовьем мысль В. Журавлева сквозь «светскую» систему координат): Небесное и материальное в нашей

духовной традиции – близкие и сочетаемые компоненты. Этому посвящен известный труд архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело» [6]. Своей красотой, величием, роскошью православные храмы приучали прихожан одновременно к этике и эстетике, что происходило опять-таки в мудрейшем синтезе одного с другим. В нашей духовно-культурной традиции была отмечена и сущность понятия «патриотизм» как непосредственно духовной сферы: «...близкий человек, Храм, Отечество, Господь, “ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6, 21). Этим, пожалуй, и объясняется характернейшая черта русской души – религиозность и патриотизм» [1, с. 71].

Философ Н. О. Лосский обратил внимание на высказывание французского мыслителя XIX века Леруа-Болье, что оригинальность России заключается «в применении этики Христа в общественной и частной жизни» [7, с. 40], то есть именно на сближение, схожесть через язык, разностилевое взаимодействие обращали внимание ученые.

О «назначении» русских быть друзьями всех народов неоднократно высказывался и Ф. М. Достоевский, чему мы видим многочисленные подтверждения в истории. Журавлев напомнил о «германо-турецком геноциде армян в 1915 году», о вступлении России в войну в 1914 году с целью предупредить геноцид сербов. Русский народ воевал за «духовные сокровища» – за освобождение своих братьев. Абсолютно противоположным было поведение западников, «гонимых жаждой золота»: уничтожение Мезоамерики, краснокожих аборигенов, охота на чернокожих рабов: «Должен же кто-то “делать деньги” для нового хозяина во имя торжества “рыночных отношений”» [1, с. 73]. Продолжая свои историко-философские рассуждения, ученый подчеркивал: «Русский народ, пробираясь к берегам Тихого океана, принес людям Сибири самое северное в мире земледелие, протянул в тяжелейших условиях самую большую железную дорогу. Это русские рабочие артели строили железные дороги в Царстве Польском, в Прибалтике, Финляндии и Закавказье» [1, с. 73]. В начале XIX века, когда границы между Россией и Турцией, Россией и Швецией передвинулись на запад, «были изданы первые буквари и учебники молдавского и финского языков. В Финляндии были открыты первые школы с преподаванием на финском языке. Финляндии даровали

“весьма демократичную” конституцию» [1, с. 74]. При этом на территориях Царства Польского, Прибалтики, Бессарабии жизненный уровень был выше, чем в исконно русских губерниях.

Смирение, долготерпение – основные черты русского народа. В русском языке нашли отражение и любовь ко Христу, и глубинная, внутренняя, часто не слишком заметная, не лежащая на поверхности религиозность. Любимыми книгами русского, как подчеркивал В. К. Журавлев, были жития святых и «Добротолюбие», в то время как на Западе зачитывались «Декамероном». Подчеркнем очень важную его мысль: «...не случаен лавинообразный поток русской художественной литературы XIX века с ее высоконравственными идеалами. Идеальным героем русского народа был не удачливый кладоискатель, а Микула Селянович да Илья Муромец, не щадившие “живота своего” за Святую Русь. Заклеймив презрением Скупого рыцаря да Кощея, что “над златом чахнут”, русский человек восхищается святой простотой Сергия Радонежского и Серафима Саровского» [1, с. 75]. Продолжая мысль ученого, следует подчеркнуть принципиальное различие в восприятии злого, сатанинского начала. В западной культурной традиции демонизм – абсолютное зло, а в отечественной – зло нелепо, а нередко комично, следовательно, победимо. Так, в пушкинских текстах над златом «бессмертный» Кощей именно «чахнет», и само бессмертие становится для него невыносимой мукой. Смешна и нелепа Баба-Яга в русском фольклоре. Семантика имен этих персонажей вполне соответствует их образу. Злые чары, коварство и лукавство побеждаются в русских сказках силой христианских добродетелей любви и прощения. Царь Салтан в сказке Пушкина «на радости», обретя снова жену и сына, прощает сватью Бабу Бабариху, Ткачиху и Повариху, которые от зависти стремились разрушить его семью. Горделивая и завистливая царица из «Сказки о мертвой царевне...» умирает в приступе собственной злобы, не перенеся вида чужого счастья, а молодая царевна и ее жених царевич Елисей с честью проходят все испытания, поскольку живут с Богом и сопровождают все действия молитвой, хранят друг другу верность, честны и милосердны в отношениях с людьми.

Рассуждая об уникальности русской художественной литературы XIX века, следует подчеркнуть ее научно-философский и эмоционально-образный синтез: «Всегда отзывчивая к настояще-

му, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительнейшими проблемами человеческого духа» [8, с. 300–301]. Научная составляющая такого тезиса как раз и заключена в рассматриваемой цепи обоснований: *язык – богообщение (молитва) – древнерусская книжность – светская словесность* (в основе которой не может не быть глубокой аналитики или философичности). Тому существует немало примеров. «Русская литература, – по Журавлеву, – “отражала” загадочную русскую душу и в то же время воспитывала русский народ, формировала русский народный характер. Поиски абсолютного добра, глубинное проникновение в тайники душевной жизни, чувство ответственности перед отчизной и народами, ее виртуозное умение “чувства добрые лирой пробуждать”, “милость к падшим” призывать и свободу восславлять при беспощадном обличении зла, пороков, несправедливости – вот характернейшие черты русской литературы, сформировавшиеся в ее “Золотом веке” Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Щедрина, Островского и других...» [1, с. 76]. На искоренение внутреннего зла, поиски недостатков в самом себе было направлено русское слово, которого, как продемонстрировала наша современность, опасаются наши зарубежные «партнеры», малодушно запрещая русскую классику на своем «счастливом» Западе, очевидно, боясь раствориться в ней.

Нетерпимость к русской классике представители западной словесности нередко демонстрировали и ранее. Почти сто лет назад эту тенденцию заметил Н. О. Лосский: «Иностранцы, читая русскую литературу, изобилующую обличениями недостатков русской жизни и русского государства, нередко воображают, будто русский народ – особенно порочный, примитивный и жалкий. Они не понимают того, что подчеркнуто сатирический характер русской литературы свидетельствует о борьбе русского народа со своими недостатками...» [7, с. 209]. Таким образом, непонимание русской словесности западным миром укоренено в глубине различий духовно-культурных парадигм.

В свою очередь, духовность, органично вошедшая в русскую литературную классику золотого века, начиная с Ломоносова и Державина, является закономерным фактом, берущим свое начало

из сформированного традиционного стержня, заложенного в глубокой древности, от первоисточника – из церковнославянского текста, обогатившего народную речь. Церковный текст «регулировал» и динамично развивал литературный язык: «Уровень мастерства писателя определялся степенью его начитанности, усвоения образцовых текстов» [1, с. 78]. Высказывания, крылатые выражения из Грибоедова, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Щедрина, Чехова прочно укоренены в народном сознании, но при этом далеко не всегда понятны иностранцам. Важно уточнить, что русская словесность имела и воспитательное значение, что также развивало традицию древнерусской книжности и закреплялось на ментальном уровне. Неосознанно усвоенная духовная традиция русской словесности в своем глубинном подтексте не нарушалась и в советские времена, что было особенно заметно в литературе периода Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Время показало, что не сработали жесткие цензурные идеологические критерии советской литературно-критической мысли 1920-х годов, хотя многие называли это десятилетие апокалиптическим. Им оказалось не под силу разрушить укорененные веками традиции. Даже в крайне идеологизированном романе Н. Островского «Как закалялась сталь» обнаруживаются типичные особенности отечественной поэтики. А в произведениях литературных классиков, спустя довольно продолжительное время, следующие поколения читателей обнаруживают все новые и новые оттенки духовного смысла.

Журавлев в своей работе напомнил основополагающие аспекты различия православной (восточно-христианской) и католической (западно-христианской) духовных традиций на основе систематизации знаний, полученных из работ русских религиозных философов: «Православие – взывает к свободному человеческому сердцу; Католицизм – взывает к слепо покорной воле; Православие ищет пробуждения в человеке живой творческой любви и христианской совести; Католицизм – требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество); Православие – идет вглубь души, ищет искренней веры и искренней доброты; Католицизм – спрашивает о “предписанном”, “запрещенном”, “позволенном”, “простительном” и “непростительном”; дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью доброделания» [1, с. 79]. В контексте

наших рассуждений чрезвычайно важен вывод Журавлева о том, что «именно различие способов овладевания языком своей духовной культуры и формировало нравственное отличие Православия от Католицизма» [1, с. 78]. Если у славянских книжников, переводчиков, писателей динамическим регулятором бытования литературного языка был непосредственно целостный церковнославянский текст, то в западной традиции таким регулятором выступала исключительно грамматика латинского языка. Ученый подчеркивал: для того чтобы «научиться читать и писать, западному человеку необходимо было выучить, усвоить разумом грамматику с ее строгой регламентацией» [1, с. 78]. Католик осмысливал текст разумом, ища рациональное зерно в частностях, деталях, и далеко не всегда воспринимал его целостно. Наши «отцы Церкви, переводя или составляя текст, свободно черпали слова из глубины своих чистых душ, западный же книжник постоянно ощущал страх преступить законы и предписания грамматики» [1, с. 78]. Другими словами, формирование русского самосознания происходило творчески, как «созерцание Божественной гармонии мироздания, его целостности, предопределяющей частности, детали осязаемой действительности» [1, с. 79]. В отличие от западного индивидуума, русский человек в поиске истины шел от целостного восприятия к частному, а не наоборот.

Рассудочная наука – это «наука духовно слепая: она не видит целостного предмета, бессильна», по уточнению Журавлева, «она застревает в частях и кусочках, бессильна подняться к созерцанию целого» [1, с. 79]. Отсюда характерная концентрация западного типа сознания на бытовом и материальном. Вполне логично, что так называемая эпоха Просвещения в Европе «формировала идеологию бытового и философского материализма как морально-философское обоснование развития товарно-денежных, рыночных отношений. Философский материализм приводил к атеизму, социальным революциям» [1, с. 80].

Журавлев был убежден, что «внутреннее неприятие западного материализма, “вольтерьянства”, осознание пагубных морально-этических последствий перехода к рыночной экономике и вызвали бурные дискуссии о путях развития России между западниками и славянофилами, обусловили осторожность шагов России по пути реформ» [1, с. 80]. Феномен раннего славянофильства (специали-

стам хорошо известно различие между поздним и ранним вариантами этого явления) рассматривается академиком-языковедом как протест «против бездумного, насильственного и “карикатурного” заимствования европейской культуры. Историко-философское осмысление русского национального характера привело славянофилов к обновлению самобытности любой национальной культуры» [1, с. 80]. Данную точку зрения разделяют и современные исследователи. Так, священник Виталий Щербаков обращается к статье А. С. Хомякова «О старом и новом» и отмечает, что ее автор «не идеализировал прошлое России», «говорил об исторических проблемах России как Киевского, так и Владимирского великокняжеских периодов», «указывал на крепостное право, на злоупотребления дворянства по отношению к крестьянам как на несомненное зло» [9, с. 18]. Вместе с тем Хомяков показывал «выгоды неисчислимые», которые несет в себе русская национальная культура: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» [10, с. 221]. К. С. Аксаков, еще один представитель раннего славянофильства, подчеркивал, что необходимо признавать всякую народность. По его мнению, если народ потеряет свою народность, он исчезнет. Пути развития так называемого «либерализма» в России привели к внутреннему расколу среди интеллигенции и, в конце концов, к серии революционных взрывов в первой четверти XX столетия.

В настоящее время российские ученые, общественные деятели достаточно часто в различных контекстах употребляют понятие «цивилизация». Если опираться на рассуждения тех же представителей русской религиозно-философской мысли, то следует признать существование двух понятий: цивилизации западного типа «как совокупности бытового, внешнего, материального» и «культуры как явления внутреннего, духовного» [1, с. 80]. Идеал Святой Руси есть идеал православный: то есть совокупность тех качеств, которые определяются умением сочетать подвиги и покаяние, демонстрировать в исключительных обстоятельствах патриотизм как явление духовное. Именно утрата, забвение идеала Святой Руси,

по мнению Журавлева, «гибельна для народа русского и для России» [1, с. 81].

Духовного подъема Россия достигает лишь тогда, «когда удается освободиться от бездумного “европейничанья”», когда «проявляется дух своих культурно-исторических традиций, национального инстинкта, расцветает всеми цветами радуги русская душа, проявляются самые лучшие черты русского национального характера» [1, с. 82]. Примерами такого подъема русского духа – соборной освободительной миссии русского народа в XIX веке – являются освобождение Финляндии, Отечественная война 1812 года, освобождение Армении 1876–1877 гг., освобождение Болгарии от Османской империи (1878). «Дух национального инстинкта» сохранился во время Великой Отечественной войны. Соборность и патриотизм остались в глубинах русской души, что сказалось на стремлении к освобождению от фашизма не только своего Отечества, но и порабощенной Гитлером Европы.

Национальная русская культура, выросшая из глубин Православия, одухотворяла искусство, литературу, науку. Цивилизацией некое сообщество может называться лишь тогда, когда у него существует духовно-культурный стержень. Специфика русского менталитета – это неустанные поиски «добра, истины, красоты и гармонии, формировала и характерные черты русской науки, русского ученого» [1, с. 83]. Именно такими были русские гении, ученые-энциклопедисты М. В. Ломоносов, В. Н. Вернадский, Д. И. Менделеев, К. Д. Ушинский, Н. С. Трубецкой и многие другие.

По наблюдению Журавлева, «отечественная наука о языке народов России и сопредельных стран заняла ведущее место среди наук гуманитарного цикла в России уже к концу XIX века. Разнообразие языкового материала, уважительное отношение к народам, говорящим на различных языках, представляющим почти все языковые семьи Евразии, бережное отношение к культурно-историческим традициям, идущим из Византии и арабского Востока, Китая, Древней Индии и Западной Европы, выдвинули нашу лингвистическую науку на ведущее место в мире» [1, с. 83]. В целостную науку о языке с предметом и методом исследования российские языковеды Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и другие объединили разрозненные филологические дисциплины: синтаксис с логикой, фонетику – с физиологией и акустикой, лексику – с историей

народа. Русские ученые выдвинули и обосновали «представление о системном устройстве языка и реальной действительности, о минимальных единицах структуры языка, оппозициях (противопоставлениях)...» [1, с. 85]. Таким образом, в отечественной науке о языке «сложился системно-функциональный подход ко всем явлениям языка как фундамент “лингвистического мировоззрения” XX века» [1, с. 85]. В этой связи важным положением является то, что «лингвистическое содержание любого элемента, любого языка определяется “как бы свыше”, т.е. его местом и функцией в системе данного языка» [1, с. 85]. Журавлев с некоторым удивлением обнаружил, что в Европе, Америке, Японии и во всем мире лингвистика стала «истинной наукой лишь в середине XX века, когда туда проникли идеи русских ученых и ученых, получивших филологическое образование в России» [1, с. 85]. В этом заслуга таких известных деятелей, как Н. С. Трубецкой, С. Карцевский, Р. Якобсон, А. Белич, Н. Ван Вейк, Макс Фасмер и других.

Лингвистика была названа ведущей наукой, которая оказала существенное влияние на развитие теории письма, стиховедения, литературоведения, этимологии, психологии, символической логики, теории чисел, теории информации, кибернетики, генетики и т.д. Великий русский ученый-естествоиспытатель В. И. Вернадский предсказывал, что «на смену дивергенции наук должна прийти эпоха интеграции огромной массы знаний, накопленных человечеством, в некую целостность» [1, с. 85]. Именно отечественная наука о языке сделала серьезный шаг, предсказанный Вернадским, соединив «разрозненные философские знания в целостную науку о языке, а к середине XX века успешно интегрировала и различные гуманитарные знания в определенную целостность, стимулируя интенсивное развитие науки о человеке, гуманизацию научных знаний, народного образования и воспитания. Лингвисты, сделавшие крупнейшие открытия общенаучного значения, отмечали, что во многих случаях эти открытия были подсказаны русским языком» [1, с. 85].

Таким образом, существует необходимость обоснования ключевого для русского духовно-культурного самосознания понятия «соборность», которое в многовековой отечественной традиции приобрело глубинный смысл. Принято считать, что оно изобретено славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием с целью пере-

дачи смысла греческого слова «кафолический», то есть «всеобщий». Римо-Католическая церковь это слово не вводила в богословский дискурс. В России понятие «соборность» ввели в оборот А. С. Хомяков, русский поэт и философ XIX века, философ Ю. Ф. Самарин, затем Ф. М. Достоевский. В начале XX века к нему обратились В. Соловьев, С. Трубецкой, С. Булгаков, С. Франк, вследствие чего оно достаточно прочно закрепилось в русской религиозно-философской мысли того времени. Н. Бердяевым был создан труд с оригинальным названием «Алексей Степанович Хомяков», посвященный осмыслению феномена соборности, его значения для русской национальной традиции. Именно Хомяков обосновал соборность как стержневое свойство не только к церковной, но и бытовой, культурной, общественной жизни России.

В основе семантики слова «соборность» заложена культурно-самобытная идея «единства во множестве», которая, несомненно, восходит к единению во Христе. Через это понятие мы приближаемся к пониманию русской национальной идентичности. Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев) так объясняет природу национальной духовной традиции: «2000 лет назад миру были даны вечные новозаветные ценности. Русская цивилизация восприняла их в купели Крещения, и уже более 1000 лет они служат основой жизни нашего общества. На них формировался духовный, нравственный, культурный, экономический потенциал народа, они являлись фундаментом воспитания и образования ушедших поколений, ими продолжают жить большинство наших современников. В отличие от ценностных систем, разработанных людьми, они неизменны и так глубоко проникли в сознание русского человека, что, как правило, преобладают в его жизни в любой религиозной, культурной или общественной среде» [11, с. 128–129].

Профессор А. В. Гулыга подчеркивал особенность личного восприятия россиянами духовных ценностей: «Русские поставили проблему взаимосвязи личностей – действующих, думающих, переживающих, в том числе и неосознанно – это особенно у Достоевского. Единство общего и единичного, при сохранении полного братства последнего – “соборность”. Такого термина нет на Западе» [12, с. 5]. Священник П. Флоренский выделял основополагающие критерии соборности: семья, родина, род человеческий: «Живя, мы соборуемся сами с собой – в пространстве и во времени, как це-

лостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемся в семью, и род, и народ и т.д., соборуясь до человечества и включая в единство человечности весь мир»[1]. Имеется в виду, прежде всего, духовное единение.

Самым явным признаком, противоположным соборности, Достоевский называл *отъединение* – крайнюю степень индивидуализма (не индивидуальности! – *прим. авт.*), которая неизбежно ведет к преступлению. Отъединение, по его мнению, –противоположное понятие о гражданине. Это самая опасная тенденция в мире – разделение и обособление, замкнутость в своей «правоте».

Важнейшая и часто цитируемая фраза Священного Писания «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8) органично, многообразно вошла в художественный дискурс Достоевского и в обоснование соборности. Писатель достиг глубин духовного чувствования и понимания, что «любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство ее – потребность изливаться на кого-нибудь и на что-нибудь, и эта потребность привела к созданию Богом мира» [Цит. по: 6, с. 15]. Способность полюбить врага, простить недруга – одна из основополагающих черт русского характера, по рассуждениям Достоевского. Сущность русской идеи он определял как «всеединство», объединение всех наций и народов, славянофилов и западников на родной почве.

В феномене соборности очень важен элемент памяти. С одной стороны, священно историческое взаимодействие прошлого с настоящим, то есть единение всех предшествующих и ныне живущих поколений вокруг значимых, поворотных национальных событий: Крещение Руси, освобождение от монголо-татарского ига, от польской интервенции, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и многие другие. С другой стороны, это своеобразное преодоление времени и власти смерти, основанное на православном понимании Церкви, которая состоит из двух частей: земной (воинствующей) и небесной (торжествующей). Это осмысление единой национальной судьбы в свете евангельской истины, поскольку «у Бога нет мертвых, все живы» (Мф. 22, 31).

[1] *Филиппов Б.О.* Павел Флоренский // Азбука веры : православный портал. URL: https://azbyka.ru/fiction/o-pavel-florenskij/ (дата обращения: 01.06.2023).

Ряд важных уточнений к формулировке категории соборности был сформулирован Т. С. Георгиевой, которая подчеркнула наднациональный и общегосударственный характер этого понятия. Помимо общинности, коллективизма, соборность несет в себе, с ее точки зрения, «более важный для судеб России этноконсолидирующий фактор – этническую уживчивость русских. Русские умели прощать своим врагам, открыты для всех “инородцев”, обладая планетарным типом мышления, а вернее – мироощущением. Воистину слова Священного Писания, что в Царствии Небесном “нет уже ни иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного” (Гал. 3, 28), “и будет одно стадо и один пастырь” (Ин. 10, 16) – *суть русского характера, органически чуждого какому-либо национализму»* [13, с. 69].

Очень важны рассуждения Т. С. Георгиевой о том, кто такой русский. Она связывает это понятие «с социально-исторической разновидностью» нашего Отечества, а самое главное «с общенациональным (русским) языком и принадлежностью к русской культуре» [13, с. 70–71]. Она утверждает, что соборное единение, хотя и по-разному называлось в различные эпохи российской государственности, ключевой смысл никогда не теряло. В основе государственных органов страны «четко прослеживается ряд соборных институтов: Всенародное вече – Земский Собор – Государственная дума – Совет депутатов» [13, с. 67].

Первый Всемирный Русский Народный Собор сформулировал важный тезис о том, что «культурологическое самоопределение русских» всегда исключало «всякий биологический национализм и шовинизм, позволяло русским веками играть соборную, сплачивающую роль в семье народов великой России»[2]. Помощь другим народам, в том числе и за пределами России, зачастую абсолютно безвозмездная, – это естественное, исконное назначение русских как соборообразующего и государствообразующего народа.

Заключение

Подводя итоги нашего рассуждения об основополагающих тенденциях национального культурно-исторического развития и русской словесности, отметим, что Конституция Российской Феде-

[2] I Всемирный Русский Собор. Российская соборная мысль. Москва : [б.и.], 1993. С. 103.

рации в последней редакции закрепила за русским языком статус «языка государствообразующего народа»[3] (ст. 68, п. 1), тем самым подчеркнув его определяющую роль в истории и культуре Российского государства. В свою очередь, в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации», в котором «постулируется мультикультурализм, а русский язык выступает интегрирующим элементом, содействующим "взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации", а также "приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации" (ст. 1, пп. 4–5)» [14, с. 202].

За несколько десятилетий до принятия на государственном уровне этих постулатов аналогичную концепцию изложил в своих трудах профессор В. К. Журавлев, который выявил основные различия западного и отечественного типа духовного развития, отметив преемство древнего литературно-языкового опыта, определившего уникальный характер русской словесности в целом, а также взаимопроникновение книжного церковно-славянского языка и народной разговорной речи как фактор, определивший своеобразие отечественной стилистики.

Этноконсолидирующая функция русского языка и основанной на нем русской культуры наиболее ярко проявляется в феномене соборности. Это неотъемлемое свойство русского менталитета определяет высокие духовно-нравственные качества нашей нации: способность без противоречий сопрягать личное (единичное) с общественным (массовым); способность прощать и тонко чувствовать ближнего; глубокую историчность мышления, выраженную в неразрывной связи поколений.

Список литературы

1. *Журавлев, В. К.* Русский язык и русский национальный характер / В. К. Журавлев // Кредо : научно-популярный и литературно-художественный областной независимый журнал. – Тамбов, 1996. – № 6/7. – С. 67–95.

2. *Трубецкой, Н. С.* Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой. –

[3] Статья 68 // Конституция Российской Федерации : с гимном России : новая редакция. Москва : Проспект, 2021. С. 19.

Париж ; Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1927. – С. 54–94. – URL: http://e-heritage.ru/Book/10075510 (дата обращения: 15.06.2023).

3. *Волкова, Е. И.* Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе : (С. Т. Кольридж, В. Ирвинг, А. С. Пушкин, Э. А. По, А. Белый и др.) : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Волкова Елена Ивановна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Факультет иностранных языков, Кафедра сравнительного изучения национальных литератур и культур. – Москва, 2001. – 417 с.

4. *Виноградов, В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 287, [1] с.

5. *Грудинина, Е. В.* К вопросу о дифференциальных признаках религиозного стиля и его месте в стилистической системе современного русского языка / Е. В. Грудинина. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023 – № 2 (23). – С. 202–226.

6. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Дух, душа и тело / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва : ТЕРИРЕМ, 2016. – 180 с.

7. *Лосский, Н. О.* Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви : Дар, 2005. – 335 с. – ISBN 5-485-00031-2.

8. *Волжский (Глинка А. С.).* Из мира литературных исканий : сборник статей / Волжский. – Санкт-Петербург : Издание Д. Е. Жуковского, 1906. – [4], 402 с.

9. *Щербаков, В. Ю., свящ.* Взгляд на путь развития России: генезис проблемы : (на основании историко-философского спора западников и славянофилов) / священник Виталий Юрьевич Щербаков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2020. – № 1 (10). – С. 14–26.

10. *Хомяков, А. С.* «Лучшие инстинкты души Русской». О старом и новом / Алексей Хомяков // Всемирная задача России / Алексей Хомяков. – Москва : Институт русской цивилизации : Родная страна, 2016.– ISBN 978-5-9908736-4-3. – С. 204–222.

11. *Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский*. Ценности вечные и ценности преходящие / митрополит Феодосий (Васнев). – DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2021. – № 2 (15). – С. 128–138.

12. *Гулыга, А. В.* Русский философский ренессанс и творческая судьба Вл. Соловьева / А. В. Гулыга // Соловьев Вл. Сочинения. – Москва : Раритет, 1994. – С. 5–12.

13. *Георгиева, Т. С.* Культура повседневности : русская культура и Православие / Т. С. Георгиева. – Москва : Аспект Пресс, 2008. – 397 с. – ISBN 978-5-7567-0476-1.

14. *Грудинина, Е. В.* Русский язык как основа духовной культуры российской нации / Е. В. Грудинина. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_191 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 3 (24). – С. 191–207.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023
Статья поступила после рецензирования 13.10.2023.
Статья принята к публикации 25.10.2023.

UDC 130.2; 808.1

SPEAKING ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE. ON THE FORMATION OF THE NATIONAL SPIRITUAL AND CULTURAL TRADITION

Dedicated to the Year of the Russian Language and the memory of Professor V. K. Zhuravlev (1922–2010)

Lyudmila Khvorova
Doctor of Philology, Professor
Professor at the Department of the Russian Language and Russian and World Literature
Derzhavin Tambov State University
181K Sovetskaya Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8720-7906

Elena Grudinina
PhD in Philology
Vice-Rector for Research
Director of the Master's Programs
Tambov Theological Seminary
3 M. Gorkogo Street, Tambov, 392000, Russia
E- mail: evgrudinina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2918-4731

For citation: Khvorova L. I., Grudinina E. V. Speaking about the Russian language. On the formation of the national spiritual and cultural tradition. Dedicated to the Year of the Russian language and the memory of Professor V. K. Zhuravlev (1922–2010) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_187. EDN: PFHEWG // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 187–208 pp. (in Russian)

Abstract

The article, on the basis of the reasoning made by V. K. Zhuravlev and other outstanding Russian philologists and philosophers, tries to make sense of the process of formation of the national tradition, with the Russian language lying at the core of it. The authors consider the experience of national scientific thought, which reveals a direct dependence of national cultural and historical development and Russian literature, and also analyze the prospects for this process. The concept of "conciliarity", which is key to the Russian mentality, is subjected to multi-aspect analysis; its meaning, which goes beyond the boundaries of religious discourse, is revealed. A special place in this aspect is occupied by the conceptual discoveries of F. M. Dostoevsky and modern scientist and public figure T. S. Georgieva. The special role of historical memory in the development of the phenomenon of conciliarity as a national cultural ideal is emphasized, its steadiness which continues its development both in the Soviet state and in modern Russia.

Based on specific examples, the authors identify obvious differences between Western and Russian types of spiritual development, note the continuity of ancient literary and linguistic experience, which forms an original cultural phenomenon, the unique character of Russian literature as a whole. The role of the Russian language as the most important culture-forming component of Russian literature is substantiated, and the interpenetration of the book Church Slavonic language and folk colloquial speech is emphasized as a factor that determined the originality of Russian stylistics. In conclusion, the spiritual essence of the Russian linguistic phenomenon is revealed and the ability of the Russian language to become an effective factor in the consolidation of all the peoples of Russia is stated.

Keywords: national cultural tradition; Russian language; culture-forming component; Church Slavonic bookishness; history of language; national character; conciliarity.

References

1. Zhuravlev V. K. Russkii yazyk i russkii natsional'nyi kharakter [Russian language and Russian national character]. *Kredo* [Credo]. Tambov, 1996, no. 6/7, pp.67–95. (In Russian).

2. Trubetskoy N. S. Obshcheslavyanskii element v russkoi kul'ture [Common Slavic element in Russian culture]. *K problem russkogo samosoznaniya* [On the problem of Russian self-knowledge]. Paris; Berlin, Eurasian Book Publ., 1927, pp. 54–94. (In Russian). Available at: http://e-heritage.ru/Book/10075510 (accessed: 15.06.2023).

3. Volkova E. I. *Syuzhet o spasenii v russkoi, angliiskoi i amerikanskoi literature. Dis. dok. kul'tur.* [The plot of salvation in Russian, English and American literature. Dis. Doc. of Cultural Studies]. Moscow, 2001, 417 p. (In Russian).

4. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII-XIX vekov* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House Publ., 1934, 287, [1] p. (In Russian).

5. Grudinina E. V. K voprosu o differentsial'nykh priznakakh religioznogo stilya i ego meste v stilisticheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [On differential features of religious style and its place in the stylistic system of the modern Russian language]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 202–226. (In Russian).

6. Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, soul and body]. Moscow, TERIREM Publ., 2016, 180 p. (In Russian).

7. Lossky N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Dar Publ., 2005, 335 p. (In Russian).

8. Volzhsky (Glinka A. S.). *Iz mira literaturnykh iskanii* [From the world of literary search]. St. Petersburg, D. E. Zhukovsky Publ., 1906, [4], 402 p. (In Russian).

9. Shcherbakov V. Yu., Priest. Vzglyad na put' razvitiya Rossii: genesis problem (na osnovanii istoriko-filosofskogo spora zapadnikov i slavyanofilov [A look at the path of development of Russia: the genesis of the problem (based on the historical and philosophical dispute between Westerners and Slavophiles)]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2020, no. 1 (10), pp. 14–26. (In Rusian).

10. Khomyakov A. S. "Luchshie instinkty dushi Russkoi". O starom i novom ["The best instincts of the Russian soul." About old and new].

Vsemirnaya zadacha Rossii [Worldwide task of Russia]. Moscow, Institute of Russian Civilization, Native Country Publ., 2016, pp. 204–222. (In Russian).

11. Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Tsennosti vechnye i tsennosti prekhodyashchie [Eternal values and transitory values]. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2021, no. 2 (15), pp. 128–138. (In Russian).

12. Gulyga A. V. Russkii filosofskii renessans i tvorcheskaya sud'ba Vl. Solov'eva [Russian philosophical renaissance and the creative destiny of Vl. Solovyov]. *Solovyov Vl. Sochineniya* [Solovyov Vl. Writings]. Moscow, Raritet Publ., 1994, pp. 5–12. (In Russian).

13. Georgieva T. S. *Kul'tura povsednevnosti: Russkaya kul'tura i Pravoslavie* [Everyday culture: Russian culture and Orthodoxy]. Moscow, Aspect Press Publ., 2008, 397 p. (In Russian).

14. Grudinina E. V. Russkii yazyk kak osnova dukhovnoi kul'tury rossiiskoi natsii [Russian language as the basis of the spiritual culture of the Russian nation]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_191 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 3 (24), pp. 191–207. (In Russian).

Received 17 June 2023.
Reviewed 13 October 2023.
Accepted for press 25 October 2023.

УДК 94(47).05–07

https://elibrary.ru/pjcfzm

«СЕ, ЖЕНИХ ГРЯДЕТ В ПОЛУНОЩИ…» (О РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В СИНОДАЛЬНОЙ РОССИИ)

Петров Николай Игоревич
кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник научного
отдела Санкт-Петербургской духовной
академии
191167, Россия, г. Санкт-Петербург,
наб. Обводного Канала, д. 17
E-mail: npetrovspb@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8523-572X

Для цитирования: Петров Н. И. «Се, Жених грядет в полунощи…» (О репрезентациях сакральных текстов в синодальной России). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_209. EDN: PJCFZM // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 209–224.

Аннотация

Репрезентирование сакральных текстов посредством переадресования цитаты от Бога к царю хорошо известно в России XVIII в. Публичным преодолением существующей сакральной традиции – так сказать, «сакральным кощунством» – претендент на религиозное лидерство демонстрирует социуму наличие харизмы, реализует некую модель поведения, подтверждающего обладание им властью и, прежде всего, властью сакральной (говоря упрощенно, вождем может стать тот, кто может «кощунствовать»). Признание социумом претендента как религиозного лидера легализует его «сакральное кощунство». Яркий пример подобной репрезентации сакрального текста представлен в описании встречи епископом Феофаном Прокоповичем Петра I возглашением начала одного из тропарей Страстной седмицы «Се, Жених грядет в полунощи…» Монарх в данном случае через соотнесение его с Женихом тропаря уподобляется Христу. Сопряжение этого тропаря с монархом известно и в постпетровской России. Протоиерей Александр Левшин использовал текст данного песнопения при описании прибытия Екатерины II в Успенский собор Московского Кремля. Впоследствии этот евангельско-гимнографический образ Жениха свя-

зывался с императором Николаем I святителем Филаретом (Дроздовым). Но в конце 1820-х гг. данный тропарь поется студентами московского университета при встрече профессора в аудитории перед лекцией. Видимо, следует говорить о некоей «нейтрализации» в XIX в. активно протекавших в XVIII в. процессов трансформации традиционных русских представлений о сакральном.

Ключевые слова: сакрализация монарха; репрезентация сакрального текста; тропарь «Се, Жених грядет в полунощи…»; российский император Петр I; И. А. Гончаров; М. Е. Салтыков-Щедрин.

Введение

Целью настоящей статьи является рассмотрение характера воспроизведения определенного гимнографического образа («Жениха в полунощи») в различных небогослужебных контекстах на протяжении большей части синодального периода российской истории.

Актуальность работы определяется необходимостью проведения ряда подобных исследований применительно к различным конкретным христианским сакральным текстам и представленным в них образам, сюжетам, мотивам, что при изучении феномена сакрализации монарха, принципиально важного для синодальной России, позволило бы выявить его конкретные динамические характеристики.

Впервые при помощи диахронического метода автор обнаруживает воспроизведение указанного гимнографического образа в небогослужебном контексте не только в одном достаточно известном случае, связанном с Петром I и епископом Феофаном Прокоповичем, но и в череде последующих схожих ситуаций, фиксируемых источниками на протяжении XVIII–XIX вв.

Основная часть

Дихотомия «благочестие / кощунство» (равно как и «сакральное / профанное») заметно упрощает все многообразие внецерковного (так сказать, «неуставного», «вторичного») воспроизведения сакральных текстов в русской жизни как синодального периода, так и предшествующей эпохи [1, с. 225–240]. Репрезентации такого

рода хорошо известны в России XVIII столетия, зачастую их существенной особенностью является переадресование цитаты от Бога к царю, которое могло сопрягаться и с неким профанным контекстом.

Среди подобных репрезентаций петровского времени обращает на себя внимание встреча епископом Феофаном Прокоповичем царя возглашением начала одного из тропарей Страстной седмицы «Се, Жених грядет в полунощи...»[1]. (В основе данного тропаря лежит евангельская притча о десяти девах (Мф. 25, 1–13), в которой приход Жениха подразумевает собой второе пришествие Иисуса Христа[2].) Этот эпизод из повседневной жизни Петра I и его окружения, а также позднейшие казусы внебогослужебного возглашения указанного тропаря представляются весьма показательными и требуют особого рассмотрения.

«...Вздумалось государю полюбопытствовать тогда же о Феофане: что̀ он сей ночи делает. Сего ради приял путь прямо к нему. <...> Бывшие у него гости испугались, стол наполнен был разными напитками и явствами. Но архиепископ, с веселым и бодрым духом встретив радостно государя, шедшего к нему, и имея покал в руках с венгерским, возгласил “Се жених грядет в полунощи! Блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостоин же паки, егоже обрящет унывающа! Здравие и благоденствие гостю неоцененному, велие счастие рабу и богомольцу твоему, егоже посетити благоволи!” Потом потчивал из сего покала вином, пил сам, пили и гости. Такою разумною встречею Петр Великий был доволен...» [2, с. 73, № 107; 3, с. 422–423, № 106]. Сомнения в исторической достоверности этого рассказа[3] не имеют принципиального значения для затрагиваемого

[1] «Се, Жених грядет в полунощи, / и блажен раб, егоже обрящет бдяща; / недостоин же паки, егоже обрящет унывающа. / Блюди убо, душе моя, / не сном отяготися, / да не смерти предана будеши, / и Царствия вне затворишися, / но воспряни, зовущи: / Свят, Свят, Свят еси, Боже, / Богородицею помилуй нас» (см.: Полный Тропарион : тропари, кондаки и величания на праздники Господни, Богородичны, святых угодников Божиих и икон Божьей Матери на каждый день года : в 2 кн. Москва : Ставрос, 2003. Кн. 2. С. 604–605).

[2] *Феофилакт Болгарский, блж.* Благовестник : в 4 т. 3-е изд. Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2013. Т. 1 : Толкование на Евангелие от Матфея. С. 372.

[3] «Быть может, впрочем, что весь анекдот есть только позднейшая выдумка, сочиненная с намерением дать сравнительную характеристику образа жизни обоих архиереев (Феофана Прокоповича и Стефана Яворского. – *Н. П.*)» [2, с. 128]. См. также: *Терновский Ф. М.* Стефан Яворский : (биографический очерк) // Труды Киевской Духовной Академии. 1864. № 6. С. 157–158, прим. 2.

настоящей статьей круга вопросов. Как бы то ни было, очевидно, что данный нарратив воспринимался младшим современником Петра А. К. Нартовым как вполне достоверный и, что особенно важно, как должным образом характеризующий первого российского императора.

Поведение Феофана Прокоповича может быть воспринято в данном случае как одно из проявлений связываемого с петровским временем *смешения* сакральной и профанной сфер русской жизни. Однако думается, что речь здесь стоит вести не о секуляризации русского общества, а об *изменении* Петром и его соработниками границ сакрального, затронувшем и праздничную культуру, и повседневность. Феофан Прокопович попытался «перенести» ночное застолье в область сакрального. Мы имеем в виду не только уподобление монарха Христу (через соотнесение монарха с Женихом тропаря), но и само по себе возглашение церковного песнопения в обстановке, профанный характер которой очевиден. Как отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, «широко развивающаяся с петровских времен тенденция отнесения к монарху литургических текстов» «не только возникла в окружении Петра, но и прямо поощрялась им» [4, с. 252, 280, 283]. Подобные ситуации, формируемые самим Петром как неким культурным (точнее говоря, религиозным) героем или при его непосредственном участии, вполне сопоставимы и с пением Иваном Грозным на пирах «молитвенных песен» [5, с. 363; 6, с. 461], и даже – с сакральным переживанием профанной повседневности христианами апостольских времен. Ведь, как отмечает протопресвитер Александр Шмеман, «одним из главных обвинений христиан в эпоху гонений было обвинение в *атеизме*, в отсутствии *священного центра*». И далее: «Не рукотворный храм, а отверстое небо, Мир, претворенный в храм, вся жизнь – в Литургию: такова основа христианской *Lex orandi*» [7, с. 389].

Подобный взгляд на репрезентации сакральных текстов в профанных контекстах петровской и постпетровской России не противоречит усматриванию в данном феномене метафорического цитирования, свойственного европейской культуре барокко: «Сталкиваются два отношения к знаку: конвенциональное, характерное для представителей югозападнорусской образованности (и восходящее в конечном счете к латинско-польской барочной культуре), т.е. к западным источникам новой культуры, и неконвенцио-

нальное, характерное для представителей великорусской традиции... <...> Когда, например, Феофан Прокопович встречает Петра, неожиданно явившегося к нему во время ночной пирушки, словами тропаря: "Се жених грядет во полунощи"... то для одних это не более чем метафорический образ, в то время как для других в нем слышится богохульство. <...> Для барокко характерна не только игра словами, но и игра смыслами. В частности, цитирование в культуре барокко имеет прежде всего характер украшения, и, соответственно, следование первоначальному смыслу, который заложен в цитате, отнюдь не является целью цитирования; напротив, помещение цитаты в неожиданный контекст, ее новое звучание, игра чужим словом оказывается одним из наиболее изысканных риторических приемов» [4, с. 230–233, 288–289, 310]. Метафора вполне может быть вовлечена в процесс переосмысления границ сакрального. «Авторы Библии, избегая дескриптивного языка, посредством метафоры отражали свой опыт богообщения. Метафора в этом ракурсе приобретает статус не только поэтического средства, но и средства опосредствованной номинации трансцендентной Сущности, своеобразного теологического инструментария» [8, с. 51]. «В случае с Новым Заветом, каждое из метафорических наименований Бога, с одной стороны, опирается на ветхозаветную традицию, а с другой – служит основой для христианского творчества в послеапостольский период» [9, с. 42; см. также: 10, с. 53]. Игровой характер барокко оказывается весьма благоприятным для развития нового взгляда на сакральную область культуры, но ведь и игра как таковая связана с конструированием сакрального: «Освященное действие некоторыми своими сторонами всегда остается включенным в категорию игры...» [11, с. 40].

Явным, зримым нарушением актуальных, действующих сакральных норм (своего рода «сакральным кощунством») потенциальный религиозный лидер демонстрирует обществу свою харизму, реализует такой сценарий властного поведения, который подтверждает наличие у него сакральной власти (иначе говоря, вождем имеет основания стать тот, кто имеет возможность «кощунствовать»). Принятие обществом такого религиозного лидера оправдывает его «сакральное кощунство». Ситуация подобного рода описывается в Евангелии: деяния и речи Христа воспринимаются и как кощунства («Он богохульствует» – Мф. 9, 3; см. также

Мк. 2, 7; Лк. 5, 21), и как проявления харизмы («Он учил их, как власть имеющий…» – Мф. 7, 29; см. также Мк. 1, 22; Лк. 4, 32). Поведение Петра I и его сакрализация структурно также вполне соответствуют охарактеризованному явлению. Исследование «священных пародий» Петра I как способа формирования новой религиозной реальности представлено в монографии Э. Зицера [12]. Однако отметим, что преодоление устоявшейся границы, разделяющей сакральное и профанное, не следует считать прерогативой лидера; примером такого преодоления может служить индивидуальный опыт окказиональной молитвы, упоминаемый преподобным Иоанном Лествичником: «Будучи негде в собрании, я заметил, что на одного тщательного брата напали нечистые помыслы, и как ему не нашлось приличного места, где бы тайно от других помолиться, то он вышел, как бы по естественной нужде и там произнес усердную молитву на тех супостатов. И когда я ему выговаривал за неприличность места к молитве, он отвечал: “О прогнании нечистых помыслов я и молился в нечистом месте, чтобы очиститься от скверны”» [13, с. 239–240, ст. XV, 81].

Соотнесение тропаря «Се, Жених…» с монархом известно и в постпетровской России. В 1783 г. протоиерей Александр Левшин использовал текст данного песнопения при описании прибытия Екатерины II в Успенский собор Московского Кремля в начале 1775 г.: «…С нетерпеливостию ожидали великого пришествия великой в свете Обладательницы, и к великому обрадованию увидели событие Евангельских слов[4]: се! жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща. Сверьх чаяния Генваря 22 дня в самую полнощ (выделено автором статьи. – *Н. П.*) в 12 часу во второй четверти в малой свите кротко шествующую в первопрестольной храм, и преклоняющую колена пред Господем…» [14, с. 123–124]. Вряд ли стоит предполагать, что протоиерей Александр испытывал некие сомнения в связи с гендерной неуместностью сопряжения императрицы с Женихом тропаря. Ведь уже Елизавета Петровна уподоблялась в церковных проповедях Самому Христу [15, с. 134]. Возможность такого уподобления коренится, прежде всего, конечно же, в усматривании образа Бога в личности императрицы [4, с. 237, 244, 249–251, 255, 267–268,

[4] Далее цитируется именно тропарь. Ср.: «Полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите в сретение его» (Мф. 25, 6).

270, 272, 281–282, 290, 292, 295–299, 301–302, 318–319, 328, 330–331].

Впоследствии евангельско-гимнографический образ Жениха связывался с императором Николаем I святителем Филаретом (Дроздовым). Впрочем, высказывания такого рода обнаруживаются лишь в письмах московского митрополита: «Может в сем же месяце или случиться шествие Государя Императора по пути лавры. <...> Это не известие, а только мысль, и только для вас, да не все найдется дремлющим, если приидет Жених в полунощи» [16, с. 21, 38, 214] (см. также: [4, с. 282–283]). Показательно, что почти с тем же самым временем, когда были написаны процитированные строки, – с концом 1820-х гг. – соотносима следующая мемуарная поправка И. А. Гончарова к опубликованной в 1874 г. А. Н. Пыпиным биографии В. Г. Белинского: «На странице 607 *Биографии Белинского* говорится, что студенты встречали Победоносцева вечером с пением: *се жених грядет в полунощи*. Это было, *но отнюдь не с Победоносцевым, а с Гавриловым,* профессором славянского языка. Победоносцев по вечерам никогда не читал лекций. Я не застал его: кафедру эту закрыли, но студенты, по свежему преданию, рассказывали мне, что они *неоднократно* (выделено автором статьи. – *Н. П.*) встречали его таким образом, то есть славянскою песнию» [17, с. 422–423][5]. Для сравнения: «Рассказывали, что однажды, когда Победоносцев, читавший лекции по вечерам, должен был придти в аудиторию, студенты, закутавшись в шинели, забились по углам аудитории, слабо освещенной лампою, и как только он появился, запели: “се жених грядет во полунощи”» [18, с. 607; 19, с. 62]. Судя по всему, И. А. Гончаров, свидетельствуя об исключительно профанном характере исполнения тропаря «Се, Жених...», не предполагает возможности восприятия данного факта как некоего вызова иным представлениям о сакральном – речь идет о вполне рядовой, причем повторяющейся студенческой шутке (показательно, что как «богословскую шутку» А. В. Карташев характеризует рассмотренное выше возглашение тропаря «Се, Жених...» Феофаном Прокоповичем [20, с. 408], ср.: [21, с. 126–127]) и отношение

[5] Матвей Гаврилович Гаврилов преподавал в Московском университете в 1796–1829 гг., Петр Васильевич Победоносцев – в 1814–1834 гг. (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета, за истекающее столетие : в 2 ч. Москва : Университетская типография, 1855. Ч. 1. С. 169 ; Ч. 2. С. 228).

самого И. А. Гончарова к ней выглядит совершенно нейтральным[6]. Следует подчеркнуть, что здесь рассматривается внецерковная судьба конкретного песнопения, редко звучащего даже в церковном пространстве. (Тропарь «Се, Жених…» поется на утрене в первые три дня Страстной седмицы[7]. Впрочем, он также читается на вседневной полунощнице. Однако, насколько мы можем судить, в рассматриваемое время полунощница, как и в наши дни, совершалась обычно не в приходских храмах, а в монастырях.) Но, например, в 1851 г. А. Ф. Львов не смог «дать духовный концерт в пользу инвалидов в зале Дворянского Собрания»: «Пошли толки, осуждения, что за деньги и сидя публика будет слушать церковное пение (как будто тоже не делают, посещая Певческую Капеллу несколько десятков лет); что зала Дворянского Собрания, где даются балы, для этого неудобна и пр. и пр.» [22, с. 98–99].

Схожая ситуация, связанная с более поздним временем царствования Николая I, отмечена М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Это был тот самый Мусин-Пушкин (граф М. Н. Мусин-Пушкин состоял попечителем С.-Петербургского учебного округа в 1840-х – 1850-х гг. – *Н. П.*), которому некогда профессор Горлов посвятил свой курс политической экономии и в посвящении упомянул о всех чинах, должностях, званиях и орденах своего патрона. Вышла почти целая страница, и я помню, что в школе мы эту страницу певали хором на мотив “верую во единого”» [23, с. 334–335] (в первой публикации этого рассказа сказано иначе: «…мы эту страницу певали хором на веселые голоса»[8]). Произведения самого М. Е. Салтыкова-Щедрина, бóльшая часть которых была написана в пореформенной России, содержит неисчислимое множество образцов профанирования сакральных текстов, и уже в ранней щедринской прозе 1850-х гг. мы вновь встречаем христианский образ Жениха, соотносимый на этот раз со столицей империи: «В устах всех Петербург

[6] О религиозности И. А. Гончарова см.: Мельник В. И. «Отошел тихо и с верою…» : (о кончине И. А. Гончарова на основании материалов забытых откликов) // Таинство слова и образа : сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии, 3–4 октября 2018 г. Сергиев Посад : Московская духовная академия ; Переславль : Переславская епархия, 2019. С. 340–353.

[7] Розанов В. Богослужебный устав Православной Церкви : опыт изъяснительного изложения порядка богослужения Православной Церкви. Москва : Типо-литография А. В. Васильева и К°, 1902. С. 569, 571–572.

[8] Салтыков-Щедрин М. Е. Похороны // Отечественные записки. 1878. № 9. С. 254.

представляется чем-то вроде жениха, приходящего в полуночи...» [24, с. 30] (процитированный текст наличествует уже в первой публикации[9]. – *Н. П.*). Впрочем, в данном случае М. Е. Салтыков-Щедрин, судя по всему, имел в виду собственно евангельскую притчу о десяти девах (Мф. 25, 1–13).

Заключение

Таким образом, с течением времени, на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. профанные обращения к сакральному образу «Жениха в полунощи» утрачивают свой изначальный эпатирующий характер и выглядят все менее и менее вызывающе. Существенно упрощая, можно, видимо, говорить о «нейтрализации» в XIX в. активно протекавших в XVIII столетии процессов трансформации традиционных русских представлений о сакральном (ср.: [25, с. 90]. Об «ограничении сакрализации монарха» в России в XIX в. см.: [4, с. 302–306]). Показательно, что пафос лаконичной формулировки павловского акта о престолонаследии, в известном смысле подводящей итог этим процессам («...Государи Российские суть Главою Церкви...»[10]), рассеивается в николаевском своде законов империи: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей Веры, и блюститель Правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния. <...> *В сем смысле* (выделено автором статьи. – *Н. П.*), Император, в Акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 (17910), именуется *Главою Церкви*»[11].

В качестве дальнейших перспектив намеченного в настоящей статье исследования отметим необходимость диахронного рассмотрения иных аналогичных случаев воспроизведения в небогослу-

---

[9] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Губернские очерки // Русский вестник. 1856. Август, кн. 2. С. 712.

[10] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Санкт-Петербург : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 24. С. 588 (№ 17910 от 5 апреля 1797 г.).

[11] Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Санкт-Петербург : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Ч. 1. С. XVI (ст. 42). Об именовании российского императора «Главою Церкви» в первой четверти XIX в. см.: Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог : (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд., испр. и перераб. Москва : Языки русской культуры, 1996. Т. 1. С. 324, 327.

жебных контекстах синодального периода российской истории цитат из Священного Писания или Священного Предания (например, «Благословен грядый во имя Господне…» (Пс. 117, 26) или же «… Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии си» (Лк. 23, 42)).

Список литературы

1. *Смилянская, Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – Москва : Индрик, 2003. – 462 с. – ISBN 5-85759-250-X.

2. *Майков, Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом / Л. Н. Майков // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – 1891. – Т. 52, № 8. – С. 1–138.

3. *Голиков, И. И.* Анекдоты, касающиеся до Государя Императора Петра Великого / собранные Иваном Голиковым. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Университетская типография, 1807. – XVI, 535, [1] с.

4. *Живов, В. М.* Царь и Бог : (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Избранные труды / Б. А. Успенский : [в 3 т]. – 2-е изд., испр. и перераб. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – Т. 1. – ISBN 5-88766-007-4. – С. 205–337.

5. *Петрей де Ерлезунда, П.* История о Великом Княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах / собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда ; пер. с нем. А. Н. Шемякина. – Москва : Университетская типография, 1867. – [2], XII, 574, [4] с.

6. *Панченко, А. М.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха / А. М. Панченко, Б. А. Успенский // Из истории русской культуры : в 5 т. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2, кн. 1. – ISBN 5-7859-0142-0. – С. 457–478.

7. *Шмеман А., прот.* Евхаристия – Таинство Царства / протопресвитер Александр Шмеман // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. – Санкт-Петербург : Библиополис, 2006. – ISBN 5-7435-0253-6. – С. 209–429.

8. *Шитиков, П. М.* Концептуальная метафора в Евангелии от Иоанна / П. М. Шитиков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 145 с. – ISBN 978-5-9905927-9-7.

9. *Шитиков, П. М.* Религиозная метафора в свете когнитивной лингвистики / П. М. Шитиков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (32). – С. 40–42.

10. *Жеребятьев, С. Н.* Призыв Господа ко всему человечеству в евангельских притчах : опыт интертекстуального анализа / С. Н. Жеребятьев. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_1_48 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 1 (18). – С. 48–58.

11. *Хейзинга, Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Йохан Хейзинга ; пер. с нидерланд. И прим. В. В. Ошиса ; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс-Академия, 1992. – 458 с. – ISBN 5-01-002053-X.

12. *Зицер, Э.* Царство Преображения : Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Эрнст Зицер. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 238 с. – ISBN 978-5-86793-603-7.

13. *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, возводящая на небо / преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. – 3-е изд. – Москва : Даръ, 2008. – 527 с. – ISBN 978-5-485-00180-3.

14. *Левшин, А. Г., прот.* Историческое описание первопрестольного в России храма, Московского большого Успенского собора и о возобновлении первых трех московских соборов, Успенского, Благовещенского и Архангельского / протоиерей Александр Георгиевич Левшин. – Москва : Типография Мейера, 1783. – [24], 272, 112, [3] с.

15. *Бугров, К. Д.* «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х – 1750-х гг. / Бугров К. Д. – DOI: 10.17223/15617793/436/15 // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – Ноябрь (№ 436). – С. 131–138.

16. *Филарет (Дроздов), свт.* Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию, 1831–1867 гг. В 4 ч. Ч. 1. 1831–1841 / митрополит Московский Филарет. – Москва : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1877. – 433 с.

17. *Гончаров, И. А.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8 / И. А. Гончаров. – Москва : Художественная литература, 1980. – 559 с.

18. *Пыпин, А. Н.* В. Г. Белинский : опыт биографии / А. Пыпин // Вестник Европы : журнал истории, политики, литературы. – 1874. – Апрель (кн. 4). – С. 602–629.

19. *Пыпин, А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. Т. 1 / А. Н. Пы-

пин. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1876. – 314 с.

20. *Карташев, А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. Т. 2 / Антон Карташев. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2009. – 687 с. – ISBN 978-5-7533-0230-4.

21. *Панченко, А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху / А. М. Панченко // XVIII век. – 1974. – Сб. 9 : Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII века. – С. 112–128.

22. *Львов, А. Ф.* Записки / А. Ф. Львов // Русский Архив. – 1884. – № 5. – С. 65–114.

23. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1988. –– 575 с.

24. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Правда, 1988.– 542 с.

25. *Ливцов, В. А.* Формирование системы духовного образования в России в XVIII веке / В. А. Ливцов. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_84 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 84–94.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023.
Статья поступила после рецензирования 09.10.2023.
Статья принята к публикации 26.10.2023.

UDC 94(47).05–07

“BEHOLD, THE BRIDEGROOM COMES AT MIDNIGHT...” (ON REPRESENTATIONS OF THE SACRAL TEXTS IN SYNODAL RUSSIA)

Nikolai Petrov
Ph. D. in History, Assistant Professor
Chief Researcher of the Research Department
St. Petersburg Theological Academy
17 Obvodny Canal Emb., 191167
St. Petersburg, Russia
E-mail: npetrovspb@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8523-572X

For citation: Petrov N. I. "Behold, the bridegroom comes at midnight..." (on representations of the sacral texts in Synodal Russia) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_209. EDN: PJCFZM// Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 209–224 pp. (in Russian)

Abstract

Representation of the sacral texts by redirection of a quote from God to the Tsar was well known in eighteenth-century Russia. By public overcoming of the current sacral tradition, so to say, by "sacral blasphemy", a contender for religious leadership demonstrated to society his (or her) charisma, he implemented some model of a potestary behavior, which confirmed that he possessed the power and, first of all, the sacral power (to put it simply, a leader should be able to make "blasphemy"). The recognition by society of such contender as a religious leader legalized his "sacral blasphemy". A bright example of such representation of a sacral text contains the description of meeting of Peter the Great by the bishop Theophan Prokopovich with exclamation of the troparion of Holy Week "Behold, the Bridegroom comes at midnight..." The monarch in this case, through his correlation with the Bridegroom of the troparion, was likened to Christ. Such correlation of this troparion with a monarch was known in post-Petrine Russia as well. The protoiereus Alexander Levshin used this text, when he described the arrival of Catherine II in the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Later this gospel and hymnographic image of the Bridegroom was associated with the emperor Nicholas I by St. Philaret (Drozdov). But in the late 1820s this troparion was sung by the students of the Moscow university, when they met professor in an auditorium before his lecture. Apparently we must talk about some "neutralization" of the transformation of traditional Russian understanding of sacrality (which progressed in the 18th century actively) during the 19th century.

Keywords: sacralization of a monarch; representation of a sacral text; the troparion "Behold, the Bridegroom comes at midnight..."; Russian Emperor Peter I; Ivan Goncharov; Mikhail Saltykov-Shchedrin.

References

1. Smilyanskaya E. B. *Volshebniki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i "dukhovnye prestupleniya" v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Religiosity of people and "spiritual crimes" in Russia in the 18th century]. Moscow, Indrik Publ., 2003, 462 p. (In Russian).

2. Maikov L. N. Rasskazy Nartova o Petre Velikom [Nartov's stories about

Peter the Great]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperskoi Akademii Nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. 1891, vol. 52, no. 8, pp. 1–138. (In Russian).

3. Golikov I. I. *Anekdoty, kasayushchiesya do Gosudarya Imperatora Petra Velikogo* [Anecdotes relating to the Emperor Peter the Great]. Moscow, University Printing House Publ., 1807, XVI, 535, [1] p. (In Russian).

4. Zhivov V. M. Tsar' i Bog: (semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and God: (semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia)]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, vol. 1, pp. 205–337. (In Russian).

5. Petrei de Erlesunda P. *Istoriya o Velikom Knyazhestve Moskovskom, proiskhozhdenii velikikh russkikh knyazei, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonakh, nravakh, pravlenii, vere i obryadakh* [History of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent unrest caused there by the three False Dmitries, and about Moscow laws, morals, government, faith and rituals]. Moscow, University Printing House Publ., 1867, [2], XII, 574, [4] p. (In Russian).

6. Panchenko A. M. Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha [Ivan the Terrible and Peter the Great: concepts of the first monarch]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From History of Russian Culture]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2002, vol. 2, book. 1, pp. 457–478. (In Russian).

7. Schmeman A., Protopresbyter Evkharistiya – Tainstvo Tsarstva [The Eucharist is the Sacrament of the Kingdom]. *Liturgicheskoe bogoslovie ottsa Aleksandra Shmemana* [Liturgical Theology of Father Alexander Schmemann]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2006, pp. 209–429. (In Russian).

8. Shitikov P. M. *Kontseptual'naya metafora v Evangelii ot Ioanna* [Conceptual metaphor in the Gospel of John]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2015, 145 p. (In Russian).

9. Shitikov P. M. Religioznaya metafora v svete kognitivnoi lingvistiki [Religious metaphor in the light of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2012, no. 3 (32), pp. 40–42. (In Russian).

10. Zherebyatyev S. N. Prizyv Gospoda ko vsemu chelovechestvu v evangel'skikh pritchakh: opyt intertekstual'nogo analiza [The Lord's call to all humanity in the Gospel parables: experience of intertextual analysis]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_1_48 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 1 (18), pp. 48–58. (In Russian).

11. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow, Progress Academy Publ., 1992, 458 p. (In Russsian).

12. Zitser E. *Tsarstvo Preobrazheniya: Svyashchennaya parodiya i tsarskaya kharizma pri dvore Petra Velikogo* [Kingdom of Transfiguration: Sacred parody and royal charisma at the court of Peter the Great]. Moscow, New Literary Review Publ., 2008, 238 p. (In Russian).

13. St. John Climacus *Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo* [Ladder leading to heaven]. Moscow, Dar Publ., 2008, 527 p. (In Russian).

14. Levshin A. G., Archpriest *Istoricheskoe opisanie pervoprestol'nogo v Rossii khrama, Moskovskogo bol'shogo Uspenskogo sobora i o vozobnovlenii pervykh trekh moskovskikh soborov, Uspenskogo, Blagoveshchenskogo i Arkhangel'skogo* [Historical description of the first altar church in Russia, the Moscow Great Assumption Cathedral and the renewal of the first three Moscow cathedrals, the Assumption, Annunciation and Arkhangelsk]. Moscow, Meyer Printing House Publ., 1783, [24], 272, 112, [3] p. (In Russian).

15. Bugrov K. D. "Politicheskoe bogoslovie" elizavetinskoi ery: legitimatsiya vlasti Elizavety Petrovny v pridvornoi propovedi 1740-kh – 1750-kh gg. ["Political theology" of the Elizabethan era: legitimation of the power of Elizaveta Petrovna in the court sermon of the 1740s - 1750s]. DOI: 10.17223/15617793/436/15 *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2018, November (no. 436), pp. 131–138. (In Russian).

16. St. Filaret (Drozdov) *Pis'ma mitropolita Moskovskogo Filareta k namestniku Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry arkhimandritu Antoniyu, 1831 – 1867 gg.* [Letters from Metropolitan Philaret of Moscow to the abbot of the Holy Trinity Sergius Lavra, Archimandrite Anthony, 1831–1867]. Moscow, Printing House of A. I. Mamontov and Co. Publ., 1877, part 1, 1831–1841, 433 p. (In Russian).

17. Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1980, vol. 8, 559 p. (In Russian).

18. Pypin A. N. V. G. Belinsky: opyt biografii [V. G. Belinsky: experience of biography]. *Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury* [Bulletin of Europe: Journal of History, Politics, Literature]. 1874, April (book 4), pp. 602–629. (In Russian).

19. Pypin A. N. *Belinsky, ego zhizn' i perepiska* [Belinsky, his life and correspondence]. St. Petersburg, Printing House of M. M. Stasyulevich Publ., 1876, vol. 1, 314 p. (In Russsian).

20. Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2009, vol. 2, 687 p. (In Russian).

21. Panchenko A. M. O smene pisatel'skogo tipa v petrovskuyu epokhu [On the change of writer's type in the era of Peter the Great]. *XVIII vek* [18th Century]. 1974, vol. 9, Problems of literary development in Russia in the first third of the 18th century, pp. 112–128. (In Russian).

22. Lvov A. F. Zapiski [Notes]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive]. 1884, no. 5, pp. 65–114. (In Russian).

23. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Pravda Publ., 1988, vol. 4, 575 p. (In Russian).

24. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Pravda Publ., 1988, vol. 1, 542 p. (In Russian).

25. Livtsov V. A. Formirovanie sistemy dukhovnogo obrazovaniya v Rossii v XVIII veke [Formation of the system of spiritual education in Russia in the 18th century]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_84 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 84–94. (In Russian).

Received 07 June 2023.
Reviewed 09 October 2023.
Accepted for press 26 October 2023.

УДК 2-591

https://elibrary.ru/quibcc

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЗЕ М. А. БУЛГАКОВА 1920-Х ГОДОВ: ДУХОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)

Священник Евгений Михайлович Дынич
аспирант кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Россия, Московская область,
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра,
Московская духовная академия
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

Для цитирования: Дынич Е. М., свящ. Художественное изображение революции в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов: духовная проблематика и христианские мотивы (на примере романа «Белая гвардия»). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_225. EDN: QUIBCC // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 225–243.

Аннотация

В статье рассматриваются христианские мотивы, выстраивающие художественное изображение событий революции и гражданской войны в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов. Объектом исследования являются избранные произведения писателя о трагических событиях русской истории первой трети XX в., в частности проанализирован роман «Белая гвардия». Литературоведческий анализ булгаковских произведений показал, что характерной чертой творчества писателя-«мистификатора» является обыгрывание современных сюжетов с помощью библейских мотивов. Внимание автора статьи сосредоточено на апокалиптическом мифе и изображении духовного пути центральных героев романа «Белая гвардия». Используя иносказание, абсурд, иронию, сатиру, литературную игру, Булгаков зашифровал в своем произведении духовную трагедию общества.

В заключении сделан вывод о том, что с помощью апокалиптических цитат и аллюзий Булгаков показывает крушение миров разного масшта-

ба: личный и семейный «апокалипсис» героев (Турбиных); локальный, российский, исторический (революция) и метаисторический (всечеловеческий, окончательный). По мнению автора, постоянная амбивалентность символов и мифологем в булгаковских произведениях не допускает однозначного прочтения финала романа, а обращение к христианским мотивам в изображении революционных событий обусловлено: 1) непреодолимой тоской по разрушенному прежнему укладу жизни и ассоциированием нового порядка с действием темных сил; 2) личной ответственностью человека за деяния в революционной стихии; 3) вопросами веры, вечной жизни и воздаяния на Страшном суде, возникающими в кризисные моменты земного бытия.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; Белая гвардия; рассказы и повести 1920-х гг.; христианская традиция в русской литературе; библейские мотивы; апокалиптический миф.

Введение

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных библейским мотивам в изображении революции в русской прозе 1920-х гг. [1; 2].

М. А. Булгаков воспринимается массовым читателем в первую очередь как автор «загадочного», «мистического» романа «Мастер и Маргарита», как великий сатирик, «мистик» и «мистификатор». Но и при более пристальном взгляде на его творчество исследователя не оставляет чувство невозможности разгадать сложный булгаковский художественный код, сходу приблизиться к пониманию авторской позиции. Очевидно, что поверхностные суждения ведут к искажениям и примитивным трактовкам, что, в случае с Булгаковым, может оказаться особенно соблазнительным и доступным в силу его самобытного мифотворчества и особенного умения изображать зло. Эту проблему осветил Д. В. Макаров, по словам которого в искаженном прочтении итогового романа Булгакова отразилась *«трагедия общества, потерявшего за годы безбожия духовную зоркость»*, ведь *«практически никто, за небольшим исключением, не смог почувствовать авторскую иронию и все восприняли булгаковскую пародию всерьез: одни как идеал для подражания, другие как сознательное кощунство писателя»* [3, с. 4–5]. Слова «пародия» и «тонкая мистификация» [3, с. 5] можно отнести, конечно, не только к последнему, знаменитейшему роману Булгакова,

но и к более ранним его произведениям, в которых были заложены и проявлены основы творческого метода и поэтики Булгакова. Невозможность прямого высказывания (а Булгаков испытал это на себе сполна) порождает необходимость к сложной «шифровке» смыслов – появляются иносказание, абсурд, ирония, сатира, литературная игра. Тем не менее Булгаков, при всей сложности своего положения, все же не мог не сделать литературного высказывания о русской революции и гражданской войне: болезненная и страшная тема «17-го незабываемого года» [4, с. 71] неоднократно возникает и в его прозе («Белая гвардия», рассказы), и в драматургии («Дни Турбиных», «Бег»). Одной из характерных черт творчества Булгакова является обыгрывание современных сюжетов с помощью библейских мотивов.

Библейские мотивы в творчестве М. А. Булгакова неоднократно привлекали внимание исследователей. Тема эта в литературоведении не является terra incognita. Однако нам представляется небезынтересным сосредоточиться именно на изображении революции и гражданской войны в контексте христианской традиции и духовной проблематики. Таким образом появляется возможность выявить некоторые особенности художественной историософии Булгакова, его личного и творческого взгляда на трагические события русской истории первой трети XX в., современником и участником которых он был. Важным нам кажется также увидеть данные произведения Булгакова в контексте других образцов русской прозы о революции, созданных в то же время. Данный подход дает возможность с христианских позиций взглянуть на трагический момент русской истории в его связи с развитием русской литературы и религиозной мысли. Углубление знания в этой сфере может открыть новые перспективы в преподавании истории русской литературы и воспитании духовной зоркости читателя.

Основная часть

М. А. Булгаков в романе «Белая гвардия» (1924) выбрал ретроспективный взгляд на события и четко обозначил это в первых словах повествования, похожих на эпический зачин: *«Велик **был** год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-ый, от начала же революции второй...»* [5, с. 9].

Многие исследователи творчества М. А. Булгакова отмечали доминанту эсхатологического мифа в его поэтике. Данная тема была изучена в двух современных исследованиях: это диссертации В. А. Кохановой [6] и О. А. Орловой [7].

В работе В. А. Кохановой главной целью является «расшифровка православного кода» Булгакова в романе «Белая гвардия», и в этой связи обоснованно констатируются принадлежность «Белой гвардии» к типу «рождественского текста» и эсхатологизм хронотопа в романе, где пространственно-временной континуум подвержен кардинальным изменениям в свете наступления «начала конца» [6].

О. А. Орлова исследует эсхатологические мотивы в двух булгаковских романах на двух уровнях художественного текста – образном и сюжетно-композиционном. В первой части второй главы [7, с. 89–169] выделены и проанализированы основные апокалиптические образы в художественном мире «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты» – астральные символы, символы природных стихий, тоска, тьма, туман и дым, дом, революция и война, антихрист. Во второй части второй главы рассматриваются сюжетно-композиционные особенности романов как воплощение эсхатологической парадигмы в творчестве Булгакова [7, с. 189–209].

В обеих диссертациях утверждается мысль о структурной последовательности воплощения Булгаковым христианского эсхатологического мифа в романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Один из итогов данных исследований – предложение нового жанрового термина для изучаемых произведений: В. А. Коханова определяет жанр «Белой гвардии» как «эсхатологическую эпопею» [6]; О. А. Орлова предлагает называть «Белую гвардию» и «Мастера и Маргариту» «романами-апокалипсисами» [7, с. 215].

Для романа «Белая гвардия» особенно характерна и важна включенность произведения не только в контекст мировой истории христианства, его громадного идейного и образного поля (как это можно было бы сказать про роман «Мастер и Маргарита»), но в контекст восточнославянского Православия и его значения для истории российского государства. К этому «обязывает» само место действия – Город, тождественный реальному Киеву, древней «матери городов русских» [5, с. 21], одному из центров древнерусского государства, с которого начались история христианской Руси, её письменность, культура, историософия. В романе на это указы-

вают символы-топосы начала исторического существования Руси, её государственности и Православия – памятник крестителю Руси князю Владимиру, древнейший собор святой Софии, великий «старик-река» Днепр [5, с. 48]. Сам эпический «зачин» романа (*«Велик был* ***год*** *и страшен год <...> Был он обилен летом солнцем, а зимой снегом...»* [5, с. 9]) отсылает читателя к киевской древности, времени создания летописных сводов, «Повести временных лет», вообще ко всему «первому» на Руси – городам, князьям, воинам, летописцам, святым, подвижникам. Точка отсчёта истории *«по Рождестве Христовом 1918-й»* – также продолжение древнерусской летописной традиции вписывать события истории своей страны в цепь событий Священного Писания. Таким образом, Булгаков задаёт в своём романе хронотоп «русского мира» – с его собственными историей, пространством, символикой, культурными и нравственными вершинами и падениями.

О значении второй точки исторического отсчёта (*«от начала же революции»*) В. А. Коханова справедливо сказала, что её можно назвать началом *«апокалиптического счёта»* времени [6] – эпохи близкого к финалу разрушения прежнего мира, то есть локального, русского «конца света». Если рассматривать сопоставление этих двух точек отсчёта в данном ключе, то революция, с одной стороны, как бы вымещает, заменяет в этой «новой», пореволюционной эре рождение Иисуса Христа: если Рождество – приход в мир Бога, воплощение Его благоволения и человеколюбия, то революция — приход в мир чего-то обратного, противоположного. Противоположность Христу – антихрист. Противоположность эсхатологической надежде на спасение – эсхатологический страх перед осуждением на Суде Божием, Страшном суде, тема которого пронизывает весь роман, начиная уже со второго эпиграфа: «*И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...*» (Откр. 20, 12).

С другой стороны, в тексте романа эти две системы отсчёта даны параллельно, а многочисленные отсылки к Апокалипсису и великим русским романам (эпиграф из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, упоминание «Бесов» Ф. М. Достоевского) подтверждают, что для Булгакова с началом революционного счёта времени ход Священной истории и истории России не прекращается. Однако если у Божьего замысла есть конечная цель, *эсхатон (греч.)*, то человеческая история, с точки зрения Булгакова, циклична. На земле

ничего подлинно нового не происходит, «русскому бунту» суждено повторяться, и Булгаков показывает его как очередной земной образ эсхатологического конца человеческой истории и Страшного суда.

Итак, мы видим, что уже в первых строках романа в один узел связываются события русской (и, косвенно, мировой) истории и важнейшие мифологемы христианского представления о последовательности событий истории отношений Бога и человека (Рождество Спасителя, Распятие, Воскресение, пришествие Антихриста, Страшный Суд). Для христианина эта последовательность устремлена к вечности, к Царству Божию. Таким образом, революция осмысляется как один из труднейших, страшнейших и опаснейших этапов на этом пути не только для всей страны, но и для каждой человеческой души.

Мы сделали оговорку «для христианина», поскольку естественным в контексте исследований христианских апокалиптических мотивов в творчестве Булгакова является вопрос о религиозных взглядах писателя. В отношении М. А. Булгакова этот вопрос едва ли может быть решён однозначно. По словам М. О. Чудаковой, Булгаков *«почти не оставил прямых высказываний на важные для каждого биографа темы – от политических до религиозных... Все, что относится к тому, что называют взглядами человека, биографом Булгакова должно реконструироваться только по косвенным данным»* [8, с. 9].

Нам было бы интересно изучить на материале «Белой гвардии» особенности использования Булгаковым христианских мотивов в создании художественного произведения о русской революции. Основная причина такого интереса заключается в прочной и «открытой» связи романа с христианской традицией в соединении с другой характерной чертой поэтики Булгакова – его «индивидуальным» мифотворчеством [7, с. 32–36, 50, 212–214]. С исчерпывающей полнотой Б. М. Гаспаров изучил «амбивалентный и парадоксальный характер евангельских ассоциаций» у Булгакова [9, с. 95].

Обширное цитирование Откровения и активное введение библейских аллюзий на всех уровнях текста говорит о том, что Апокалипсис и христианская эсхатология в целом играют в романе значительную роль: «...для романа “Белая гвардия” Апокалипсис является, в сущности, основным метасюжетом» [9, с. 101].

Эсхатологическая тема и непосредственно текст Откровения Иоанна Богослова присутствуют в тексте эксплицитно, в прямых и скрытых цитатах, причем эти цитаты поставлены в сильную позицию текста: первая (*«И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...»* (Откр. 20,12)) служит вторым эпиграфом, вторую (*«Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь»* (Откр. 16:4)) в финале первой главы читает герой романа, отец Александр. В финальных главах романа читателем Апокалипсиса выступает больной сифилисом раскаявшийся поэт (в прошлом футурист-богоборец) Русаков [5, с. 243–245, 255]. Таким образом, текст Откровения Иоанна Богослова является частью рамочной конструкции, оформляющей кольцевую композицию романа.

Выбор именно этих фрагментов из Откровения задаёт основные категории, в которых Булгаков осмысляет русскую революцию: это предопределенность, детерминированность людскими поступками (*«судимы были мертвые по **написанному** в книгах **сообразно** с делами своими»*), стихийная разрушительность (образ метели) и жестокость, кровавость, а также наступление новой, апокалиптической эры. Данная мотивная структура характерна для всего контекста русской литературы о революции (вспомним поэму А. А. Блока «Двенадцать»). Таким образом, революция и гражданская война в романе Булгакова предстают как исторически детерминированные процессы раскрепощения в каждом человеке и в целом обществе стихийных сил, уничтожающих старый мир, положительный образ которого в романе представляет биографически близкий автору образ дома Турбиных с его накрахмаленными белыми скатертями, любимыми и великими книгами, кремовыми шторами, рождественской ёлкой и горячей печью.

Кровавость революционных событий в романе соотносится с эсхатологическим видением последних язв и казней – гнева Божия на грешников, что также является одним из аспектов осмысления эсхатологического мотива Страшного суда. Этот мотив является особенно важным для «Белой гвардии». Страшный суд обнажает духовную суть человека – революционный хаос делает то же самое с героями романа. Одни, подобно Тальбергу и гетману, в страхе за свою жизнь предательски бегут из Города, другие, как полковник Малышев, понимают обреченность Белой гвардии в схватке

с Петлюрой и стараются сохранить жизнь юнкеров и офицеров, распустив их по домам, третьи героически погибают в неравном бою, как полковник Най-Турс.

Мотив разоблачения, суда и расплаты за грех звучит отчетливо с первых глав романа. Разрушение благополучного и сытого цивилизованного устройства жизни коррелирует с апокалиптическим падением «Вавилона, города крепкого» (Откр. 18, 10). В описании бегства в Город обитателей двух столиц, Москвы и Петербурга, и всей «неестественной» жизни Города в пореволюционные годы устойчива семантика порочности и разврата: *«Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, которым было поручено не терять связи с тем новым миром, который нарождался в Московском царстве, домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские,* ***продажные, алчные, трусливые. Кокотки****. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери,* ***петербургские бледные развратницы*** *с накрашенными карминовыми губами...»* Предсмертное разложение пронизывает все сферы русского общества, объятого страхом потери безопасности и комфорта, страхом смерти. На этом фоне усиливается жажда земных удовольствий, в Городе происходит настоящий «пир во время чумы». Похожую картину жизни русского общества накануне 1917 года и в революционное время мы находим у многих поэтов, прозаиков и мыслителей рубежа XIX–XX вв. – А. А. Блока, А. А. Ахматовой, В. В. Розанова, А. Ремизова, И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Тэффи и др.

М. А. Булгаков устраняет из своего романа однозначность распространенной тогда оценки революции как конца света – согласно Евангелию, никто, кроме Бога, не знает о времени его наступления, поэтому все проявления народной эсхатологии Булгаков изображает в комическом или трагикомическом ключе. Однако это не умаляет значимости самой книги Апокалипсиса для автора и художественного мира его романа. Как уже было сказано, цитаты из Откровения поставлены в сильные позиции текста, обрамляют произведение: они находятся не только в начале, но и в финале романа, где Русаков, видимо, не внявший совету доктора Турбина, читает Апокалипсис, начиная с тех самых слов о Страшном суде

(Откр. 20, 12), которые читатель видит в эпиграфе. Если в предыдущем эпизоде слова Русакова о конце света воспринимались иронически, то здесь мы видим совершенно иной, возвышенный тон [5, с. 255]: «*По мере того как он читал* ***потрясающую книгу****, ум его становился* ***как сверкающий меч****, углубляющийся в тьму. Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов:* ***“...слезу с очей их и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло”***» (Откр. 24, 1).

Мотив сна, включенный в семантический ряд миража, обмана, бреда, маскарада, крайне важен в структуре романа. Функционально он амбивалентен. Во-первых, как и реплики из толпы, отрывки из газет, ложные «знамения», мотив видения и сна создает образ замутненного, лихорадочного массового сознания революционного времени, работает на двойственность, недостоверность, неоднозначность повествования, часто сочетается с иронией и гротеском.

Вторая сторона воплощения мотива сна имеет несколько иной, мистико-пророческий характер, что коррелирует с мотивом тайновидения из Апокалипсиса: сны героев романа нередко поясняют сюжет и «раздвигают» его границы. Сон Алексея Турбина в 5 главе 1 части получает знаковый эпитет: «***Вещий*** *сон гремит, катится к постели Алексея Турбина. <...> Муть... ночь... Валяется на полу у постели Алексея недочитанный Достоевский, и* ***глумятся “Бесы” отчаянными словами***» [5, с. 59]. Этот эпизод имеет важное значение в структуре романа с точки зрения христианской проблематики, поэтому остановимся на нем.

Во сне Алексея Турбина есть явление мира небесного: спящий герой попадает в рай и беседует с его новым обитателем, своим сослуживцем по Первой мировой войне вахмистром Жилиным; видит Турбин и полковника Най-Турса, который погибнет только в 11-й главе, и неизвестного юнкера (вероятно, Николку – так читатель может догадываться о его предстоящей гибели, оставшейся за пределами фабулы). В это видение о рае Булгаков опять же иронически, через грубоватые просторечные слова Жилина (пересказ его разговора с Богом) вкладывает идею о беспристрастном, объек-

тивном, метаисторическом взгляде на происходящее, о равенстве и прощении *всех* участников страшных событий:

«Ну вот-с, я и докладываю, как же так, говорю, Господи, попы-то твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в тебя не верят, а ты им вишь какие казармы взбодрил…

“Ну не верят, – говорит, – что ж поделаешь. Пущай. Ведь мне-то от этого ***ни жарко, ни холодно***. *Да и тебе, – говорит, – тоже. Да и им, —говорит, – то же самое. Потому* ***мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку***. *Один верит, другой не верит, а* ***поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку***, *а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать,* ***все вы у меня, Жилин, одинаковые – в поле брани убиенные”***» [5, с. 66].

Мы видим, что в турбинском сне звучит идея всеобщего спасения. Важно знать, что с точки зрения догматического богословия проблема апокатастасиса является дискуссионной[1]. Согласно Священному Писанию, вера в Бога имеет решающее значение в спасении человека. В Евангелии есть множество мест (Мф. 9, 22; Мк. 11, 11–16; Лк. 17, 6; Ин. 11, 25 и многие другие), которые опровергают приснившиеся доктору Турбину слова *«Ну не верят, – говорит, – что ж поделаешь. Пущай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, – говорит, – тоже. Да и им, – говорит, – то же самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку»*. Таким образом, Булгаков иронически обыгрывает в данном эпизоде текст Апокалипсиса, уже прозвучавший в эпиграфе: *«и судимы были мертвые…* ***сообразно с делами*** своими» / «*…****поступки*** *у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку»*. В событийной «реальности» романа мы неоднократно видим, как герои убивают и мучают друг друга, как гибнут невинные, слабые, беззащитные. В финальной главе земля названа «грешной и окровавленной» [5, с. 256]. Так совершается земной, неправедный суд – суд человека над человеком. При этом люди все же таким образом расплачиваются за свои грехи: как уже было сказано, в романе революция осмысляется и как земное воплощение Страшного суда. Словно в противовес этому, во сне уставшего от войн Алексея Турбина Бог не наказывает людей за их преступления друг против друга, но милует их как жертв их же безумия. Нам думается, что в романе Булгакова

[1] Иванов М. С. Апокатастасис // Православная энциклопедия. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 39–46.

о трагических событиях начала XX в. спорная идея апокатастасиса имеет для автора, много пережившего в это время и много впоследствии размышлявшего о нем, особенное значение. Ему важно показать наиболее убедительно, в чем заключается ужас войны и борьбы за земную власть. По Булгакову, самое страшное и губительное для человека в том, что на войне, по воле разных *властей* мира сего, он становится убийцей и жертвой одновременно – зачастую против своей воли. Это должно напомнить читателю, *«кто является главным вдохновителем и архитектором этой постройки»* – то есть гибели старого мира, революционной разрухи и гражданской войны [3], *«и тем самым разоблачить силы зла, всегда маскирующиеся в силы света»* [3].

В связи с линией доктора Алексея Турбина нужно рассмотреть еще один вектор прочтения его «апокатастасийного» сна из 5 главы: возможно, с точки зрения автора, дело не в том, что вера не имеет никакого значения для Бога и не решает участи человека в вечности, но в том, что мир с начала XX в. переживал такой кризис оскудения веры, что даже то, что люди называют верой, являлось настолько слабым ее проявлением, что не имело и капли той животворящей силы, о которой говорится в Евангелии. От такой «веры», действительно, *«ни жарко, ни холодно»*, *«ни прибыли, ни убытку»*. Также можно увидеть в этом фрагменте отражение недоверия дворян и интеллигенции (в лице Алексея) к духовенству – такое явление действительно имело место в XIX в. и на рубеже столетий.

Разговорное выражение *«ни жарко, ни холодно»* здесь совершенно не случайно. Оно отсылает читателя к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» – ведь именно эту книгу читает (вероятно, перед своим «вещим» сном) Алексей Турбин [5, с. 59]. Герои романа «Бесы»[2], открыв книгу Откровения на случайной странице, читают последнее из пророческих посланий Иисуса Христа семи христианским церквам в Ассии – послание Лаодикийской церкви: *«И ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты* ***ни холоден, ни горяч****; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты* ***тепл, а не горяч и не холоден****, то извергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею*

[2] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1974. Т. 10. С. 497.

нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3, 14–17). Как отмечает архимандрит Иннуарий (Ивлиев), это единственное послание, в котором нет ни слова похвалы, а только упрёк в *теплохладности*, которую можно толковать как маловерие, отсутствие активного, деятельного стремления к Богу – начало духовной смерти [10, с. 79].

Одна из главных интенций автора в финале романа – напомнить о вечности миропорядка и временности всего земного. Смысл и «нерв» этого напоминания – христианский призыв человека к милосердию. Именно жестокость со стороны власть имеющих порождает в украинских мужиках главную, по Булгакову, историческую силу – «лютую ненависть» к немцам, гетману, офицерам, к Москве. Неслучайно апокалиптическая символика звезд – Марса и Венеры (ср. «звезда полынь» (Откр. 8, 10)) – проходящая через весь текст романа, наиболее жутко раскрывается в сцене жестокого убийства еврея петлюровцами: *«И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила...»* [5, с. 251]. Эта страшная сцена преступления одного человека против другого также встраивается в семантические ряды, связанные с мотивом греха и расплаты за него – мотивом Страшного суда, означающим уравновешенность и высшую, неземную справедливость сотворённого Богом мироздания. Звезда небесная, «тоже пятиконечная», перекликается со звездой на груди служителя нового порядка – красноармейца. Но описание бронепоезда «Пролетарий», как и многое «земное» в романе, маркировано «адскими» эпитетами – здесь опять проявляется двойственность значения образов у Булгакова.

Б. М. Гаспаров про финал «Белой гвардии» писал следующее: «...и здесь Евангелие сливается с Апокалипсисом», так как «вифлеемская звезда, загоревшаяся в финале романа, оказывается пятиконечной». «Таким образом, остается открытым вопрос о том, что возвещает финал романа – наступление царства Божия или искупительную жертву; вернее, его смысл не предполагает ответа на этот вопрос и включает в себя симультанно обе альтернативы. Эта двойственность проявляется и в том, как использует Булгаков символы противоборствующих сторон – красную звезду и белый цвет. <...> Эти противоположные смыслы не отменяют друг друга, а сливаются в единый, комплексный образ, который

и составляет, в этой своей двойственности, истинный смысл финала романа» [9, с. 102–103].

Нам же представляется важным, что в заключительных абзацах романа восстанавливается вертикальная модель мира, и что в этом историософском обобщении звучит призыв повествователя обратиться к звездам как символам вечности, чистоты и космической закономерности ради возвращения к подлинному человеческому назначению – быть образом и подобием Божиим.

Заключение

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» христианские мотивы выстраивают художественное изображение событий революции и гражданской войны. Одной из наиболее важных «несущих конструкций» является христианский эсхатологический миф и текст Апокалипсиса. В романе «Белая гвардия» эсхатологическая тема развивается в двух взаимосвязанных и перекликающихся планах. Первый, более поверхностный план включает в себя ироническое изображение общественных настроений, отождествляющих революцию с последними временами и пришествием Антихриста. Второй план взаимодействия текста Апокалипсиса с художественным миром романа отражает авторское осмысление революции и гражданской войны, основанное как на христианской традиции, так и на индивидуально-художественном мироощущении Булгакова, сотканном из многих пластов (античная мифология, мировое искусство, европейская литературная классика, славянский фольклор, биографические факты).

Функция апокалиптических цитат и аллюзий в структуре романа – и идейная, и сюжетно-композиционная. Мотивы христианского эсхатологического мифа участвуют в построении сюжета «Белой гвардии» – в нем мы видим систему концентрических кругов из картин крушения миров разного масштаба: личный и семейный «апокалипсис» героев (в первую очередь Турбиных); локальный, российский, исторический (революция) и метаисторический (всечеловеческий, окончательный – тот, о котором идет речь в Откровении Иоанна Богослова). В целом «мотив Второго пришествия и конца света», как писал Б. М. Гаспаров, имеет «циклический характер» [9, с. 103], то есть повторяется в инвариантной схеме в каждом приходе новой власти в Город.

Важная особенность булгаковского романа о революции – финальное ощущение потерянности и поражения героев, отсутствия внутреннего понимания метаисторического смысла происходящего – того, на что, кажется, хотел бы уповать автор, задавая читателю последний вопрос о звездах: «***Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор****. Меч исчезнет, а вот* ***звезды останутся****, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?*» [5, с. 257]. Судьба всех троих Турбиных озвучена повествователем изначально: им придется «мучиться и умирать» [5, с. 11]. И ничто не спасет их от этого – им, героям, неведом радостный и тоже по-своему эсхатологический сон маленького Петьки, их не утешает сладостное чтение «потрясающей книги», как Русакова. Единственная (как будто) надежда найти опору на развалинах прежнего мира мерцает для них в романтической любви: в финале у каждого из молодых Турбиных появляется пара (Николка – Ирина Най-Турс; Алексей – Юлия Рейсс; Елена – Шервинский; есть и пара второстепенных героев Анюта – Мышлаевский). Не нужно забывать, что эти обреченные, потерянные и страстные герои биографически, «кровно» близки автору. И он не осуждает их за непонимание или маловерие, но сочувствует им. Наиболее живая, ощутимая скорбь его – из-за разрушения их мира, мира русской интеллигентско-дворянской семьи («лучшего слоя… в стране» [4, с. 447]).

Попытки метаисторического и эсхатологического объяснения и оправдания революции, предпринятого Булгаковым в конце романа, нельзя трактовать только оптимистически. Не допускает однозначного прочтения финала и постоянная амбивалентность символов и мифологем в булгаковских произведениях. Возможно, причины этой неоднозначности и игры стоит искать в обстоятельствах жизни Булгакова – в СССР для него было невозможно прямо высказывать свою позицию. В связи с этим следует сказать, что в романе «Белая гвардия» намечается важная для всего булгаковского творчества тенденция к созданию искусной и сложноорганизованной пародии на современную автору пореволюционную действительность, в полной мере воплощенной позже в сатирических повестях и романе «Мастер и Маргарита».

В ходе работы мы пришли к заключению, что наиболее важные и «болезненные» точки в обращении Булгакова к христианским мотивам в романе «Белая гвардия» и других его произведениях о революции таковы:

1. Ощущение безысходной тоски по разрушенному дому, то есть по мирному, счастливому, достойному, красивому, безбедному существованию на родной земле вместе с любимыми людьми. Это тоска по лучшим проявлениям христианской культуры и цивилизации. Разрушение старого мира и построение нового в произведениях Булгакова связывается с действием дьявольских сил.

2. Тема личной ответственности человека во время крушения прежнего мира. Поиск достойного, героического выхода из данного конфликта. Неизбежность попадания частного человека как невольного участника тяжелых событий на роль преступника и жертвы. Даже пассивное участие в античеловеческих деяниях революционной стихии приводит героев к личностной сломленности и последующим мучениям.

3. В кризисные моменты жизни и истории для героев Булгакова остро встают вопросы веры, существования вечной жизни и воздаяния на Страшном суде. В «Белой гвардии» это связано в первую очередь с проблемой метаисторической, божественной оправданности революционного ужаса.

Находящаяся в свете этих вопросов несовместимость земного покоя, благополучия, а порой и просто жизни в новой действительности с сохранением чести, достоинства, верности себе и христианским заповедям – вот одна из главных трагических коллизий в произведениях М. А. Булгакова о русской революции и новой, советской России вообще.

Список литературы

1. *Дынич Е. М., свящ.* Восприятие революции в прозе И. А. Бунина : (на материале книги «Окаянные дни») : библейский контекст / священник Е. М. Дынич. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 164–179.

2. *Дынич Е. М., свящ.* Изображение революции в прозе И. А. Бунина в аспекте христианской духовной культуры : (на материале избранных рассказов 1920-х гг.) / священник Е. М. Дынич. – DOI: 10.51216/2687-

072X_2023_2_227 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 2 (23). – С. 227–247.

3. *Макаров, Д. В.* К проблеме авторского замысла в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Макаров Д. В. – EDN QZBGNN // Аналитика культурологии. – 2009. – № 13. – С. 150–155. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20154840_21018960.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

4. *Булгаков, М. А.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Записки юного врача ; Белая гвардия ; Рассказы ; Записки на манжетах / М. А. Булгаков. – Москва : Художественная литература, 1989. – 623 с. – ISBN 5-280-00759-5.

5. *Булгаков, М. А.* Белая гвардия / Михаил Булгаков ; изд. подгот. Е. А. Яблоков ; отв. ред. Н. В. Корниенко. – Москва : Ладомир, 2015. – 824 с. – ISBN 978-5-86218-536-2.

6. *Коханова, В. А.* Пространственно-временная структура романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коханова Валентина Александровна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2000. – 233 с. – URL: http://m-bulgakov.ru/ publikacii/prostranstvenno-vremennaya-struktura-romana-bulgakova-belaya-gvardiya/p3 (дата обращения: 03.06.2023).

7. *Орлова, О. А.* Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлова Ольга Анатольевна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2008. – 227 с. – URL: http://www.dslib.net/russkaja-literatura/jeshatologicheskie-motivy-v-tvorchestve-m-a-bulgakova-na-primere-romanov-belaja.html (дата обращения: 03.06.2023).

8. *Чудакова, М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова / Мариэтта Чудакова. – 2-е изд., доп. – Москва : Книга, 1988. – 671 с. – ISBN 5-212-00075-0.

9. *Гаспаров, Б. М.* Новый Завет в произведениях М. А. Булгакова / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы : очерки русской литературы XX века. – Москва : Наука, 1993. – ISBN 5-02-017721-0. – С. 83–124.

10. *Иannуарий (Ивлиев), архим.* И увидел я новое небо и новую землю : комментарий к Апокалипсису / архимандрит Иannуарий (Ивлиев). – Москва : Издательство Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2018. – VIII, 346 с. – (Современная библеистика). – ISBN 978-5-89647-353-4.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023
Статья поступила после рецензирования 09.10.2023.
Статья принята к публикации 30.10.2023.

UDC 2-591

ARTISTIC DEPICTION OF THE REVOLUTION IN M. A. BULGAKOV'S PROSE OF THE 1920S: SPIRITUAL ISSUES AND CHRISTIAN MOTIFS (BASED ON THE NOVEL "THE WHITE GUARD")

Evgeny Dynich, Priest
PhD Student at the Philology Department
Moscow Theological Academy
Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad,
141300, Russia
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

For citation: Dynich E. M., priest Artistic depiction of the revolution in M. A. Bulgakov's prose of the 1920s: spiritual issues and Christian motifs (based on the novel "The White Guard") DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_225. EDN: QUIBCC // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 225–243 pp. (in Russian)

Abstract

The article examines Christian motifs that build an artistic depiction of the events of the Revolution and Civil War in M. A. Bulgakov's prose of the 1920s. The object of the study is the writer's selected works about the tragic events of Russian history in the first third of the 20th century. In particular the authors analyze the novel "The White Guard". A literary analysis of Bulgakov's works has shown that a characteristic feature of the work of the "hoaxer" writer is the play on modern plots with the help of biblical motifs. The author of the article focuses on the apocalyptic myth and the depiction of the spiritual path of the central characters of the novel "The White Guard". Using allegory, absurdity, irony, satire, literary play, Bulgakov encrypted in his work the spiritual tragedy of society.

The authors come to the conclusion that with the help of apocalyptic quotes and allusions, Bulgakov shows the collapse of worlds of different scales: the personal and family "apocalypse" of the heroes (the Turbins); local, Russian, historical (revolution) and metahistorical (all-human, final). According to the authors, the constant ambivalence of symbols and mythologies in Bulgakov's

works does not allow an unambiguous reading of the ending of the novel, and the appeal to Christian motifs in the depiction of revolutionary events is due to: 1) an irresistible longing for the destroyed former way of life and the association of the new order with the action of dark forces; 2) a personal responsibility for actions in the revolutionary elements; 3) questions of faith, eternal life and reward at the Last Judgment, arising in crisis moments of earthly existence.

Keywords: M. A. Bulgakov; The White Guard; stories and novellas of the 1920s; Christian tradition in Russian literature; biblical motifs; apocalyptic myth.

References

1. Dynich E. M., Priest Vospriyatie revolyutsii v proze I. A. Bunina (na materiale knigi "Okayannye dni"): bibleiskii kontekst [Perception of the revolution in the prose of I. A. Bunin: (based on the book "Cursed Days"): biblical context]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 164–179. (In Russian).

2. Dynich E. M., Priest Izobrazhenie revolyutsii v proze I. A. Bunina v aspekte khristianskoi dukhovnoi kul'tury (na material izbrannykh rasskazov 1920-kh gg. [Depiction of the revolution in the prose of I. A. Bunin in the aspect of Christian spiritual culture (based on selected stories of the 1920s)]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_227 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 227–247. (In Russian).

3. Makarov D. V. K probleme avtorskogo zamysla v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita" [On the problem of the author's intention in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2009, no. 13, pp. 150–155. (In Russian). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20154840_21018960.pdf (accessed: 06.06.2023).

4. Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989, vol. 1, Notes of a Young Doctor; The White Guard; Stories; Notes on Cuffs, 623 p. (In Russian).

5. Bulgakov M. A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. Moscow, Ladomir Publ., 2015, 824 p. (In Russian).

6. Kokhanova V. A. *Prostranstvenno-vremennaya struktura romana M.A. Bulgakova "Belaya gvardiya". Dis. kand. filol. nauk* [Spatio-temporal structure of M. A. Bulgakov's novel "The White Guard". Cand. phil. sci.

dis.]. Moscow, 2000, 233 p. (In Russian). Available at: http://m-bulgakov.ru/publikacii/prostranstvenno-vremennaya-struktura-romana-bulgakova-belaya-gvardiya/p3 (accessed: 03.06.2023).

7. Orlova O. A. *Eskhatologicheskie motivy v tvorchestve M.A. Bulgakova: na primere romanov "Belaya gvardiya" i "Master i Margarita". Dis. kand. filol. nauk* [Eschatological motifs in M. A. Bulgakov's works: based on the novels "The White Guard" and "The Master and Margarita". Cand. phil. sci. dis.]. Moscow, 2008, 227 p. (In Russian). Available at: http://www.dslib.net/russkaja-literatura/jeshatologicheskie-motivy-v-tvorchestve-m-a-bulgakova-na-primere-romanov-belaja.html (accessed: 03.06.2023).

8. Chudakova M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 671 p. (In Russian).

9. Gasparov B. M. Novyi Zavet v proizvedeniyakh M. A. Bulgakova [New Testament in M. A. Bulgakov's works]. *Literaturnye leitmotivy: ocherki russkoi literatury XX veka* [Literary Leitmotifs: Essays on Russian Literature of the 20th century]. Moscow, Science Publ., 1993, pp. 83–124. (In Russian).

10. Iannuariy (Ivliev), Archimandrite *I uvidel ya novoe nebo i novuyu zemlyu: kommentarii k Apokalipsisu* [And I saw a new sky and a new earth: commentary on the Apocalypse]. Moscow, Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew Publ., 2018, VIII, 346 p. (In Russian).

Received 14 June 2023.
Reviewed 09 October 2023.
Accepted for press 30 October 2023.

Научный журнал

БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК ТАМБОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 4 (25), 2023

Адрес редакции, издателя: 392000, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. М. Горького, д. 3

Телефон 8 (4752) 55–92–72
E-mail: tdsnauka@yandex.ru;
www.tamds.ru

Компьютерная верстка – **Е. В. Ермохина**
Корректор – **Е. Г. Ремизова**

Подписано в печать 27.11.2023 г. Дата выхода в свет 28.12.2023 г.
Формат 70x100 (1/16). Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,48. Тираж 500 экз. Заказ № 1277.

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
Юридический адрес типографии:
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Пензенская, д. 5–1
Тел. +7 900-499-48-88.
E-mail: info@tps68.ru htpp://www.tps68.ru

ISSN 2687-072X

9 772687 072007 >